ПРИДНЕСТРОВСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

ПРИДНЕСТРОВСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

А.В. СУВОРОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

Выпуск I

Тирасполь, 2002

УДК 947
ББК 63.3(2)46
П75

Приднестровские исторические чтения: А.В. Суворов глазами современников и потомков. Выпуск I. Тирасполь, 2002. – 204 с.

Первый выпуск «Приднестровских исторических чтений» посвящен личности и деятельности выдающегося российского полководца и государственного деятеля А.В. Суворова, удивительной судьбе суворовского наследия в отечественной истории. Обширный круг исследований ученых-историков, музейных работников, архивистов, преподавателей истории, филологов, действующих политиков предоставляет читателю возможность ознакомиться с малоизвестными страницами истории русско-турецких войн екатерининской эпохи, с новыми фактами и подходами в изучении деятельности полководца, с возрожденным образом А.В. Суворова в исторической памяти современного Приднестровья.

УДК 947
ББК 63.3(2)46

Редакционная коллегия:

И.М. Благодатских,
З.Г. Тодорашко,
Н.В. Дымченко,
А.А. Мельничук,
Д.Г. Бордей

© Общество историков-архивистов
Приднестровья, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неисчерпаема *история А.В. Суворова*. Трудно найти в российской летописи XVIII века государственного и военного деятеля, слава которого была бы столь велика. Может быть, Петр I и Екатерина II, но этим выдающимся правителям во многом в силу рождения была суждена яркая историческая судьба. Феномен А.В. Суворова, его «тайна» состоит не только в его славных делах и походах, в блестящем «зрелище человеческой деятельности» по выражению Марка Блока, но и в той труднообъяснимой с прагматической точки зрения востребованности в последующих эпохах российской, советской и постсоветской истории, в памяти сменяющих друг друга на этой земле поколений.

Закономерно, что предлагаемый читателю сборник опубликован в Приднестровье, где с именем А.В. Суворова связано начало «зрелой» политической истории края. Суворовское наследие в Приднестровье представляет интерес как предмет суворoведения; уникальный опыт последнего десятилетия, возродивший имя и образ великого российского полководца на узкой полоске земли вдоль Днестра, не может оставить равнодушными специалистов. Не только сохранение памяти, идей А.В. Суворова, но и новый смысл, значение суворовского образа в общественном сознании заслуживают самого пристального внимания суворoведов.

Наследие А.В. Суворова в Приднестровье дает исследователям большие возможности для научных открытий в области различных специальных исторических дисциплин: нумизматики, филателии, вексиллологии, фалеристики, памятниковедения и др. Удача специалистов в этой сфере состоит в том, что речь в данном случае идет не о завершившемся, а продолжающемся процессе, каждый новый день приносит еще более любопытный и разнообразный материал.

Суворовское наследие представляет интерес и для исследователей современной истории Приднестровья. Происшедшие после распада Советского Союза в общественном сознании, в историческом образовании и науке изменения, связанные с попытками конструирования собственной «национальной истории» в независимых постсоветских государствах, на наш взгляд, также заслуживают особого внимания исследователей.

В основе настоящего издания материалы международного научного семинара «А.В. Суворов глазами современников и потомков», прошедшего в г. Тирасполь 15–18 октября 2000 г. Нужно отметить огромную заинтересованность всех участников семинара, прежде всего членов организационного комитета, в издании этой книги. Пожалуй, только профессиональное и личное содружество, возникшее в ходе работы над суворовской темой, позволило выйти сборнику в свет. Творческая энергия и готовность к действию З.Г. Тодорашко, организаторский талант и спокойная уверенность Н.В. Дымченко, доброжелательность и способность поддержать в трудную минуту А.А. Мельничук, пунктуальность и внимание к каждой самой незначительной, на первый взгляд, детали Д.Г. Бордея – все это вместе взятое стало основной причиной выхода публикации.

Содержание первого выпуска «Приднестровских исторических чтений» составил обширный круг исследований, связанных с личностью и деятельностью А.В. Суворова в различные периоды его жизни, широко представлена приднестровская проблематика. На страницах книги, и в этом, на наш взгляд, ее достоинство, можно познакомиться с мнениями ученых-историков, музейных работников, архивистов, преподавателей истории, филологов, действующих политиков. Об убедительности каждого мнения, исследовательской новизне каждой статьи и ценности сборника в целом судить предстоит читателю.

Научно-организационная работа по изданию первого выпуска «Приднестровских исторических чтений» проведена в Центре средств массовой информации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, компьютерный набор осуществлен Н.А. Соколан, оригинал-макет изготовлен С.В. Олейниковым. Большую помощь в подготовке рукописи к изданию оказала старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы ПГУ им. Т.Г. Шевченко Г.Н. Николаева.

И.М. Благодатских

ОБРАЩЕНИЕ

к организаторам и участникам международного научного семинара «А.В. Суворов глазами современников и потомков»

В год 270-летнего юбилея великого полководца и государственного деятеля Александра Васильевича Суворова от имени Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики сердечно приветствую вас на земле Приднестровья, осененной гением этого выдающегося человека!

На приглашение приднестровского Общества историков-архивистов откликнулись ученые-исследователи нескольких государств: России, Украины, Молдовы, Приднестровья, которые сегодня представляют здесь города, имеющие прямое отношение к личности А.В. Суворова, либо места, в той или иной мере связанные с его деятельностью.

Приднестровье — это край, вхождение которого в состав российского государства стало возможным благодаря ряду блистательных побед российских войск под руководством А.В. Суворова в войне России и Турции 1787—1791 гг. и заключенного по ее результатам мирного договора, а Тирасполь, столица Приднестровской Молдавской Республики, 210-летие которого мы будем отмечать, своим рождением обязан непосредственно А.В. Суворову, который сам выбрал место, утвердил план и лично присутствовал при закладке пограничной крепости, из которой и вырос наш город.

Наша память и благодарность А.В. Суворову выражены не только великолепным памятником полководцу на центральной площади столицы, ставшим символом города и всего Приднестровья, изображением А.В. Суворова на орденах и медалях, денежных знаках, не только в названиях улиц, площадей. А.В. Суворов сегодня для Приднестровской Молдавской Республики — фигура символичная, знаковая, и то, что его изображения, изречения стали частью государственной символики и геральдики Приднестровской Молдавской Республики, лишь видимая часть нашей неразрывной связи с именем этого великого человека и гражданина.

Выражаю надежду, что первый опыт международного научного и профессионального сотрудничества историков, архивистов, сотрудников музеев будет плодотворным и станет началом систематической совместной работы представителей различных стран с целью изучения великой личности А.В. Суворова, его наследия и роли как в истории государства российского, так и в мировой истории, его влияния на современность.

Желаю вам плодотворной работы в рамках семинара, успехов в профессиональной деятельности и личной жизни, надеюсь на дальнейшее сотрудничество и новые встречи.

Председатель Верховного Совета
Приднестровской
Молдавской Республики **Г.С. Маракуца**

СУВОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ

З. Г. Тодорашко

Общество историков-архивистов Приднестровья (ОИАП) было создано по инициативе Государственной архивной службы Приднестровской Молдавской Республики в 1999 году. Эта добровольная, независимая, самоуправляемая, некоммерческая общественная организация, деятельность которой связана с развитием исторической науки, архивного дела, сохранением историко-культурного наследия народа Приднестровья. За прошедший период Общество активно сотрудничало с государственными, общественными, религиозными и другими организациями, поддерживало и развивало связи с архивными и научными учреждениями, вузами, музеями, библиотеками как внутри, так и за пределами республики. При определении основных форм и направлений работы Общества была признана необходимость концентрации сил, идей и средств, высказана принципиальная позиция членов Общества — не раствориться в большом количестве мероприятий, проводимых в Республике, не подменить деятельность определенных государственных структур.

Одной из основных форм научной деятельности Общества в первый год его существования стал международный научный семинар, посвященный памяти великого российского полководца А.В. Суворова. Суворовская тематика в работе Общества была обусловлена и деятельностью суворовских организаций России и СНГ по увековечиванию памяти А.В. Суворова в связи с 270-летием со дня рождения и 200-летием со дня кончины.

Успешному проведению международного научного семинара «А.В. Суворов глазами современников и потомков» способствовали профессиональные связи историков нашего края с российскими коллегами. Так, в мае 2000 года приднестровцы приняли участие в работе международной научной конференции в Санкт-Петербурге «Суворов. История и современность». В своих выступлениях они осветили проблему сохранения образа А.В. Суворова в исторической памяти Приднестровья. В ходе доклада Председатель Совета ОИАП, доцент кафедры всеобщей истории ПГУ им. Т.Г. Шевченко И.М. Благодатских не только продемонстрировала, но и передала от Общества историков-архивистов Приднестровья Государственному мемориальному музею А.В. Суворова коллекцию различных предметов

с суворовской символикой, созданных в ПМР за последние 10 лет. В выступлениях заведующей кафедры отечественной истории ПГУ им. Т.Г. Шевченко О.Ю. Скалецкой, старшего преподавателя этой же кафедры Е.П. Кирьяковой, начальника отдела охраны памятников Республиканского управления культуры ПМР Т.П. Дорох были представлены результаты научных исследований, проводившихся в Приднестровье на основе материалов российских архивов. Значимость участия приднестровских ученых в научной конференции была подчеркнута в заключительном слове директора Государственного мемориального музея А.И. Суворова А.И. Кузьмина: «В мире, кроме России, есть две страны – Швейцария и Приднестровская Молдавская Республика – где хранят память об А.В. Суворове»[1]. Сообщения И.М. Благодатских «А.В. Суворов в исторической памяти Приднестровья» и Е.П. Кирьяковой «Роль А.В. Суворова в укреплении южных границ России в конце XVIII века» были опубликованы в нескольких российских изданиях[2].

В связи с мероприятиями, проводимыми в Российской Федерации ко Дню памяти А.В. Суворова, Общество историков-архивистов Приднестровья обратилось в Верховный Совет ПМР за поддержкой в подготовке и проведении аналогичных мероприятий в Приднестровье. Такую поддержку Общество нашло в лице первого заместителя Председателя Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики В.И. Атаманюка.

Первым этапом суворовских мероприятий стало проведение республиканского творческого конкурса исторических сочинений «А.В. Суворов глазами современников и потомков». Общество провело его весной 2000 года при поддержке Министерства народного образования ПМР, Республиканского управления культуры, Управления Тираспольско-Дубоссарской епархии, Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Для участия в конкурсе были приглашены учащиеся общеобразовательных школ, лицеев, гимназий и учащиеся учреждений профессионального образования без возрастных ограничений. По условиям конкурса сочинение должно было отражать не только уровень конкретно-исторических знаний учащихся (фактов биографии А.В. Суворова, его жизнедеятельности, важнейших событий эпохи русско-турецких войн XVIII века), но и содержать размышления авторов о роли, месте и значении А.В. Суворова в исторической памяти последующих поколений[3]. Мероприятия такого рода Обществом проводились впервые, поэтому важно было апробировать их в масштабах всей Республики. Основной целью стало определение степени

Церемония награждения победителей
Первого республиканского творческого конкурса исторических сочинений

значимости суворовской темы для молодого поколения приднестровцев.

На наш взгляд, результаты конкурса были впечатляющими. В течение двух месяцев со дня объявления конкурса, несмотря на окончание учебного года и подготовку к выпускным экзаменам (апрель–май), было представлено 97 работ участников из всех районов Республики, всех типов средних учебных заведений (в том числе духовной семинарии, различных возрастов (от 13 до 18 лет), на русском, молдавском и украинском языках, в повествовательной и стихотворной формах, с различной степенью художественного оформления, дополненные схемами, рисунками, фотографиями. Тирасполь представил 23 работы из 16 средних школ, 7 из средних специальных учебных заведений; Бендеры – 31 (13 и 18). Экспертная оценка работ проводилась оргкомитетом по специально разработанной системе критериев из восьми пунктов, составляющих в сумме 100 баллов. Критерии отбора: конкретно-исторические сведения (40), размышления о роли и месте А.В. Суворова в истории (10), размышления об образе А.В. Суворова в исторической памяти Приднестровья (10), изложение фактов биографии А.В. Суворова (10), оформление (10), оригинальность формы изложения (10), объем работы (5), количество использованной литературы (5). Наряду с владением исторической темой, количеством

использованных литературы и источников, качеством оформления отмечалась способность к самостоятельному анализу, видение связи с современностью, собственное отношение к личности А.В. Суворова. По количеству набранных баллов (от 86 и выше) были отобраны 25 работ, присуждены одно первое место, два вторых и три третьих, был учрежден специальный приз за лучшее оформление работы.

Итоги конкурса показали, что личность А.В. Суворова близка приднестровской молодежи. В большинстве работ полководец ассоциируется с образом «защитника земли русской» и являет собой пример служения Отечеству. В ряде работ А.В. Суворов назван национальным героем Приднестровья, во многих нашло отражение восприятие образа А.В. Суворова как символа мужества, стойкости, победы приднестровского народа в военном конфликте 1992 г.

Для финалистов конкурса был организован двухдневный семинар в г. Тирасполь на базе Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Участники посетили исторические места и музеи г. Тирасполь и г. Бендеры. В ходе семинара был проведен «круглый стол», в котором приняли участие победители конкурса, учителя истории, преподаватели исторического факультета. Участниками семинара был поднят важный вопрос о возрождении патриотической работы среди учащихся, возобновлении деятельности научных обществ учащихся, о месте краеведения в учебном процессе, о той роли, которую может и должно сыграть ОИАП в этих вопросах. На пленарном заседании семинара прозвучали доклады преподавателей исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко (доцента кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук И.М. Благодатских, старшего преподавателя кафедры отечественной истории Е.П. Кирьяковой), которые значительно расширили знания учащихся по суворовской тематике. Театрализованная церемония награждения победителей конкурса, в которой участвовали Екатерина II и А.В. Суворов (в их роли выступили студенты исторического факультета С. Зубрилина и М. Едренкин) стала кульминацией семинара.

Победителями Первого республиканского творческого конкурса исторических сочинений стали Наталья Софиян (I место) – ученица 11 класса СШ №1 с. Парканы Слободзейского района; Марьяна Никул (II место) – ученица 10 класса СШ №4 пгт Григориополь; Наталья Сиденко (II место) – ученица 10 класса гимназии №2 г. Бендеры; Святослав Вахабов (III место) – учащийся 2 курса духовной семинарии с. Кицканы Слободзейского района; Евгений Прозоренко (III место) – ученик 10 класса СШ №7 г. Тирасполь; Оксана Тихончук

Заседание международного научного семинара «А.В. Суворов глазами современников и потомков» (16 октября 2000 г., Тирасполь)

(III место) – ученица 9 класса СШ №3 с. Красная Горка Григориопольского района. Специальный приз за лучшее оформление работы, учрежденный Союзом дизайнеров Приднестровья, был вручен Владимиру Малахову – ученику 10 класса СШ пгт Красное Слободзейского района.

В число призеров Первого республиканского творческого конкурса исторических сочинений вошли: Татьяна Бордей – ученица 10 класса республиканского украинского теоретического лицея г. Тирасполь; Александр Лещенко и Вячеслав Игнатенко – студенты Приднестровского техникума пищевой промышленности г. Тирасполь; Юлия Лебедева – ученица 11 класса СШ №6 г. Рыбница; Михаил Малашевский – ученик 11 класса СШ с. Коротное Слободзейского района; Ирина Морозова – ученица 11 класса СШ пгт Красное Слободзейского района; Любовь Селегина – ученица 8 класса теоретического лицея г. Бендеры; Ольга Сидорова – ученица 7 класса СШ №18 г. Бендеры; Николай Харитонов – ученик 11 класса СШ №2 г. Рыбница; Елена Фогель – ученица 8 класса СШ №3 пгт Каменка; Алексей Цуркан – ученик 10 класса СШ №13 г. Бендеры; Екатерина Чиканчи – студентка 2 курса экономического колледжа с. Гиска; Надежда Аристархова – студентка 2 курса Приднестровского высшего музыкального колледжа им. А.Г. Рубинштейна г. Тирасполь; Олег Герцовой – ученик 11 класса СШ №8 г. Рыбница; Павел Голубов – ученик 10 класса СШ №2 с. Кицканы Слободзейского района; Ольга Епифанова – ученица 11 класса СШ №3 пгт Григориополь; Татьяна Островская – ученица 11 класса СШ №15 г. Тирасполь; Наталья Сербул – ученица 10 класса гуманитарно-математической гимназии г. Тирасполь; Наталья Тоницой – ученица 9 класса СШ №3 с. Чобручи Слободзейского района; Ольга Негруца – ученица 11 класса СШ №3 с. Красная Горка Григориопольского района.

Победители конкурса получили ценные подарки и наборы книг по историко-краеведческой тематике. Мнение всех участников конкурса

было единодушным: творческие конкурсы исторических сочинений должны стать традиционными. Лучшие работы победителей конкурса, рассматриваемые нами как полноценный исторический источник, вошли в Архивный фонд Общества историков-архивистов Приднестровья и сданы на постоянное хранение в Центральный государственный архив ПМР.

Вторым этапом суворовских мероприятий в Приднестровье стал международный научный семинар. Предполагалось, что суворовская тема, столь значимая для Приднестровья, будет близка историкам, музейным, архивным работникам России, Украины, Молдовы. Обращаясь к идее научного семинара, ОИАП намеревалось восстановить утраченные научные связи, наладить новые контакты, произвести обмен материалами и документами.

Международный научный семинар «А.В. Суворов глазами современников и потомков» состоялся в г. Тирасполь 15–18 октября 2000 года. В семинаре приняли участие ученые-историки, музейные и архивные работники Украины (Днепропетровск, Николаев, Одесса, Очаков, Измаил, Винница), Молдовы (Кишинев, Калараш) и Приднестровья. Материалы научных сообщений представили российские исследователи (Санкт-Петербург)[4].

Работа семинара была организована в виде пленарного заседания и «круглых столов» по темам «Русско-турецкие войны екатерининской эпохи», «А.В. Суворов: новые факты и подходы к изучению», «А.В. Суворов в исторической памяти Приднестровья».

На открытии семинара выступили заместитель Председателя Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики В.И. Атаманюк, советник Президента ПМР А.З. Волкова, секретарь Тираспольско-Дубоссарской епархии отец Дионисий, заместитель главы госадминистрации Тирасполя М.И. Иоржева, представитель Министерства обороны подполковник В.Г. Клесов и представитель Черноморского казачьего войска А.С. Боговид.

Основные этапы формирования государственности Приднестровья, фактически вышедшего из лона Киевской Руси и вернувшегося в состав российских земель в конце XVIII столетия, идея неразделимой общности его судьбы с Россией нашла отражение в докладе зав. кафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко доцента О.Ю. Скалецкой.

Интересные данные по истории русско-турецких войн и роли российской дипломатии второй половины XVIII века в присоединении приднестровских земель к России были приведены в сообщениях доцента

Заседание международного научного семинара
«А.В. Суворов глазами современников и потомков»
(17 октября 2000 г., Тирасполь)

Южно-Украинского университета А.И. Третьяка (Одесса), директора Государственного архива Винницкой области С.Д. Гальчака (Винница), автора монографии «Дунайские княжества в политике России» Г.С. Гросул (Кагарлык).

О строительстве крепостей в гг. Тирасполь и Бендеры рассказали директор Тираспольского государственного объединенного музея А.А. Мельничук и зав. филиалом Бендерского историко-краеведческого музея В.И. Перстнев, об освещении русско-турецких войн в экспозиции Национального музея истории Молдовы – старший научный сотрудник Т.И. Заремба.

Новые факты и подходы к изучению личности А.В. Суворова были представлены в выступлениях директора Государственного архива Одесской области В.И. Мальченко, директора Государственного архива Николаевской области Л.И. Окороковой, зам. директора Днепропетровского историко-краеведческого музея В.Н. Бекетовой, старшего научного сотрудника Измаильского музея А.В. Суворова О.П. Панковой, заведующей музеем А.В. Суворова в г. Очакове Л.В. Пономарь.

О судьбе несохранившегося памятника А.В. Суворову в г. Одесса работы скульптора Эдуардса рассказала зам. директора по научной работе Одесского музея личных коллекций В.Н. Лысь, выразившая

сожаление о том, что к работе семинара не был привлечен живущий в Лихтенштейне барон Э. Фальц-Фейн, содействующий возвращению на родину культурных ценностей, в разное время вывезенных из России. В 1980-е годы он на свои средства установил мемориальную доску в местечке Бальцерс, содействовал выпуску почтой Лихтейнштейна марки с портретом А.В. Суворова, поддерживает самые тесные связи с соотечественниками. По словам Валентины Николаевны, тематика суворовских чтений, сам факт их проведения могли бы заинтересовать этого замечательного человека.

Появление образа А.В. Суворова в символике Вооруженных Сил, финансовой и банковской системах Приднестровской Молдавской Республики освещено в выступлениях первого заместителя Председателя Верховного Совета ПМР В.И. Атаманюка и начальника государственной службы внешнеэкономических связей и торговли Приднестровской Молдавской Республики В.А. Загрядского. Суворовская тема в творчестве приднестровских художников и поэтов была представлена сотрудником управления культуры г. Тирасполь Н.В. Дымченко, в фалеристике и филателии Приднестровской Молдавской Республики — старшим научным сотрудником Тираспольского городского объединенного музея А.М. Зенкиным. В сообщении «Памятник А.В. Суворову как символ Приднестровья» доцент кафедры всеобщей истории ПГУ им. Т.Г. Шевченко И.М. Благодатских представила перечень объектов с суворовской символикой[5].

В рамках работы семинара состоялись прием у ректора Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко профессора С.И. Берила, встречи с архивными и музейными работниками Приднестровья, посещение музеев г. Тирасполь и г. Бендеры, Новонямецкого монастыря и комплекса православных храмов.

По общему мнению участников международного научного семинара «А.В. Суворов глазами современников и потомков», целесообразно было бы закрепить установленные научные связи, сделать чтения в Приднестровье традиционными. Суворовские чтения, несомненно, стали значительным событием для общественности Приднестровья, они широко освещались в местной прессе, на телевидении и радио ПМР.

Суворовские мероприятия проводились при активной и действенной поддержке Верховного Совета ПМР, Министерства просвещения ПМР, Государственной архивной службы ПМР, госадминистрации г. Тирасполь, Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Тираспольско-Дубоссарской епархии, Войскового правления ЧКВ, АО «Электромаш» и др.

Приднестровские исторические чтения 2000 года показали не только значимость суворовской темы, но и перспективы дальнейшей совместной работы историков всего южного региона, в данное время разделенного границами независимых государств. Для республики — это еще одна возможность представить Приднестровье на международном уровне в культурном, научном и духовном плане. Для Приднестровья проблемы истории имеют особую политическую остроту, связанную с историческим обоснованием государственности. С распадом отечественной исторической науки на национальные истории наша республика оказалась на время без своей собственной, с острой необходимостью определить духовный и историко-культурный стержень — основу духовного здоровья общества, воспитания и обучения подрастающего поколения. Общество историков-архивистов Приднестровья как общественное объединение профессионалов призвано сыграть важную роль в этом процессе. Глубоко символично, что начало работы Общества историков-архивистов связано с именем А.В. Суворова.

---

[1] Скалецкая О.Ю. В мире есть только две страны, где помнят о Суворове // Исторический альманах Приднестровья. 2000. №4. С. 77–78.

[2] Суворов. История и современность. СПб., 2000; Политическое просвещение. 2000. № 1.

[3] Материалы о проведении Первого республиканского творческого конкурса исторических сочинений по теме «А.В. Суворов глазами современников и потомков» в 2000 г. // Архив ОИАП.

[4] Приднестровье. 17 октября 2000 г.

[5] Материалы международного научного семинара «А.В. Суворов глазами современников и потомков» г. Тирасполь, 15–18 октября 2000 г. // Архив ОИАП.

ПРИДНЕСТРОВЬЕ И РОССИЯ: ОБЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

О.Ю. Скалецкая

Российское государство, уходящее корнями в седую Древнюю Русь, сформировавшуюся еще в IX в. в среднем Поднепровье, на протяжении ряда веков постепенно набирало силу, то подвергаясь нашествиям иностранных завоевателей и почти теряя свою независимость, то выпрямляясь и расцветая вновь.

Образовавшись значительно позже многих европейских государств, Россия добилась в XVIII в. того, что ни один из вопросов международной политики не мог решаться без ее участия. Испытывая на себе западноевропейское влияние, она смогла создать материальные и духовные ценности, пополнившие мировую сокровищницу культуры. В начале XX в. в России произошла социалистическая революция и была предпринята попытка построения социалистического государства. Несмотря на огромные трудности, в середине XX в. стране удалось выстоять в борьбе против фашизма, объединив всю Европу для его полного разгрома. Пережив сложный период послевоенного развития, Россия встала на путь реформ, определяя для себя новые, еще не очевидные перспективы.

Огромная Россия и маленькая полоска земли на ее западных рубежах – Приднестровье, собственная государственность которого была впервые создана только в 20-х годах XX столетия, да и то в качестве автономии! На фоне распада СССР, демонстрации парада суверенитетов и преобладания центробежных тенденций вопрос о перспективах развития Приднестровья стал одним из основных для историков края.

Будущность исторического пути наших земель, как свидетельствуют документальные источники, была предопределена освоением ее территории славянами и включением в состав древнерусского государства. Последовавшие в эпоху средневековья события привели к возвращению края в XVIII в. в лоно России. XIX и почти весь XX в. не вызывали сомнения в закономерности этого процесса, и только последнее десятилетие ушедшего столетия обнажило и выдвинуло на первый план проблему исследования истоков общности Приднестровья с достижениями цивилизации, созданной восточнославянским миром,

хранительницей и продолжательницей которого является Россия, несмотря на всю сложность переживаемого ею момента.

Приднестровские земли в древнейшие времена испытывали на себе влияние различных культур и общностей. Периоды мира сменялись кровопролитными войнами. Одни народы уходили, взамен приходили новые. Географическое положение территории, связывающей Восток и Запад, Север и Юг, определило сложную историческую судьбу нашего края. С VI в. в Поднестровье появились славяне в связи с их активным продвижением на Балканский полуостров. Византийские авторы указывали на то, что славяне были основным оседлым населением края в ту эпоху.

Чуть позже о проживании восточнославянских племен на Днестре рассказывала «Повесть временных лет»: «... а улучи и тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ...». Автор далее указывал, что их города сохранились «до сего дне», то есть до начала XII в. – времени написания летописи.

В VIII–IX вв. здесь сформировалось племенное княжение, находившееся, вероятно, в «даннических отношениях» с первыми русскими князьями. Не вдаваясь в многочисленные подробности, мы можем утверждать, что эти племена, располагаясь на окраинных землях древнерусского государства, сдерживали натиск кочевников, в том числе печенегов и половцев. В начале XII в. сформировались половецкие союзы, один из которых входил в состав так называемых «диких половцев» и располагался в верховьях Южного Буга и Днестра, на южной окраине Галицко-Волынской Руси. Прекратили существование отдельные центры древнерусской культуры в Днестрово-Дунайских землях, но в центральных и северных районах осталось славянское население. Эпоха Киевской Руси закончилась. Государство вступило в период феодальной раздробленности.

Днестровско-Дунайские земли уже в составе Галичской Руси вышли из-под власти киевских князей, став ареной княжеских распрей. В середине XIII в., разделив судьбу всего населения Киевской Руси, Приднестровье испытало на себе тяжесть монголо-татарского нашествия, перейдя во владение ордынского темника Ногая. Его ставка переместилась из Нижнего Поднестровья на Нижний Дунай и возвратилась в Поднестровье в конце XIII в.

Во второй половине XIV в. произошло изменение политической ситуации. Соперниками ослабевающей Золотой Орды в борьбе за земли Северо-Западного Причерноморья, в том числе Приднестровья, выступили Польша, Литва и Молдавия. Золотоордынцы вынуждены

были покинуть данную территорию, и в 1387 г. по договору Днестр стал рекой, разделившей Поднестровье на литовское (левобережье) и молдавское (правобережье) владения. Даже после разгрома Иваном III в 1480 г. Золотой Орды, в южных районах Поднестровья сохранилось кочевое татарское население.

Галицко-Волынской Руси, в том числе Приднестровью, завоеванным литовскими князьями, удалось некоторое время сохранять традиции древнерусской государственности: обычаи и право, национальное самосознание, язык и православную религию. Однако это стало значительно сложнее в условиях соперничества Польши и Литвы после заключения Кревской унии 1385 г. в составе объединенного государства. В 1386 г. Витовт выступил против верховенства Ягайло, но к 1392 г. он вынужден был с этим смириться. Против него поднялись удельные князья, включая подольских и приднестровских Кориатовичей. К концу XIV в. приднестровские земли попали под власть польских магнатов, поэтому в известном «мятеже Свидригайло» Приднестровье было на их стороне. Многолетняя борьба не принесла самостоятельности бывшим землям Древней Руси. В 1470 г. польский король Казимир IV упразднил Киевское княжество. Бывшая столица Древней Руси полностью попала под власть Польши. Существует мнение, что это означало ликвидацию древнерусской государственности. Однако, на наш взгляд, это противоречит историческим фактам. Общеизвестно, что еще в период феодальной раздробленности, в силу исторических обстоятельств, духовный и политический центр русских земель переместился на северо-восток. Московское княжество, а затем российское централизованное государство выступило преемником и наследником Древней Руси. Оно развивало материальные и духовные ценности, созданные поколениями русичей киевской державы. Именно российское государство в дальнейшем стало притягательной силой для славянского населения, оказавшегося в пределах других государств.

На рубеже XV–XVI вв. над Европой нависла реальная угроза османского завоевания. Боясь оказаться его жертвой, Молдавия обратила свои взоры к Польше. В 1404 г. княжество заключило вассальный договор с Польшей. Ягайло приказал князьям Подолии и Приднестровья помогать молдавскому господарю. Однако в XVI в. уже Речь Посполитая явилась ненадежным союзником в борьбе против Турции, поэтому Молдавия возлагала свои надежды на украинское казачество. Казацкие походы за Днестр оказывали значительное влияние на политическую ситуацию в Юго-Восточной Европе. Из хроники

Мартына Бельского, датируемой 1489 г., известно о появлении казаков в Подолии и Приднестровье.

В середине XVI в. возникла Запорожская Сечь как центр казачества. К концу XVI в. местами проживания казаков стали берега Днестра, Подолия, Брацлавщина, Волынь, Киевщина и Черниговщина. Первым казацким походом в Приднестровье стало нападение хмельницкого старосты Лянцкоронского на Белгород и Очаков с целью освобождения от османов устья Днестра и Южного Буга.

В 1540 г. молдавский господарь Стефан Лакуста в союзе с казаками попытался освободить Южное Приднестровье и Бендеры. Широкую известность получили страницы антиосманской борьбы казачества под руководством Дмитрия Вишневецкого и Ивана Свирговского. Впоследствии казацкие походы стали постоянными. Среди казачества возникла идея создания самостоятельного государства. В 70-е годы XVI в. Приднестровье стало опорным пунктом движения Ивана Подковы. Апогеем борьбы за «казацкую вольницу» стало восстание казаков под руководством Северина Наливайко и Григория Лободы в 1594-1596 гг. По их замыслам, казацко-молдавское государство под покровительством Речи Посполитой должно было противостоять османской агрессии и формироваться на приграничной территории, то есть в Приднестровье. Однако данная идея, как и замыслы вождей крестьянских войн в России, оказалась утопичной.

Казацкие походы и антиосманскую борьбу Молдавского княжества постоянно поддерживала Москва. Это способствовало сохранению связей с государством, оплотом православной религии, осознанию общности переживаемых перипетий и трудностей.

XVII век принес новую расстановку сил на международной арене. Во время польско-шведской интервенции в Россию на помощь сыну короля Владислава в поход отправился отряд украинских казаков гетмана Петра Сагайдачного. Невыполнение польским правительством требований П. Сагайдачного о расширении казацкой территории, обеспечении свободы православной веры, увеличении численности казацкого реестра и предоставлении автономии Украины обернулось обратной стороной для Речи Посполитой. В казацкой среде зрели мысли о России как о будущей союзнице в борьбе против польских магнатов. После поражения в Цецорской битве, перед лицом новой опасности Польша взамен поддержки казаков вновь приняла условия П. Сагайдачного. Хотинская война 1621 г. завершила относительно мирный этап польско-турецких отношений. Оружие все чаще становилось главным аргументом в разрешении споров. В этих условиях земли При-

днестровья выступали в качестве пограничного прикрытия от османского вторжения.

В середине XVII в. Приднестровье стало ареной борьбы украинского народа против гнета Польши под руководством Богдана Хмельницкого. Действия казачьих войск поддерживались развернувшимся крестьянским движением опришков. В ходе войны земли Приднестровья переходили из рук в руки, поэтому положение населения здесь было особенно тяжелым, а сопротивление ожесточенным. Воссоединение Украины с Россией не принесло освобождения Подолии и Приднестровью. По Андрусовскому перемирию 1667 г. эти земли были закреплены за Речью Посполитой. В 70-х гг. XVII в. здесь ненадолго установилась власть Османской империи, а в 1699 г. по условиям Карловицкого мира эти земли были вновь возвращены Польше. Бесконечные войны привели к полному разорению приднестровского края, население которого стремилось покинуть данную территорию. Особую остроту приобрел вопрос о борьбе за единство с Россией.

XVIII век явился поворотной вехой в судьбе Левобережного Поднестровья. Границей между северной и южной частью, входившей в состав Крымского ханства, являлась река Ягорлык. Историкам известны такие названия южной территории, как Малые ногаи, Эдиссан, Очаковская Орда, Ханская Украина и т. д. Главным административным и экономическим центром были Дубоссары.

XVIII век — эпоха победоносных русско-турецких войн. Сказалось влияние многих факторов: международной ситуации в Юго-Восточной Европе и усиления России как мощного влиятельного государства в результате происходивших внутренних процессов, стремления балканских народов избавиться от ненавистного гнета мусульман и поддержки единоверцев православной Россией.

Не вдаваясь в детализацию хода военных действий, необходимо, на наш взгляд, остановиться на вопросах, имеющих особое значение для основной темы. Уже в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. после падения Очакова и крепости Хаджибей управление всей территорией между нижним течением Днестра и Буга перешло к российским военным властям.

Главная квартира войск под руководством Г.А. Потемкина располагалась в Новых Дубоссарах. Вступление российских войск в Буго-Днестровское междуречье, уход отсюда мусульманского населения привели к серьезным изменениям внутреннего управления краем. Когда основные части русской армии были выведены на запад, в этих

местах расположились казачьи полки. Здесь были возрождены казачьи традиции и обычаи, столь характерные для Приднестровья в средние века. Весной 1790 г. от Дубоссар до Ягорлыка были временно поставлены донские казачьи полки, которые охраняли границу с Польшей, южнее расположились черноморские казаки. После взятия в 1789 г. Бендерской крепости значительная часть казаков осталась на зимних квартирах у города, а также на левом берегу Днестра. Центром казачьих станиц стала Слободзея.

С заключением Ясского мира в 1791 г. Левобережное Приднестровье возвратилось в состав России. Северное Приднестровье Польша отдала России по результатам Второго раздела в 1793 г. В истории левобережных приднестровских земель начался более чем вековой мирный период развития.

Значительную роль в сохранении духовных связей с Россией в борьбе против католиков и мусульман сыграла православная церковь. Она выступала хранительницей традиций, обычаев, культуры, позволявших многим поколениям на протяжении столетий осознавать свою духовную идентичность даже в таком «неспокойном» регионе, каким являлось Приднестровье.

В XIX и XX веках население Приднестровья пережило все исторические события и процессы, происходившие в Российской империи, а затем и в СССР. Только в конце XX – начале XXI в. Приднестровью вновь пришлось обратиться к историческим корням, доказывая своей судьбой несомненную принадлежность к восточнославянскому миру в лице российского государства.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В СУДЬБЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Г.С. Гросул

Хорошо известно, что в конце XVIII в. левобережные приднестровские земли вошли в состав Российской империи. По Ясскому мирному договору 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) к России отошли земли Южного Приднестровья, находящиеся между Бугом и Днестром (так называемые Очаковские). В результате Второго раздела Польши Россия присоединила Северное Приднестровье — земли от Днепра до Днестра[1]. Как правило, присоединение приднестровских земель к России рассматривалось в аспекте русско-турецких войн. Дипломатическая же сторона вопроса изучена недостаточно. Наша задача — осветить, по возможности, этапы, методы и приемы дипломатических усилий правительства Екатерины II в борьбе за земли левого берега Днестра.

Следует отметить, что вопрос о Приднестровье никогда не выдвигался в качестве самостоятельной проблемы внешней политики России. Тем не менее, во второй половине XVIII в., по мере роста ее могущества и активизации политики в так называемом Восточном вопросе[2], интерес к приднестровским землям значительно возрос. Он был связан с общими интересами России в бассейне Черного моря.

В плане территориальном звеньями черноморской проблемы были Кавказ, Крым, Северное Причерноморье (в том числе, Левобережье Днестра), Дунайские княжества (Молдавия и Валахия), Балканы. Блестящие победы России в двух войнах с Турцией второй половины XVIII в. открыли перспективу решения проблем черноморской политики, в том числе, и территориальных.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира 10 (21) июля 1774 г., завершившего первую русско-турецкую войну, правительство

Екатерины II взяло курс на решение черноморской проблемы мирными средствами[3]. В связи с этим значительно активизировалась деятельность российской дипломатии в Турции и на ее периферии. В 70–80-х гг. XVIII в. в дипломатических кругах России разрабатывались многочисленные планы и проекты по Восточному вопросу. Ключ к решению тех или иных задач черноморской политики виделся в использовании российской дипломатией статей Кючук-Кайнарджийского договора для давления на Порту и вынуждения ее к уступкам в конкретных вопросах. Вдохновленная этой перспективой,

Карта пространства между Днестром и Балканами

Екатерина II уже 1 августа 1774 г. писала главнокомандующему войсками на юго-западе страны П.А. Румянцеву: «Течение времени покажет скоро произрастающие выгоды от мира во всей их важности»[4].

В период 1774–1783 гг. первоочередной задачей российской дипломатии на востоке было присоединение Крыма. Вопрос о присоединении Северного Причерноморья еще не выдвигался в качестве конкретной задачи, хотя и сохранял значение стратегической цели.

Деятельность посольства России в Константинополе значительно активизировалась. На данном этапе вырабатывались также основные методы и приемы давления на Порту. Посланники обязаны были применять гибкие приемы. С одной стороны, проявлять дружелюбие и доброжелательность, «ласкать» Порту внушениями «о пользе прочной дружбы и тесного согласия между империями Всероссийской и Оттоманской»[5], добиваясь таким путем желаемого влияния на турецких сановников. С другой стороны, ссылаясь на рост могущества Российской империи, внушать Порте страх и вынуждать ее к требуемым уступкам.

Неизменным правилом для посольства была настойчивость и твердость в защите интересов своего государства, сохранение независимости и свободы действий в отношениях с посольствами других великих держав. Послы должны были внушать Порте, что если она поддастся подстрекательствам держав, заинтересованных в войне между двумя империями, и начнет войну, то «сия будет последней»[6].

Особое значение для деятельности константинопольского посольства в вопросах черноморской политики России имела ст. XVI Кючук-Кайнарджийского договора, касавшаяся статуса Дунайских княжеств. Пункт 10-й данной статьи предоставлял российскому двору исключительное право оказывать покровительство Молдавии и Валахии в случаях нарушения Турцией их привилегий, зафиксированных в указанной статье[7]. Поскольку Порта систематически нарушала условия ст. XVI, продолжая чрезмерно угнетать княжества, то посольство каждый раз выступало с протестами (демаршами) в их защиту. Это создавало в Константинополе атмосферу нестабильности и страха возможной потери своих житниц.

В действительности же в эти годы проблема Дунайских княжеств отнюдь не стояла в повестке дня восточной политики России. Она использовалась лишь как прием, хитрый дипломатический трюк для давления на Порту и решения мирными средствами первоочередной крымской проблемы. Одновременно данным приемом готовилась

почва для реализации в будущем (после присоединения Крыма) остальных задач черноморской политики.

Демарши российского посольства в Константинополе затруднялись, однако, в связи со скудностью информации, получаемой с мест, поэтому с 1775 г. до начала 80-х гг. XVIII в. дипломатические усилия правительства Екатерины II были направлены также на создание широкой агентурной сети на территории турецкой империи. В Крыму, на Балканах, в Дунайских княжествах открывается ряд консульств и вице-консульств России[8].

Консульства, наряду с выполнением исключительно важных функций по защите интересов торговли России, являлись официальными информаторами петербургского двора и посольства в Константинополе о состоянии дел на местах.

С конца 70-х годов XVIII в. последнее, базируясь на получаемой информации от консулов, приступило к решительному дипломатическому давлению на Порту по проблемам Крыма. Как известно, «Крымский инцидент» завершился русско-турецкими переговорами и заключением Айналы-Кавакской конвенции 1779 года, подтвердившей силу Кючук-Кайнарджийского договора.

Еще больший дипломатический нажим на Порту имел место в начале 1780-х годов. Он происходил в атмосфере международного ажиотажа вокруг так называемого «греческого проекта». Это был широко задуманный в дипломатических верхах России план выгодного решения Восточного вопроса. Помимо прочего (образования химерической Греческой империи и др.), он предусматривал территориальный раздел турецких владений между Россией, Австрией и Францией. К России, в частности, должны были отойти Крым, земли между Бугом и Днестром и один-два острова в Средиземном море. Молдавию и Валахию предполагалось объединить в государство-буфер (Дакия) под эгидой России[9]. В части, касавшейся территориального раздела Турции, «греческий проект» отражал реальные замыслы черноморской политики России. При, несомненно, агрессивной сущности, он тем не менее носил сугубо оборонительный характер, ибо мог вступить в силу лишь в том случае, если бы Турция первая начала войну.

Проект был задуман одновременно и как «великий» план, и как дипломатический прием, направленный на устрашение Турции и мирное решение Восточного вопроса в интересах России. Кроме того, он сблизил ее интересы с интересами Австрии. С мая 1781 г. традиционная соперница России в Восточном вопросе — Австрия — стано-

вится ее союзницей. Это значительно облегчало российской дипломатии решение проблем черноморской политики.

Уже в 1781–1782 гг. посольство России в Константинополе выступило с рядом демаршей о несоблюдении Портой условий Кючук-Кайнарджийского договора[10].

Сильный дипломатический нажим на Порту имел место в 1782–1783 гг. Императорским рескриптом от 15 ноября 1782 г.[11] чрезвычайному посланнику Я.И. Булгакову предписывалось атаковать турецкое правительство сразу по трем вопросам: о свободе торговли и судоходства, о независимости Крыма и о статусе Молдавии и Валахии. 4 и 12 декабря 1782 г. Порте были предъявлены соответствующие меморандумы[12]. В начале 1783 г. Я.И. Булгакову вновь предписывалось «...решить все дело ясным и окончательным постановлением о торговле, о неучастии Порты в татарских делах (крымских – **Г.Г.**) и о выгодах Молдавии и Валахии»[13]. По всем вопросам активную поддержку И. Булгакову оказал посол Австрии в Константинополе Герберт[14].

Застигнутая врасплох, не будучи готовой начать войну, Порта оказалась вынужденной вступить в переговоры, длившиеся с мая 1783 по январь 1784 года. Следствием этих переговоров было заключение трех весьма важных для России актов – русско-турецкого торгового договора 10 июня 1783 г., конвенции о Крыме 28 ноября 1783 г. и сенеда о Дунайских княжествах 8 января 1784 г., по которым, кроме интересов торговли, Турция формально признала присоединение Крыма к России и обязалась соблюдать в точности условия ст. XVI Кючук-Кайнарджийского договора[15].

Итак, на этапе 1774–1784 гг. в результате активных дипломатических мер России удалось успешно решить Крымскую проблему и связанную с ней проблему черноморско-средиземноморской торговли, а также укрепить свои позиции в Дунайских княжествах.

С 1784 по 1787 гг. первоочередной задачей было присоединение Буго-Днестровского междуречья («очаковских» земель). Таким образом, вопрос о Южном Приднестровье приобрел значение конкретной цели.

Курс политики России в этом вопросе остался прежним – мирным, дипломатическим. Сохранили силу и оправдавшие себя приемы дипломатического давления на Порту. Помимо использования ст. XVI Кючук-Кайнарджийского договора, упор делался на нарушение статей торгового договора 1783 г. и сенеда 1784 г., особенно на статью о несменяемости господарей двух княжеств[16]. Правительство Екатери-

ны II неоднократно предписывало Я.И. Булгакову не оставлять ни одного случая нарушения договоров без выражения протеста Порте[17].

Систематическое давление на Порту обостряло русско-турецкие противоречия и приближало войну. Усиленно подталкивали Турцию к войне и соперники России в Восточном вопросе – Англия, Франция и Пруссия[18]. В 1785 году, начав подготовку к войне, Турция бросила открытый вызов России, приступив к строительству крепостей и концентрации войск на Дунае и Днестре. В этой обстановке российская дипломатия активно применила еще один прием (особенно излюбленный Екатериной II) – распространение всякого рода устрашающих слухов. Я.И. Булгакову предписывалось, например, распространить слух, будто правительство России, нуждаясь в помощи Австрии, намерено позволить последней захватить княжества Молдавию и Валахию.[19]

Однако на данном этапе все дипломатические усилия России не имели успеха. В начале 1787 г. Порта отказалась от дальнейших уступок и сама перешла в дипломатическую контратаку. Опередив очередные демарши российского посольства, она вручила И. Булгакову свои требования[20] и, не дожидаясь ответа, 13 августа 1787 г. объявила войну России.

Таким образом, в период 1784–1787 гг. все дипломатические усилия Петербурга решить задачу присоединения Буго-Днестровского междуречья мирным путем не увенчались успехом.

В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. конкретными задачами черноморской политики России были окончательное утверждение ее господства в уже достигнутых пределах (Крым, Северный Кавказ, Северное Причерноморье до Буга) и присоединение Буго-Днестровского междуречья. Кроме того, учитывая перспективы развития торговли по Днестру, правительство Екатерины вознамерилось присоединить еще крепость Аккерман на правом берегу Днестра, чтобы овладеть всем его устьем.

Это вытекает из «плана» начавшейся войны, представленного Екатериной II 15 ноября 1787 г. Государственному Совету на обсуждение и утвержденного им. В нем, в частности, отмечалось: «...Осадить Очаков и, овладев им, распространить твердую ногу в земле между Бугом и Днестром» с тем, «...чтобы их за собою навсегда удержать и в отношении к непременному правилу, которым себе поставить должно быть по Днестр, со включением туда Аккермана...»[21]. В соответствии с «греческим проектом» план предусматривал также освобождение Молдавии и Валахии и создание буферного государства Дакии под покровительством России[22].

В ходе войны международная обстановка складывалась неблагоприятно для России. Летом 1788 г. войну против нее начала Швеция – союзница Турции. В этом же году образовалась Тройственная лига – военный союз Англии, Пруссии, Голландии, активно поддерживавший Турцию. Австрия, союзница России, вела войну вяло, а с 1790 г. и вовсе вышла из войны, заключив сепаратный мир с Турцией. В такой обстановке петербургский двор уже с конца 1788 г. стал склоняться к заключению мира. Характерно, что все проекты мирного договора, выработанные в период с конца 1788 до конца войны, содержали требования о безусловном присоединении к России земель Южного Приднестровья.

Что касается Дунайских княжеств, то вопрос об их независимости выдвигался в связи с успехами российских войск и международной конъюнктурой. Так, первый проект, обсужденный 14–16 декабря 1788 г. на Государственном Совете, не содержал требования о независимости Молдавии и Валахии.[23] В ходе же блестящей кампании 1789–1791 гг. был подготовлен в июне 1789 г. другой проект (на основании договоренности с Австрией), согласно которому признание двух княжеств было одним из важнейших условий. В нем, в частности, отмечалось: «...чтобы река Дунай служила границею владений Порты, а Днестр – России, землю же между сими реками, Черным морем и областями австрийскими (Дунайские княжества – **Г.Г.**) оставить независимою...»[24]. В докладной записке канцлера А.А. Безбородко в 1790 г. для заключения мира с Турцией (и Швецией) выдвигались следующие условия: возобновление всех прежних договоров, признание «рек Днестра границею России, а Дуная – Порты Оттоманской, оставляя Молдавию, Валахию и Бессарабию независимою областью...»[25].

Весной 1791 года возникла опасность войны с Англией и Пруссией. В такой ситуации правительство Екатерины, хотя и проявляло готовность «сидуотражать силою», тем не менее в ходе открывшихся переговоров на Ясском конгрессе (август-декабрь 1791 г.) пошло на уступки. Предложенный российской делегацией проект мирного договора предусматривал возвращение Молдавии и Валахии Турции при условии сохранения и расширения их привилегий, провозглашенных Кючук-Кайнарджийским договором[26].

Таким образом, вопрос о Дунайских княжествах, хотя и ставился на данном этапе, но еще не имел первостепенного значения. Он попрежнему использовался, в основном, как дипломатический прием для давления на Порту. Проявляя склонность к уступкам в данном

вопросе, российская дипломатия твердо требовала от Турции взамен согласия на присоединение «очаковских» земель и установления границы по Днестру[27].

Ст. II, III и IV Ясского мирного договора, увенчавшего конец войны и переговоров, полностью подтверждали положения данного проекта.[28] Ст. III, в частности, гласила: «...река Днестр навеки имеет быть границею между обеими империями, ...так, что все земли, на левом берегу помянутой реки лежащие, имеют остаться вечно в совершенном и беспрепятственном владении Всероссийской Империи...»[29]. О том же гласит манифест Екатерины II по поводу заключения Ясского мира: «...Вся турецкая земля с населением на оной между рек Буга и Днестра уступлена нашей Державе...»[30].

Итак, дипломатические усилия России на третьем этапе – военном, увенчались важным успехом не только для России, но и для судеб молдавского народа. Южное Приднестровье навеки вошло в состав Российской империи.

Военные и дипломатические успехи России второй половины XVIII в. в Восточном вопросе непосредственно влияли на решение проблем ее западной политики. Осуществление Второго раздела Польши (1793 г.) и присоединение земель Северного Приднестровья завершили процесс вхождения в состав России всего Левобережного Приднестровья.

---

[1] Подробнее см. В.Я. Гросул. Молдавское Приднестровье в годы екатерининских русско-турецких войн // Век Екатерины II. Россия и Балканы. М., 1998. С. 156–164.

[2] См. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. Авторский коллектив В.А. Георгиев, Н.С. Киняпина, М.Т. Панченкова, В.И. Шеремет. М., 1978; Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955; И.С. Достян. Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в политике России на Балканах // Век Екатерины II. Россия и Балканы. С. 41–55.

[3] Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России 1774–1806 гг. Кишинев, 1975. С. 68; И.С. Достян. Указ. соч. С. 46.

[4] Русский Архив. 1879. № 3. С. 155.

[5] Там же. 1876. № 1. Ч. II. С. 159.

[6] Там же.

[7] См. Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 355.

[8] Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. I–II. М., 1899; Гросул Г. К вопросу об учреждении и становлении генерального русского консульства в Дунайских княжествах и Бессарабии // Доклады научной сессии КГУ, 1963. Кишинев, 1964. С. 3–9; Şerban C. Infiinţarea consulelor ruse on Tara Românească şi Moldova // «Studii şi cercetări de istorie medie, Bucureşti, 1951, № 1. P. 61–72.

[9] См. Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958, № 4; Г.Л. Арш. Некоторые соображения по

поводу «греческого проекта». // Век Екатерины II. Россия и Балканы. С. 68–79; Восточный вопрос... С. 42–44.

[10] АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90. Д. 909. Лл. 98, 104.

[11] Присоединение Крыма / Сост. Дубровин Н. Т. 4. СПб., 1889. С. 810–819.

[12] Там же. С. 894–899, 951–957.

[13] Старина и новизна. Т. III. СПб, 1900. С. 262.

[14] АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90. Д. 909. Л. 105.

[15] Сб. РИО. Т. 47. 1885. С. 110.

[16] Там же. С. 204.

[17] Подробнее см. Г.С. Гросул. Политика России в Дунайских княжествах С. 84–90.

[18] Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 70, 71, 74, 78; Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria românilor. Bucureşti, 1876. Sup. I, II. Piesa LXI. P. 37; Piesa LXII. P. 29.

[19] Русский Архив. 1900. № 2. С. 350.

[20] См. Сб. РИО. Т. 26. СПб, 1879. С. 398; Архив кн. Воронцова. Кн. 13. // С. 131–133.

[21] Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб., 1869. Стлб. 498–502.

[22] Там же. Стлб. 501.

[23] Там же. Стлб. 651.

[24] Храповицкий А.В. Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 г., Т. I. СПб., 1874. С. 292.

[25] Сб. РИО. Т. 29. СПб., 1881. С. 526–527.

[26] Там же. С. 555.

[27] Русский Архив. 1874. Кн. 2. С. 246–247.

[28] ПСЗРИ. Т. XXIII. 1789–1796. СПб., 1830. Док. 17008; Восточный вопрос в конце XVIII – начале XIX в. Документы и материалы внешней политики Российской империи / Сост. И.М. Благодатских. Бендеры, 1999. С. 32–33.

[29] Там же. С. 32.

[30] ПСЗРИ. Т. XXIII. СПб., 1830. Док. 17024.

ОЧАКОВСКИЙ КРИЗИС И «РУССКАЯ ТРЕВОГА» 1791 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А.И. Третьяк

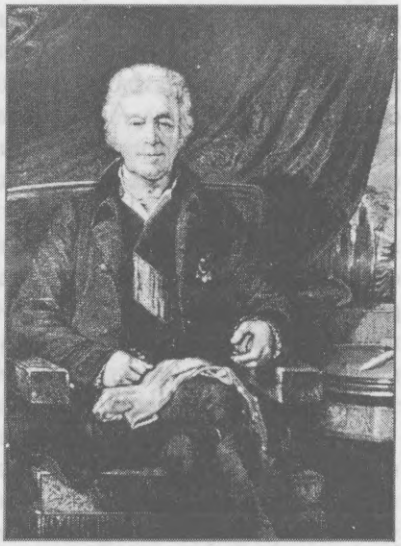
В международной жизни Европы к концу 80-х годов XVIII в. произошли серьезные изменения. Россия была связана по рукам и ногам войнами и политической конфронтацией с соседями. Великобритания, ставшая во главе Тройственного союза, получила свободное пространство для маневра в своей континентальной политике, Франция самоустранилась от европейских дел еще до падения Бастилии 14 июля 1789 г. Революция еще в большей степени понизила международный политический престиж Парижа. Член британского парламента Эдмунд Берк в 1789 г. оригинальным образом высказался по данному поводу: «Я просматривал карту Европы и нашел одно пустое место. Это пространство, занимаемое Францией»[1]. В своих донесениях правительству российский посол С.Р. Воронцов также отмечал значительное усиление Лондона в связи с революционными событиями во Франции, следствием чего было сужение возможностей для контригры в русско-английских отношениях. «Известно всем, — писал он в одной из своих депеш, — что одна Франция, имев всегда за собой Испанию, могла беспокоить Англию во всех четырех частях света, и тем самым отнимала у сей надежду выбраться из удручающего ее государственного долга: а теперь, что Франция ей надолго уже неопасна»[2].

Очаковский кризис, охвативший политическую жизнь Европы в 1788–1791 гг., был настолько серьезным и глубоким, что даже такое событие мирового масштаба, как Великая Французская революция, не ослабило его напряженности. Более того, в тот момент, когда все внимание широкой общественности Европы было приковано к бурно развивавшимся событиям в Париже, высшие политические круги европейских стран целиком погрузились в решение Очаковского вопроса, который дважды, осенью 1788 г. и весной 1791 г., ставил Европу на грань общеконтинентальной войны.

Узкие рамки для политического маневрирования, в которые был поставлен Петербург летом 1788 г., не позволяли российскому правительству провести эффективную международную комбинацию с целью нейтрализации антирусской направленности Тройственного союза, по-

этому Екатерина II настойчиво искала выход из создавшегося кризисного положения. Такой выход был подсказан ей из Лондона С.Р. Воронцовым.

Наряду с российской императрицей, премьер-министром Великобритании У. Питтом-младшим и британским дипломатом Дж. Гаррисом, получившим за свои заслуги при создании Тройственного союза графский титул лорда Мальмсбери, граф С.Р. Воронцов являлся ключевой фигурой при решении Очаковского вопроса. Это объяснялось не только его широкой эрудицией, несомненным политическим талантом и удивительной работоспособностью, но и тем исключительным влиянием, которым он пользовался и при петербургском дворе, и в различных политических кругах Англии. Британская энциклопедия в этой связи отмечала: «Воронцов имел огромное влияние и авторитет в Великобритании. Вполне постигнув дух английских институтов, их образ действий и методы, он оказался способным делать важнейшие услуги своей стране»[3]. Подобная высокая оценка деятельности российского дипломата разделялась многими исследователями, несмотря на различие их взглядов и направлений. Так, например, известный английский историк А. Кросс считал, что «с Семеном Воронцовым русская дипломатия нашла в Англии своего самого замечательного представителя»[4]. Исследователь М.С. Андерсон отметил: «Воронцов являлся блестящим примером дипломата восемнадцатого столетия»[5]. Эти оценки не покажутся завышенными, если вспомнить, сколь многим обязана была Россия уму, таланту и самоотверженности этого многосторонне одаренного дипломата, сумевшего получить общеевропейскую известность в эпоху отнюдь не бедную ни на политические таланты, ни на крупномасштабные личности». Вот этому человеку и предстояло сыграть первостепенную роль в решении Очаковского вопроса.



Граф С.Р. Воронцов

С.Р. Воронцов предложил Екатерине II не ограничиваться воздействием на Сент-Джеймский двор посредством официальных каналов, которые при решимости

британского министерства не допустить передачи России Очаковской области становились бесполезными. Поэтому он находил целесообразным поддерживать неофициальные контакты с членами парламентской оппозиции, в частности, с партией вигов. Этим достигались две цели: во-первых, ужесточение критики министерства тори за связь с Пруссией и разрыв с Россией; а во-вторых, поддержка тех политиков, которые в любой момент сами могли оказаться в министерских креслах и которые были бы дружественно настроены к России уже в силу того, что пришли к власти на волне критики внешнеполитического курса прежней правящей партии. Для себя С.Р. Воронцов сформулировал задачи следующим образом: «Необходимо было изучать характеры лиц, стоявших во главе управления, а также и тех, кто мог бы их когда-нибудь сменить, ввиду частых перемен министерств; надлежало изучить все различные партии, которые, разделяя страну, имеют друг на друга взаимное влияние. Несмотря на трудности, я приложил все старания к изучению кажущегося хаоса, в основе которого, однако же, кроется порядок удивительный»[6].

Екатерина II не понимала английской политической системы и как абсолютный монарх была глубоко враждебна к самим принципам британской государственной власти, являвшейся, по определению У. Питта, «свободной как от беспорядков демократии, так и монархической тирании»[7]. Однако Екатерина II великолепно поняла смысл предлагаемого С.Р. Воронцовым и санкционировала его действия, хотя они не вполне соответствовали официальному дипломатическому статусу ее полномочного министра в Лондоне. Не имея реальных рычагов для оказания давления на Англию извне, получить изменение британской внешнеполитической направленности только благодаря использованию собственно английских законов для императрицы было весьма заманчиво. Впрочем, С.Р. Воронцов пошел на неофициальные контакты с вигской оппозицией задолго до высочайшего одобрения и сделал это своевременно. В тот момент, когда напряжение по Очаковскому вопросу достигло критической точки и Европа находилась буквально на волоске от общеконтинентальной войны, российский посланник сообщил в депеше от 24 октября 1788 г. секретные сведения относительно тяжелой болезни Георга III[8].

Через неделю С.Р. Воронцов, получивший из достоверных источников конфиденциальную информацию, сообщил, что болезнь короля является сумасшествием, которое «дошло до такой степени, что два раза ударил королеву, возненавидел ее, два раза выгнал ее от себя и не хочет ее видеть; в сутки не спит, как часа четыре, и то перерывами,

никого не знает, бредит и кричит беспрестанно, и часто приходит в сильное бешенство»[9].

Сама по себе болезнь английского короля, тщательно скрываемая, не могла повлиять на внешнеполитические ориентиры Лондона, так как доступ британского монарха к международным делам был законодательно ограничен. Но дело заключалось в том, что регентом в период его болезни должен был стать наследник престола — принц Уэльский, а это не сулило ничего хорошего министерству У. Питта. Принц был в дружеских отношениях с лидером вигов Чарльзом-Джеймсом Фоксом, ранее уже занимавшим высшие министерские кресла, и мало кто сомневался, что в случае назначения принца Уэльского регентом новое министерство будет поручено сформировать именно Фоксу[10]. «Принц Валлийский, — писал С.Р. Воронцов в Петербург, — весьма умножил связь с членами оппозиции и был на долгой аудиенции у дюка Портланда, от коего в прошлом году он начал было удаляться. Господин Фокс имеет все доверенности его величества»[11].

По просьбе своего лондонского посланника Екатерина II написала на его имя в Лондон два письма, одно из которых специально предназначалось для показа лидерам вигской оппозиции, где сторонники Фокса именовались русской императрицей «истинными английскими патриотами»[12]. Получив одобрение своих действий, С.Р. Воронцов имел долгий разговор с Фоксом наедине. Результаты этой беседы были самыми обнадеживающими. Фокс, как и его сторонники — герцог Портланд, лорд Кавендиш и лорд Фиц-Вильям, твердо обещал, что в случае прихода к власти его кабинет займет самую дружественную позицию по отношению к России, а Очаковский вопрос будет снят в британской континентальной политике[13].

Расчет был верен. В разгар борьбы за сохранение своих министерских постов торийский кабинет вынужден был ослабить внешнеполитическую активность. Вслед за Лондоном умерила свой пыл и антирусская коалиция, всецело зависевшая от политической воли Сент-Джеймского двора. В шведской армии офицеры, недовольные протурецкой позицией своего короля, стали открыто выражать недовольство политическим курсом Густава III. Турецкий султан, видя бесперспективность и разорительный для его империи характер войны, дал понять Петербургу, что не прочь заключить мир на основе status quo. Но реальность оказалась значительно более запутанной, чем это представляли в кабинетах европейский монархов.

Неожиданно для большинства политиков Георг III выздоровел, о чем народы Великобритании были оповещены 1 марта 1789 г.

текстом благодарственной молитвы[14]. Таким образом вопрос о регентстве отпал естественным путем, министерство У. Питта сохранилось и даже упрочило свое положение. Екатерина II отказывалась верить в потерю уже осязаемой ею перспективы, а потому писала С.Р. Воронцову: «Сие письмо заготовлено потому, что слышно, будто король выздоровел; но как ни я, да никто не знает человека, который быв без ума, паки очутился с умом, то я сему не верю, а нынешнее министерство не заслужило доверенность, которую иметь можно к патриотическому. И для того прошу вас быть с двояким Питтом осторожну»[15].

Надежда Петербурга на быстрое решение проблемы рухнула. К этому добавилось еще одно неприятное известие. В апреле 1789 г. умер султан Абдул-Хамид, склонявшийся к завершению войны, а на его место был возведен Селим III, призвавший Османскую империю к продолжению войны до победного конца[16]. Однако, благодаря точному дипломатическому ходу Петербургу удалось установить некое политическое равновесие в Европе, хотя этот баланс сил, как показали ближайшие события, более напоминал качели, нежели устойчивое состояние. Но в 1789 г. У. Питт так и не решился вновь перейти в открытую политическую атаку на петербургский двор, памятуя о том, что совсем недавно главным козырем парламентской оппозиции была критика именно восточноевропейской политики действующего британского министерства.

Временное ослабление активности Тройственного союза позволило России летом и осенью 1789 г. активизировать свои действия непосредственно на театре боевых действий. Не снискав себе лавров на полях сражений, Г.А. Потемкин, побуждаемый Екатериной II к более быстрым и решительным действиям, перестал вмешиваться в конкретные боевые операции, ограничиваясь почетной должностью главнокомандующего. Именно тогда Европа увидела, что русская армия отнюдь не обделена полководческими талантами. Из среды способных генералов тогда выдвинулись на первые роли И.В. Гудович, О.М. де Рибас, М.И. Кутузов и А.В. Суворов, блестящие полководческие способности которого в полной мере обнаружились в битве под Фокшанами 21 июля (1 августа) 1789 г. и в сражении 11 (22) сентября того же года при Рымнике[17].

С взятием осенью 1789 г. регулярными частями и казаками Черноморского войска под командованием генерала О.М. де Рибаса турецкой крепости Хаджибей, а затем крепостей Бендеры и Аккерман, российская армия полностью овладела Очаковской областью, создав

удобный плацдарм для угрозы владениям Турции в Подунавье. Одновременно перешла к более решительным действиям и Австрия. Осенью того же года австрийские войска овладели Бухарестом, Белградом и Крайовой. Однако развить успех венский двор был не в состоянии, так как в это время революция в Бельгии отвлекла внимание императора в сторону Запада. Сохранение Австрийских Нидерландов представлялось венскому двору значительно более важным делом, чем борьба за южные земли.

20 февраля 1790 г. неожиданно умер император Священной Римской империи Иосиф II. Со смертью этого великого реформатора, ликвидировавшего крепостническую систему в своих владениях, преобразовавшего торговлю и промышленность страны, ограничившего своеволие дворянства, закончился поступательный период в политическом развитии Австрии. Новый император Леопольд II, самоуверенный и ограниченный, был прямой противоположностью своему брату. Грубый и невежественный Леопольд с момента своего вступления на престол стал легкой добычей для британской дипломатии. В начале весны 1790 г. из Вены в Лондон прибыл австрийский курьер с письмом от императора, в котором содержалась просьба к Сент-Джеймскому двору принять посредничество в урегулировании бельгийского конфликта[18]. Для У. Питта это был неожиданный подарок, о котором он не мог даже мечтать, и свой шанс британский премьер не упустил.

Между тем и Пруссия развернула бурную политическую деятельность, заключив 3 января 1790 г. союзный договор с Турцией. Берлинский двор гарантировал Порте возврат Очаковской области и Крыма, обязуясь вступить в войну с Россией весной следующего года[19]. Одновременно, не добившись от Петербурга согласия на передачу Данцига и Торуня, граф Герцберг приступил к обработке реакционной шляхетской верхушки Польши, обещая в обмен на эти два польских города оказать им содействие в восстановлении Великой Речи Посполитой от моря до моря, естественно, за счет Украины и Белоруссии. Екатерина II следующим образом прокомментировала эти шаги Герцберга: «Пруссак паки заговаривает полякам, чтоб ему уступили Данциг и Торунь, сей раз на наш счет, лаская их, им отдать Белоруссию и Киев. Он всесветный распорядитель чужого»[20]. Действуя в высшей степени авантюрно и цинично, прусская дипломатия добилась своего. Но подписанием в марте того же года секретного союзного договора с Берлином реакционное шляхетство подписывало смертный приговор польской государственности, приведение в исполнение которого являлось лишь вопросом времени.

В Лондоне достаточно спокойно смотрели на игру берлинского двора в великую державу, давая возможность Пруссии как можно глубже увязнуть в международных проблемах. Однако час пробил, и в июле 1790 г. У. Питт привел Вену и Берлин к соглашению в Рейхенбахе[21]. Как двум непослушным и капризным детям, британский премьер терпеливо разъяснил смертельно ненавидевшим друг друга противникам, что у Англии на континенте нет союзников, а есть только британские интересы, которые заключаются в том, чтобы Австрия вышла из состояния войны с Турцией с пустыми руками, если желает сохранить за собой владения в Нидерландах. С Берлином У. Питту и вовсе не было смысла церемониться. В планах Лондона Пруссии отводилась лишь роль послушного орудия в решении Очаковского вопроса, но отнюдь не усиление ее за счет Польши. В противном случае У. Питт пригрозил прусскому королю оставить его один на один с австрийской армией, да к тому же еще и с раздраженной до предела прусскими интригами Екатериной II.

Комбинация удалась. Подписанием 27 июля 1790 г. Рейхенбахского соглашения между Австрией и Пруссией Лондон вывел венский двор из орбиты договора с Россией. Последовавшее затем австро-турецкое перемирие, заключенное в сентябре 1790 г., логическим завершением которого стало подписание сепаратного мира в Систове между Турцией и Австрией 4 августа 1791 г. на основе status quo ante bеum, поставило Россию на международной арене в критическое положение. Английский министр иностранных дел герцог Лидс прямо заявил 17 августа 1790 г., что условия русско-турецкого мира будут продиктованы в Лондоне[22].

Екатерина II не осталась пассивным наблюдателем. Тогда, когда Англия вела Вену и Берлин к совместному договору, она сумела использовать недовольство в шведской армии политикой их короля и заключить сепаратный Верельский мир со Швецией[23], что явилось полной неожиданностью для антирусской коалиции. Шведский король вначале не желал подписания сепаратного мира без участия Турции, заявляя барону Армфельду: «Без нее (т. е. Турции – **А.Т.**) не может быть соглашения; моя честь очень пострадает, если я оставлю турок и позабуду о них»[24]. А буквально за несколько дней до подписания мира в секретной инструкции от 2 августа 1790 г. король писал тому же барону Армфельду, возглавлявшему шведскую делегацию на мирных переговорах в Вереле: «Дело идет о турках, так как этот вопрос является основанием всего трактата. Я могу заключить мир не иначе, как поддержав их интересы». Однако умная и лукавая Екатерина II

сумела повернуть «рыцарскую» голову Густава III в сторону Запада, «открыв» ему глаза на блестящие перспективы в деле организации крестового похода против революции во Франции. Спустя несколько месяцев этот наивный человек, но совершенно ничтожный король, принял смерть, давно ему предсказанную, от рук офицера своей же армии.

Относительно Польши у У. Питта были свои расчеты. Еще в 1789 г. С.Р. Воронцов отметил в своем донесении к канцлеру опасные для южной политики России проекты, которые привез в Лондон британский консул в Мемеле Джеймс Дюрноу[26]. Как стало известно С.Р. Воронцову из секретных источников, консул предложил новую британскую торговую политику в Восточной Европе, сконцентрировав основные направления на польские и прусские порты. Для этого он предлагал соединить каналом Днестр и Неман, чтобы отвлечь поток восточно-европейских товаров в Мемельский порт, который должен был стать альтернативным Рижскому и Петербургскому[27]. Торговые отношения с Россией вообще предлагалось прекратить и заменить их соответствующими отношениями с Польшей и Пруссией[28]. При этом виделись три важнейшие перспективы: во-первых, альтернатива жизненно важным русским товарам, включая шкиперское имущество, корабельный лес, лен, кожи и др.; во-вторых, захват двух больших новых рынков для сбыта британских мануфактурных товаров, один из которых, Польша, даст выход вглубь того же самого русского рынка; в-третьих, не дав России выход через Очаковскую область к устьям важнейших водных артерий Восточной Европы, Великобритания не только делается монополистом в этом регионе, но и исключает возможную конкуренцию со стороны европейских стран Средиземноморья[29]. Британское министерство тщательно ознакомилось с предложенным проектом, а в 1790 г. У. Питт, ничуть не стесняясь, выдвинул его как свой собственный, возведя тем самым данный проект в ранг официального направления в своей континентальной политике. Получив информацию о данных планах, Екатерина II вынуждена была отдать приказ о концентрации русских войск на прусской границе, ослабив тем самым армию на юге.

Тем временем российские войска, занявшие Дунайские княжества и Буджак, в декабре 1790 г. штурмом овладели Измаилом. Дерзкий план генерала О.М. де Рибаса, помноженный на полководческий талант А.В. Суворова, позволил совершить, казалось бы, невозможное: при равенстве сил наступавших и оборонявшихся была захвачена одна из самых мощных крепостей Европы, являвшаяся ключом к Балканскому полуострову[30]. Но Екатерина II не обольстилась перспективой нового

витка войны. Россия к тому моменту была уже до предела измотана затяжной войной и более всего нуждалась в мире. В этих условиях по поручению императрицы С.Р. Воронцов выразил в январе 1791 г. согласие своей страны «вернуть Оттоманской Порте три столь пространные и плодородные провинции, каковы суть Бессарабия, Молдавия и Валахия, оставляя за собой только Очаков с его по Днестр окружностью»[31]. Однако падение Измаила стало для Лондона лишь катализатором к началу открытой конфронтации с Россией. У. Питт более всего опасался позиции Турции, которая могла дрогнуть и принять условия мира, выдвигаемые Петербургом. В данной ситуации британский премьер стал действовать очень быстро и даже суетливо.

22 марта 1791 г. британский кабинет министров собрался на свое чрезвычайное заседание, где был одобрен текст ультиматума России и принято решение направить соответствующее обращение к парламенту за выделением субсидий на вооружение[32]. Согласно правительственному решению в конце апреля того же года предполагалось выслать в Балтийское море к русским берегам 39 линейных кораблей и такое же количество фрегатов, а в Черное море для непосредственной помощи Турции, 10 или 12 линейных кораблей[33]. Эти силы, как видно из решения министерства, направленного Георгу III, значительно превосходили даже самые смелые прогнозы относительно количества вымпелов, предполагаемых в действиях против России. Ультимативные требования, выдвинутые кабинетом У. Питта перед Петербургом, имели совершенно определенную направленность: заключение мира с Турцией на основе status quo absou; подписание русской стороной торгового договора с Польшей; согласие на присоединение Данцига к Пруссии[34].

28 марта 1791 г. последовало королевское послание к парламенту, в котором был поставлен вопрос о необходимости силой заставить Россию подписать мир с Турцией на основе британских условий[35]. Лидер оппозиции Фокс в тот же день заявил в парламенте, что он не произнесет ни слова, пока правительство не предоставит обоснованную аргументацию своего нелепого решения и не даст отчет перед представительным собранием за свои действия[36].

Молниеносное развитие событий не застало врасплох российского посланника в Лондоне. К тому времени он уже хорошо был знаком с истинными пружинами английского государственного управления, а потому его заявление министру иностранных дел герцогу Лидсу было сформулировано предельно четко и ясно: «Так как я вижу,

что министерство до такой степени ослеплено, настаивая (под предлогом сохранения Очакова для Турции, что для Англии должно быть безразлично) на войне несправедливой и убыточной для обеих стран, то мой долг помешать этому злу. Вы, без сомнения, можете рассчитывать на большинство в обеих палатах, но я уже достаточно хорошо знаком с этой страной, чтобы знать, что ни министерство, ни парламент не имеют никакой силы без поддержки графств и независимых собственников, по сути дела управляющих страной. Итак, я объявляю вам, господин герцог, что приложу все свои усилия, какие только возможно, чтобы нация была информирована о ваших проектах, столь противоречащих интересам этой страны, а я слишком высокого мнения о здравом смысле англичан и надеюсь на громкий голос общественного мнения, который заставит вас отказаться от неправедного предприятия»[37]. Заявление С.Р. Воронцова было встречено главой Foreign Office с полной растерянностью, а в скором времени вся Англия узнала о беспрецедентном вызове российского посланника министерству У. Питта. Британии была объявлена война за общественное мнение.

Как и предполагал С.Р. Воронцов, заседание палаты общин 29 марта 1791 г. принесло большинство голосов министерству: за — 228, против — 135[38]. Георг III остался очень доволен результатами голосования в парламенте, где депутаты, по его словам, «показали в палате общин огромную расположенность и доверие к нынешней администрации»[39]. Однако У. Питт не разделял оптимизма своего короля. Имея к тому моменту уже значительный опыт политической борьбы, У. Питт увидел сплоченность парламентской оппозиции, которая, как ранее казалось многим, уже распалась на мелкие группировки. Более того, в кабинете У. Питта отнюдь не царило единодушие по вопросу о войне с Россией. Например, против резко выступал близкий друг С.Р. Воронцова лорд Гренвилл, занимавший пост министра внутренних дел, поэтому премьер проявлял не свойственную ему поспешность, чтобы как можно быстрее запустить механизм реализации планов вооружения. Британское правительство спешно подписало соглашение со шведским королем, согласившимся за три миллиона талеров предоставить порты Швеции для базирования английских военных кораблей[40]. Такое же предложение было сделано и датскому правительству через британского посла в Копенгагене Дрейка[41]. Дания, хотя и вынуждена была дать подтверждение на проход английской эскадры через Зунд, отказалась принять в своих портах британские суда[42].

Между тем в Лондоне, как и во всей стране в целом, развернулось подлинное сражение за общественное мнение нации. С.Р. Во-

ронцов сдержал свое слово, данное герцогу Лидсу. Более чем в двадцати лондонских газетах появились статьи, подготовленные в русском посольстве, с разъяснениями всей пагубности для английской торговли, промышленности и благосостояния всех сословий от войны с Россией. Не было ни одного вопроса, поставленного министерством в пользу вооружения, который остался бы без аргументированного и ясного опровержения. В ответ на появление памфлетов в поддержку правительственных планов против России[43] русская миссия анонимно выпустила целый ряд брошюр: «Рассуждение о приближении войны»[44], «Важные исследования о причинах и последствиях настоящих вооружений наших против России»[45] и др.[46] Нельзя забывать, что действия С.Р. Воронцова были крайне стеснены дипломатическим этикетом, но то уважение, которым он пользовался среди своих английских друзей и знакомых, позволило ему найти эффективную поддержку в противоборстве с министерством У. Питта. Прагматичная английская нация нуждалась не в абстрактных истинах для диспутов, а в конкретном числовом выражении прибылей и убытков. Российский дипломат блестяще воспользовался главным козырем Питта — языком цифр. Например, в брошюре «Рассуждения о споре с Россией» подчеркивалось: «Число судов, посылаемых в летнее время в порты ее императорского величества в Балтийском и Белом морях, простирается от 1000 до 1200, полагая по 12 человек на каждое судно, сие составит 16 тыс. матросов, а суда ценою около трехсот тысяч ф.ст. Сии суда, сии люди и сей капитал, если последует в торговле с Россией помешательство, будут без употребления во весь год»[47]. Таким образом, в брошюрах и статьях против вооружения Британии пункт за пунктом убедительно доказывалось, как много людей останется без рабочих мест в результате потери российского рынка сбыта, какие огромные потери понесут фабрики и мануфактуры без российского сырья. «Великобританские купцы, в России ныне находящиеся, могут возвратиться домой, чтоб просить милостыню в Англии»[48], — не без основания предостерегал С.Р. Воронцов англичан. Естественно, не были забыты и правительственные проекты относительно Польши: «Говорено было, что многие из корабельных снарядов самими российскими купцами были куплены у поляков и привезены в Англию через россиян, сие несправедливо, ибо все продукты в Петербург и Ригу привозимые, произрастают в российской Украине, а не в Польше»[49]. Написанные доходчивым и понятным языком (учтем, что даже некоторые члены парламента с трудом могли отыскать Очаковскую область на карте[50]), статьи и памфлеты излагали историю возникновения и ход русско-

турецкой войны. При этом подчеркивалось, что Англия сама предлагала в 1789 г. свое посредничество для заключения мира на основе status quo imite, а не absou.

Результаты не замедлили себя ждать. В Лондоне стали стихийно собираться протестующие против вооружения[51]; на стенах домов появились надписи: «Не надо войны с Россией»[52]. В донесении в Петербург С.Р. Воронцов 8 апреля отметил: «Торгующие недовольны, опасаясь прерыва их торговли. Мануфактурщики негодуют, что затевает министр войну, от которой прибыль вся будет Пруссии... Видимо теперь всем, что министр теряет доверенность, которую через семь лет имеет в народе..., вооружение идет тихо и вся его надежда, чтоб вырваться из сего положения, состоит в том, что Двор наш отступит от Очакова»[53]. Далее российский посланник сообщал, что Норвич, «один из наипривязаннейших городов к нынешней администрации», откуда «несколько сортов шерстяных материй в Россию направляется», отправил благодарственное письмо своему депутату за то, что тот голосовал в парламенте против войны с Россией[54]. Уже 30 апреля этого ближайшего к Лондону мануфактурного города на общем собрании жителей была принята специальная резолюция против войны[55]. Еще раньше, 10 апреля, жители Манчестера на своем собрании приняли аналогичное решение[56]. Особенно показательно, что манчестерцы, негодуя по поводу военных приготовлений правительства, отдельным пунктом своего решения постановили, чтобы «принятая на их собрании резолюция была опубликована в газетах Лондона, а также в Манчестере, Ливерпуле, Бирмингеме, Лидсе, Норвиче и других провинциальных газетах»[57]. Такое сильное общественное давление явилось для У. Питта неожиданным, но он был опытным политиком и своевременно почувствовал в создавшемся положении угрозу для своего кабинета. Уже 6 апреля премьер-министр признавался в частном письме, что у него мало шансов провести правительственные планы в жизнь[58].

В парламенте страсти вокруг Очаковского вопроса разгорелись до предела. В середине апреля 1791 г. даже самым неискушенным в политике людям стало ясно, что в стране правительственный кризис. На заседании палаты общин 12 апреля 1791 г. Греем, одним из видных членов вигской партии, был поставлен вопрос об отмене вооружения против России. Оппозиция получила 173 голоса, министерство — 253[59]. Однако У. Питт понял, что это призрачное преимущество, которое в реальности было равнозначно сокрушительному поражению. Во-первых, парламентская оппозиция увеличила число своих сторон-

ников почти в два раза, а во-вторых, большинство голосовавших за планы министерства не скрывали своего негативного отношения к войне с Россией и шли на поддержку собственно У. Питта, а не его проекта, дабы спасти премьера от полной политической катастрофы. Давление общественного мнения нации было настолько внушительным, что при следующем голосовании колеблющиеся депутаты вынуждены были бы отдать свои голоса оппозиции. У. Питт, увидев, как тает его преимущество в парламенте и какой общественный резонанс приобрела подготовка к войне, не стал искушать судьбу. Не афишируя свои действия, он известил Берлин о том, что английский флот не выйдет в Балтийское море, и одновременно отозвал ультиматум британской короны Петербургу, который, по счастливой случайности, еще не успели вручить российской императрице[60]. Хотя вопрос стоял еще довольно остро, С.Р. Воронцов с нескрываемым облегчением писал в Петербург: «Теперь можно смело сказать, что войны от здешней стороны не будет»[61].

Опыт и многочисленные связи С.Р. Воронцова поставили его на место своеобразного дирижера среди противников вооружения. Принято считать, что поддержка оппозиции против правительственного решения так или иначе была обеспечена.[62] Однако это не совсем верно. Ряды партии вигов к тому моменту уже были основательно расколоты по вопросу об отношении к французской революции, и С.Р. Воронцову приходилось учитывать данные обстоятельства. Так, например, Фокс, которому Семен Романович подготовил все материалы для парламентской речи, произведшей огромное впечатление на депутатов[63], резко расходился с одним из самых влиятельных лиц в партии вигов Эдмундом Берком, опубликовавшим к тому времени свою знаменитую книгу «Размышления о Французской революции»[64], ставшую своеобразным манифестом контрреволюционных сил. К удивлению сторонников министерства на парламентские заседания по Очаковскому вопросу Фокс и Берк шли под руку, хотя единение это было мимолетным.

В конце апреля 1791 г. С.Р. Воронцов писал своему правительству: «Никогда английская нация не показывала себя столь дружескою для России, ибо пошла против любимца своего г-на Питта»[65]. Эти строки посланник написал после того, как ради своего спасения У. Питт пожертвовал герцогом Лидсом, собственноручно подписавшим ультиматум России. Новым главой министерства иностранных дел стал друг и дальний родственник У. Питта лорд Гренвилл, выступавший против активной британской политики на континенте.

Между тем задержка выхода английских военных эскадр вовсе не обозначала, что Очаковский вопрос уже был положительно решен для России. У. Питту, чтобы сохранить за собой министерское кресло, необходим был дипломатический маневр, оправдавший бы его четырехлетний антирусский курс в европейской политике. С этой целью британское министерство направило в конце апреля 1791 г. своего уполномоченного Фаукнера в Петербург, который прибыл туда после консультаций в Берлине 12 мая[66]. Накануне отъезда английского дипломата С.Р. Воронцов имел с ним длительную беседу[67] и всерьез был обеспокоен не столько целью этой миссии Фаукнера, сколько позицией своего правительства.

Многочисленные документальные свидетельства доказывают, что весной 1791 г. мало кто в Петербурге надеялся на удачный выход из сложившегося кризиса, по крайней мере хотя бы без частичного удовлетворения требований Тройственного союза. Это касалось не только Г.А. Потемкина, но и канцлера А.А. Безбородко, вице-канцлера И.А. Остермана и даже президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова. Вот характерное признание графа П.В. Завадовского в письме к С.Р. Воронцову в июне 1791 г.: «По делам твоего места Г. (т. е. государыня, Екатерина II — **А.Т.**) весьма довольна твоею службой. В образе мыслей твою голову своей уподобляет. Если ты не ободрял бы удостоверением, своим духом: нас союзные державы общими угрозами привели бы к стыду. Одна Г. удерживала действовать робости, которая в смятение приводила души министерства. Без того и без твоих рассуждений, советовавших твердость, страх обуял бы совершенно»[68]. Даже Екатерина II вплоть до конца мая 1791 г. была уверена, что на кое-какие уступки англо-прусским требованиям придется пойти. Об этом свидетельствует черновик письма императрицы к неизвестному лицу, написанный после приезда Фаукнера в Петербург: «Мы все еще ожидаем английский флот, посланный в Балтийское море великобританским министерством. Его предвестник м-р Фаукнер приехал к нам на этих днях с важными поручениями, которые требуют размышления»[69]. С.Р. Воронцов знал об этих колебаниях и поэтому буквально бомбардировал Петербург депешами и письмами, в которых настойчиво советовал проявить твердость и ни на шаг не отступать от занятых политических позиций при переговорах с Тройственным союзом. Например, еще в депеше от 26 апреля посланник, передавая содержание разговора с Фаукнером, самым решительным образом отметал малейшие уступки для заключения мира с Турцией, а также на передачу польских портов Пруссии: «Ибо после сего мы всегда будем в опас-

ности новых от турок нападений, — писал С.Р. Воронцов, — поскольку всякие пять лет Пруссия будет их возмущать против России, зная, что после всякой такой войны она будет умножать свои владения»[70]. Уведомляя о миссии Фаукнера, Семен Романович предостерегал относительно британского дипломата: «Конечно, он, увидя хоть наималейшую у нас на то способность, будет предлагать сию уступку, так как будет покушаться и на уступку туркам Очакова, если на уступку Гданьска у нас не поддадутся. Но при твердом отказе с нашей стороны будет предлагать средства, кои сам от себя предложил граф Бернздорф, а и на том настаивать не станет, если у нас будут непоколебимы»[71]. С.Р. Воронцов удивительно точно предсказал тактику переговоров, которую позднее выбрал британский уполномоченный Фаукнер в Петербурге.

Прусский посланник граф Гольц, британский посланник Витворт и Фаукнер в совместном меморандуме попытались от имени своих правительств убедить Екатерину II принять условия Тройственного союза и отказаться от Очакова, что, по их выражению, более соответствовало безопасности Турции, чем России[72]. Царица через графа И.А. Остермана ответила категорическим отказом и повторила условия, предложенные Россией для заключения мира с Османской империей[73]. И вновь предположения С.Р.Воронцова подтвердились. Фаукнер совместно с послами направил новый меморандум, в котором Англия и Пруссия великодушно предлагали объявить Очаковскую область нейтральной территорией[74]. Имея точную информацию из Лондона о полном провале планов министерства У. Питта, а также о недовольстве в Берлине политикой графа Герцберга, Екатерина II поняла, что роли в ее отношениях с англо-прусской лигой поменялись, и ответила очередным отказом вступить на путь компромиссного решения[75]. Фаукнеру ничего не оставалось, как сообщить русскому правительству, что он отправляется в Турцию с целью уговорить султана принять условия России[76].

Последняя попытка Фаукнера добиться хотя бы видимости того, что его миссия закончилась не безрезультатно, была предпринята им в конце августа 1791 г. Британский дипломат сообщил через Витворта Екатерине II о согласии Англии быть посредником при заключении мира между Россией и Турцией на основе русских условий, но при этом императрица должна была положительно отозваться об англо-польских связях[77]. В тот момент английские притязания на посредничество были просто нелепы, если не откровенно смешны. На сообщении Витворта о предложениях Фаукнера Екатерина II сделала собственноручную пометку: «Витворт волен писать, что заблагорассудит, но письмо его останется без успеха»[78].

Пока Фаукнер делал безуспешные попытки спасти престиж своего правительства дипломатическим путем, гибкий и умный политик У. Питт при помощи серии маневров и отступления от своих восточно-европейских планов сумел сохранить за собой министерское кресло. Оппозиция была настолько разобщена к тому времени, что воспользоваться фактическим поражением торийской партии по Очаковскому вопросу Фоксу было весьма трудно, хотя лидер оппозиции получил моральную поддержку от российской императрицы. В июне 1791 г. Екатерина II через С.Р. Воронцова заказала бюст Фокса, чтобы поместить его в Эрмитаже между бюстами Демосфена и Цицерона[79], но это был в большей степени жест лукавой императрицы, направленный против У. Питта и «братца Георга», в отместку за их антирусские выпады.

Дипломатическое поражение Англии в Очаковском вопросе явилось одним из наиболее существенных моментов во взаимоотношениях Великобритании и России в течение всего XVIII века, поэтому можно полностью согласиться с выводом М.С. Андерсона, который писал: «Между смертью Екатерины I в 1727 г. и вооруженным нейтралитетом 1780 г. и даже вплоть до Очаковского кризиса 1791 г. не было серьезного политического удара, который заставил бы англичан серьезно задуматься над характером и потенциальными возможностями государства, которое теперь угрожало доминировать в столь сильной степени на востоке и севере Европы»[80]. Однако воздействие неудачи кабинета У. Питта в его восточноевропейской политике было значительным не только для англо-русских взаимоотношений, но и для континентальной политики в целом.

Очаковский вопрос 1788—1791 гг. в международной жизни Европы был одним из значительных событий в становлении качественно новых политических отношений между европейскими странами. Собственно территориальные приобретения стали не самоцелью, а лишь инструментом для создания глобальных общеконтинентальных политических систем. Соперничество между великими державами за обладание доминирующей роли в Восточной и Центральной Европе развернулось вокруг относительно небольшой и почти незаселенной территории между реками Буг и Днестр. От результата этого соперничества находились в прямой зависимости будущее хозяйственное развитие огромных плодородных территорий Украины и реализация качественно нового этапа в торговых взаимоотношениях Востока и Запада. Очаковский кризис также показал, что решать подобные глобальные вопросы старыми политическими методами и приемами

невозможно. В условиях начавшегося промышленного переворота в Европе появились быстро набиравшие силу социальные слои со своими собственными интересами, перед которыми должны были отступить и традиционные династические расчеты, и монархические родственные альянсы, и узкие политические сговоры, направленные на достижение близлежащих задач без учета общеевропейских перспектив и интересов. Огромная заслуга в становлении новых дипломатических методов, адекватных произошедшим изменениям в социально-экономической и политической жизни Европы конца XVIII в., принадлежала С.Р. Воронцову. История дипломатии знает немало примеров, когда дипломаты были способны предотвратить своими действиями войну, но крайне редко случалось, когда дипломатическими методами, опираясь на общественное мнение страны пребывания, война не была допущена после ее фактического объявления. Тем более, что действие развернулось в Англии, стране, где искусство дипломатии традиционно почиталось как одно из самых почетных и престижных.

---

[1] Bourgeois E. Manuel historique de politique etranger. T. 2. P., 1900. P. 23.

[2] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 6 (17) авг. 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 424. Л. 6.

[3] The Encyclopaedia Britannica. V. 23. Cambridge, 1911. P. 212.

[4] Cross A.G. By the bankes of the Thames. Russians in eighteenth century Britain. Newtonwill, 1980. P. 28.

[5] Anderson M.S. Britain's discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958. P. 167.

[6] Автобиографические записки графа С.Р. Воронцова // Архив князя Воронцова (АКВ). Т. 8. С. 18.

[7] The Parliamentary history of England. V. 24. P. 368

[8] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 24 окт. (4 ноября) 1788 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 393. Л. 101.

[9] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 1 (12) ноября 1788 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 394. Л. 2.

[10] Derry J.W. The regency crisis and the Whigs, 1788–1789. Cambridge, 1963. P. 49.

[11] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 24 ноября (5 дек.) 1788 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 344. Л. 43.

[12] Екатерина II – С.Р. Воронцову, 9 (20) дек. 1788 г. // АКВ. Т. 16. С. 257.

[13] С.Р. Воронцов – Екатерине II, 19 (30) янв. 1789 г. Там же. С. 261.

[14] АВПР. Ф. Англия. Д. 401. Л. 105–106 об.

[15] Екатерина II – С.Р. Воронцову, 4 (15) марта 1789 г. // АКВ. Т. 16. С. 269.

[16] Lamartine A. Histoire de la Turqui. T. 6. P., 1863. P. 127.

[17] См.: Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II, 1787–1791. Т. 1–2. СПб., 1880.

[18] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 10 (21) апр. 1790 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 411. Л. 24.

[19] Anderson M.S. The Eastern question. L., 1962. P. 16.

[20] Екатерина II – Г.А. Потемкину, 9 (20) авг. 1790 г. // Сб. РИО. Ф. 426 С. 100–101.

[21] Declaration signee a Reichenbach sur l'affair de Belges // Journal de Revolutions de l'Europe en 1789 et 1790. Neuwied, 1790. P. 63.

[22] Лидс – Витворту, 17 авг. 1790 г. ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 10356. Л. 17.

[23] См.: Толстов Д.А. Верельский мирный договор с Швецией 1790 г. // Русский архив. 1887, №3. С.457-520.

[24] Записки И.А. Эренстрема // Русская старина. 1893. № 8. С. 228.

[25] Там же. С.226.

[26] С.Р. Воронцов – А.А. Безбородко, 8 (19) мая 1789 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 403. Л. 11.

[27] Там же. Л. 11 об., 12.

[28] Ehrman J. The Younger Pitt. The years of acclaim. L., 1969. P. 506.

[29] Ibidem. P. 507.

[30] См.: Третьяк А.И. Международное значение взятия Измаила русскими войсками в 1790 г. // История и археология Нижнего Подунавья. Тезисы докладов научно-практического семинара. Рени, 1989. С. 115–116.

[31] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 4 (15) февр. 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 421. Л. 31.

[32] Протокол заседания кабинета министров от 22 марта 1791 г. // The later correspondence of George III, published by authority of h. m. queen Elisabeth II. V. 1. Cambridge, 1962. P. 523.

[33] Ibidem.

[34] Ibidem. P. 524.

[35] Послание Георга III парламенту от 28 марта 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 421. Л. 162.

[36] The London Chronicle, 29 march 1791.

[37] Автобиографические записки С.Р. Воронцова // АКВ. Т. 8. С. 20.

[38] Питт – Георгу III, 29 марта 1791 г. The later correspondence of George III, V. 1. P. 525.

[39] Георг III – Питту, 29 марта 1791 г. Ibidem. P. 526.

[40] Джексон – Витворту, 2 апр. 1791 г. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1070. Л. 2 об.

[41] Дрейк – Бернздорфу, 15 апр. 1791 г. Там же. Д. 1071. Л. 1.

[42] Бернздорф – Дрейку, 20 апр. 1791 г. Там же. Л. 2 об.

[43] См., An enquiry into the justice and expediency of prescribing bounds to the Russian Empire. L., 1791. 63 p.

[44] АВПР, Ф. Англия. Д. 422, Л. 9–95.

[45] Там же. Л. 96–112.

[46] В Воронцовском фонде научной библиотеки Одесского национального университета сохранилось более десяти этих редких полемических изданий на английском языке, которые были опубликованы в указанный период. См., например: An address to the people of England, upon the subject of the intended war with Russia. L., 1791. 64 p.; Serious enquiries into the Motives and consequences of our present armament against Russia. L., 1791. 60 p.; A short seasonable Hint, addressed to the Landholders and Merchants of Great Britain, on the Alarm of war with Russia. L., 1791. 38 p.

[47] «Рассуждения о споре с Россией», русский вариант рукописи брошюры, присланной Воронцовым Екатерине II. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 840. Л. 3.

[48] Там же. Л. 5.

[49] Там же. Л. 4 об. (Речь шла прежде всего о конопле, так как парусный флот Англии, нуждавшийся в огромном количестве канатов, всецело зависел от поставок данного сырья из России).

[50] См.: McKay D., Scott H. M. The rise of Great powers. P. 242.

[51] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 21 марта (1 апр.) 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 421. Л. 148.

[52] Там же. Д. 422. Л. 2 об.

[53] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 8 апр. 1791 г. Там же. Д. 421. Л. 170 об.

[54] Там же. Л. 172.

[55] Копия резолюции собрания в г. Норвиче. Там же. Д. 422. Л. 193–194.

[56] Копия резолюции собрания в г. Манчестере. Там же. Л. 173–173 об.

[57] Там же. Л. 173 об.

[58] Rose J.H. William Pitt and National revival. L., 1911. P. 616.

[59] Копия отчета парламентского заседания от 12 апр. 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 422. Л. 160.

[60] The Political history of England. V. 10. P. 328.

[61] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 11 (22) апр. 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 422. Л. 145.

[62] См. Anderson M.S. Britain's discovery of Russia. P. 167.

[63] С.Р. Воронцов – неизвестному лицу // АКВ. Т. 9. С.491-492.

[64] Burke E. Reflection on the Revolution in France and the proceeding in certain societies in London relative to that event. L., 1790.

[65] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 18 (29) апр. 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 422. Л. 188.

[66] Витворт – И.А. Остерману, 1 (12) мая 1791 г. Там же. Д. 630. Л. 1.

[67] С.Р. Воронцов – А.Р. Воронцову, 15 (26) апр. 1791 г. // АКВ. Т. 9. С. 193.

[68] П.В. Завадовский – С.Р. Воронцову, 6 (17) июня 1791 г. // АКВ. Т. 12. э С. 193.

[69] Собственноручное черновое письмо Екатерины II, май 1791. // Сб. РИО. Т. 42. С.162.

[70] С.Р. Воронцов – И.А. Остерману, 15 (26) апр. 1791 г. // АВПР. Ф. Англия. Д. 422. Л. 176 об.

[71] Там же. Л. 177.

[72] Меморандум от 15 (26) мая 1791 г. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1035. Л. 32.

[73] И.А. Остерман – Витворту, 6 (17) июня 1791 г. Там же. Л. 34 об.

[74] Меморандум от 11 (22) июня 1791 г. Там же. Л. 37.

[75] Нота русского правительства от 9 (20) июля 1791 г. Там же. Л. 42.

[76] Меморандум от 11 (22) июля 1791 г. АВПР. Ф. Англия. Д. 627. Л. 8.

[77] Витворт – Екатерине II, 28 авг. 1791 г. Там же. Д. 628. Л. 1-6.

[78] Там же. Л. 1.

[79] Копия собственноручной записки Екатерины II к графу Воронцову. Там же. Д. 419. Л. 3.

[80] Anderson M.S. Britain's discovery of Russia. P. 234.

ВОЙСКО ВЕРНЫХ КАЗАКОВ ЧЕРНОМОРСКИХ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1787–1791 гг.

А.С. Боговид

Спустя 12 лет после разрушения Запорожской Сечи, в канун второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг., из числа казаков-запорожцев начало формироваться Войско верных казаков. Причиной послужило то, что в русских войсках не оказалось частей и подразделений, способных заменить запорожских казаков, которые «...не только умело вели передовую разведочную службу, что исполняли в ту же войну и донцы; но, главное, знали до мельчайших тонкостей места, на которых разыгралась война, а еще более противника – турок. Знания эти были результатом многовекового опыта. Запорожцам хорошо известны были топография с самыми укромными и малодоступными местами, дороги, переправы, прикрытия, воды и броды, пункты для засады и ходы для укрывательства и т. п. Те же запорожцы превосходно знали приемы войны и набегов противника, время нападений, организацию и дробление вражеских отрядов, систему вооружения и уменье владеть разными видами оружия, военные хитрости и сноровку... Запорожцы являлись лучшими охранителями границ государства от набегов татар и представляли крупную военную силу со специальными назначениями и ролью»[1]. Инициатором создания войска явилась казачья старшина из числа запорожцев, поддерживаемая фельдмаршалом князем Г.А. Потемкиным, который еще задолго до 1787 г. в «особой прокломации» на имя А.А. Головатого определенно высказал свои намерения в отношении запорожцев. «Объявляю, – говорилось в этом документе от 1 июля 1783 г., – чрез сие из пребывающих в Азовской губернии, Славянской и Елисаветской провинции жителей, кои в бывшем войске Запорожском служили, что полковому старшине и армии капитану Головатому Антону препоручено от меня приглашать из них охотников к служению в казачьем звании под моим предводительством...»[2]. Такие же поручения были даны З.А. Чепеге и С.И. Белому. Летом 1787 г. во время путешествия Екатерины II по Новороссии делегация казаков во главе с С.И. Белым добилась приема у императрицы в Кременчуге и передала ей адрес, в котором было выражено желание снова служить «на военном поле казаками». Екатерина II дала свое согласие на создание войска. Основу создававшегося войска составили волонтерные команды, которые «на протяжении всего пяти с лиш-

ком месяцев, с 20 августа 1787 года по 31 января 1788 года, сами собою и силой господствующих обстоятельств превратились в казачье войско»[3]. В первые же месяцы войны развернулась интенсивная вербовка казаков-запорожцев. Таким образом совпали общегосударственные интересы с желанием казаков возродить традиции запорожского казачества.

На созванном в урочище Василькове Круге казаки большинством голосов избрали на должность кошевого атамана Сидора Игнатьевича Белого. Кубанский историк И.Д. Попка так писал о нем: «Седой старик, но исполненный огня, наездник давних сечевых времен, имеющий привычку выезжать в перестрелку без шапки и с выставленной наружу мощной своей загорелой грудью»[4]. В новом войске восстанавливалась старая номенклатура должностей, административная система: деление на курени, традиционная одежда и т. д. В короткий срок был сформирован кош Войска верных казаков. Первоначально войско было разбито на две группы — на конницу, под начальством З.А. Чепеги, и на пехоту, под командой А.А. Головатого[5]. В начале 1788 г. в состав войска вошла гребная флотилия. Становление войска происходило уже в условиях начавшейся русско-турецкой войны, когда потребность в квалифицированных военных кадрах стала ощущаться особенно остро.

Своим рождением «черноморцы» во многом были обязаны Г.А. Потемкину, с которым у них с самого начала сложились доверительные отношения. «Князь Потемкин, неизвестно для каких видов, до такой степени ласкал запорожских казаков, что сам записался в их общество в звании простого казака и, быв фельдмаршалом, с благодарностью принимал малое жалование, присылаемое ему из полка как казаку, на службе находящемуся. Сие давало свободный к нему доступ малым чиновникам его войска, с которыми любил он иногда кутить»,[6] — писал С.А. Тучков. Главнокомандующий получил от казаков прозвище — Грицко Нечоса.

Созданное Войско верных казаков под начальством А.В. Суворова и при непосредственном командовании С.И. Белого, а впоследствии З.А. Чепеги приняло активное участие в войне против Турции. На вооружении сформированного войска было то же оружие, что и в русской армии. Из армейских арсеналов казакам выдавались гладкоствольные и «винтовальные» ружья, карабины и пистолеты. Огнестрельное оружие поступало в войско как новое, так и бывшее в употреблении; среди пистолетов были так называемые сборные. Из холодного оружия казаки имели пики и русские военные ножи, а также

Сражение на Кинбурнской косе 1 октября 1787 г. Гравюра М. Вилля

было незначительное число сабель у части старшин и отдельных казаков[7].

Войску верных казаков была поставлена задача укрепления военной мощи России на новых землях, отошедших ей в результате заключенного в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Казаками велась сторожевая охрана рубежей по р. Буг. С началом военной кампании 1787 г. бывшие запорожцы в составе отрядов и отдельных военных команд выполняли специальные разведывательные задачи русского командования. Казаки участвовали во всех важнейших сражениях на суше и на море.

Военные действия начались 21 августа 1787 г. нападением турецкого флота на русские сторожевые суда, стоявшие близ Кинбурна. Замысел Стамбула сводился к тому, чтобы из Очакова перебросить войска через русскую крепость Кинбурн, затем прорваться к Перекопу и овладеть Крымом. В сложившейся обстановке для русского командования наибольшее значение имел Херсоно-Кинбурнский оборонительный район. Кинбурн находился напротив мощной турецкой крепости Очаков и держал под обстрелом своих батарей коммуникации на Днепровско-Бугском лимане, тем самым прикрывая подступы к западному берегу Крыма.

Руководство обороной Кинбурна и всего черноморского побережья от Херсона до Крыма было поручено исполнять А.В. Суворову, который с первых дней развернул энергичную деятельность по подготовке вверенного ему оборонительного района к боевым действиям.

Прежде всего, он разбил его на участки, своевременно и в короткий срок создал ряд укреплений, организовал четкое взаимодействие сухопутных сил и флота.

В ночь с 13 на 14 сентября 1787 г. турецкий флот подошел к Кинбурну и высадил десант. Около семи сотен турок атаковали позиции русских войск на Кинбурнской косе, но были отброшены отрядом пехоты и казаков. 1 октября под прикрытием артиллерийского огня эскадры турки высадили пятитысячный десант. Против многочисленных судов противника сражалась единственная русская бомбардирская галера «Десна» под командованием лейтенанта Ломбарда, самоотверженно прикрывавшая пехоту.

Российские войска во главе с А.В. Суворовым служили обедню в походной церкви Кинбурна по случаю праздника Пресвятой Богородицы, когда одно за другим начали поступать донесения о десанте. По приказу А.В. Суворова после обедни был отслужен молебен «на победу врагов и одоление». В распоряжении генерал-аншефа находились три неполных полка – Шлиссельбургский, Орловский и Козловский, два легкоконных эскадрона и три казачьих полка. Ввиду неравного соотношения сил А.В. Суворов заранее послал за подкреплением: батальоном Муромского полка и двумя легкоконными полками. Кроме этого он отправил предписание Санкт-Петербургскому драгунскому полку о выдвижении в район Кинбурна. Всего под командованием А.В. Суворова находилось около 3-х тыс. человек[8].

Турецкий десант, которым командовал Эюб-ага, около трех часов дня яростно атаковал вышедший из крепости навстречу ему отряд пехоты Шлиссельбургского полка, который возглавил А.В. Суворов. В самом начале боя 57-й летний генерал попал в окружение. Два казачьих полка и два легкоконных эскадрона, обогнув крепость, пришли ему на помощь, атаковав авангард турецкого десанта. После сражения А.В. Суворов писал в реляции князю Г.А. Потемкину о своем спасении: «Шлиссельбургского полку гренадер Степан Новиков, на которого уже сабля взнесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого, за ним следующего, застрелил и, бросясь на третьего, они побежали назад. Следуя храброму примеру Новикова, часть наших погналась за неприятелем на штыках, особливо военными увещеваниями остановил задние ряды сержант Рыловников, которой потом убит. Наш фронт баталии паки справился; мы вступили в сражение и выгнали неприятеля из нескольких ложементов...». Бой шел с переменным успехом, но с прибытием подкрепления из крепости русские войска перешли в наступление. Дважды

раненный картечью А.В. Суворов возглавил контратаку. Под напором русских войск противник начал отступать, неся при этом большие потери. В числе первых пал Эюб-ага. В результате кровопролитного девятичасового сражения остатки турецкого десанта были оттеснены на оконечность косы и сброшены в воду. Из пятитысячного турецкого отряда в Очаков вернулось около 700 человек. Потери русских войск составили 138 человек. В Стамбуле весть о поражении произвела потрясающее впечатление. Одиннадцати турецким военачальникам были отсечены головы и выставлены в серале на всеобщее обозрение в назидание остальным.

На Кинбурнской косе 2 октября, на виду турецкого гарнизона Очакова, состоялся парад русских войск в честь победы. Русские солдаты и казаки поднесли своему командующему 38-фунтовое Евангелие и серебряный крест. За победу при Кинбурне А.В. Суворов был награжден орденом Андрея Первозванного. Позднее ему «высочайше» было пожаловано бриллиантовое перо на каске с буквой «К».

Победа русских войск под предводительством А.В. Суворова у Кинбурна имела важное стратегическое значение. Была сорвана попытка внезапного овладения Крымом и уничтожения Севастополя — главной базы российского Черноморского флота. Для отличившихся при Кинбурне нижних чинов было отчеканено 20 экземпляров специальной медали, причем один экземпляр — персонально для спасшего в бою своего генерала С. Новикова.

Зимой 1788 г. в войну против Турции вступила Австрия. Россия развернула на театре военных действий две армии: Екатеринославскую (132 тыс. чел.) и Украинскую (52 тыс. чел.). Главной задачей кампании 1788 г. российское командование считало овладение Очаковым, а затем и Бендерами для создания условий дальнейшего продвижения к Дунаю. Выполнение этой задачи было поручено Екатеринославской армии под командованием Г.А. Потемкина и Черноморскому флоту. Украинская армия под командованием фельдмаршала П.А. Румянцева в соответствии с планом кампании должна была прикрывать осаду Очакова, в дальнейшем ей предписывалось совместно с австрийским корпусом принца Кобурга действовать в направлении Подолии.

Активное участие в кампании 1788 г. приняло Войско верных казаков, внеся весомый вклад в общую победу. В знак особой признательности, как сообщалось в ордере Г.А. Потемкина от 31 января 1788 г., императрица Екатерина II «...изволила снизойти на пожалование казакам земли для поселения в Керченском Куте или на Тама-

ни»[9]. 27 февраля 1788 г. А.В. Суворовым был составлен сопроводительный документ, в котором сообщалось: «Вследствие Ее Императорского Величества указа о всемилостивейшем благоволении к верным казакам, препровожденный от его светлости главнокомандующего армиею господина генерал-фельдмаршала и многих орденов кавалера князя Григория Александровича Потемкина-Таврического лист при сем следует в войско. Такое же: знамя войсковое белое большое, малые для куреней, которых по умножению людей, прибавлять будет вперед, булава атамана кошевого и другие перначи. Изображение на оных креста с сияющим в середине солнцем представляет привязанность войска к вере христианской; на другой же стороне, в звезде надпись ордена св. апостола Андрея Первозванного означает хранение ими веры, проповедуемой сим апостолом в странах, по Днестру лежащих, и верность к Государю и Отечеству. Сколь сии отличности для войска знамениты, столь да умножат свою ревность к службе и окажут храбрость в военных подвигах». А.В.Суворов лично вручил эти старинные символы сечевого устройства кошевому атаману войска[10]. Кроме этого Войску верных казаков, Войска Запорожского, Екатериной II была пожалована войсковая печать, переданная при ордере князя Г.А. Потемкина от 13 мая 1788 г. (в кош войска была доставлена через четыре дня)[11].

В целях усиления русского флота по распоряжению Г.А. Потемкина стала формироваться казачья флотилия. 4 мая 1788 г. войсковой судья А.А. Головатый принял в Херсоне 22 канонерские лодки, полностью оснащенные и вооруженные. 13 мая вице-адмирал Н.С. Мордвинов отправил войску 14 лодок. Две лодки были получены казаками от принца Нассау-Зингена. 26 мая 1788 г. А.А. Головатый получил приказ от кошевого атамана С.И. Белого возглавить созданную казачью гребную флотилию и войти с ней в состав российского флота. К июню Войско верных казаков черноморских завершило комплектование флотилии судами и личным составом[12].

Российский Черноморский флот с начала войны дислоцировался в двух пунктах: основные военно-морские силы располагались в севастопольской бухте, а легкая казачья гребная флотилия — на Днепровско-Бугском лимане. Весной 1788 г. Турция в целях укрепления своего положения на очаковском театре военных действий направила в этот район мощный военный флот в составе 17 линейных и 3 бомбардирских кораблей, 8 фрегатов и множество других более мелких судов. Командующий турецким флотом капудан-паша Эски-Гасан

намеревался уничтожить российские суда, находящиеся на рейде в Днепровско-Бугском лимане.

Оценив сложившуюся обстановку, российское командование направило навстречу противнику Севастопольскую эскадру, которая вышла в море в составе 2 линейных кораблей и 10 фрегатов, не считая легких судов и чаек. Казачья флотилия в составе Черноморского флота под командованием принца Нассау-Зингена приняла самое активное участие в баталиях с вражеским флотом. 1 июня 1788 г. у Кинбурнских берегов турецкие корабли напали на казачьи лодки. В ходе сражения все атаки противника были отражены казаками. Не менее жаркие морские баталии происходили и на Днепровско-Бугском лимане в течение всего месяца. 7 июня 1788 г. близ Очакова казачья флотилия в составе русского Черноморского флота, используя свою маневренность и скорость, вплотную приблизилась к турецким кораблям. Метким огнем своей палубной артиллерии казаки подожгли три неприятельских судна. Данный маневр со стороны казаков предрешил исход битвы. Турецкий флот, не выдержав натиска российской эскадры, отступил. Командующий Екатеринославской армией генерал-фельдмаршал князь Г.А. Потемкин-Таврический, узнав об этом подвиге черноморских казаков, писал в рескрипте на другой день кошевому атаману С.И. Белому: «Всякий опыт ревности Вашей к службе и усердие, великий подвиг, означающий Ваше мужество и неустрашимость, производит во мне истинное удовольствие. И так теперь чувствую я оное в полной мере, услышав о храбрых Ваших деяниях во вчерашнем с турецким флотом сражении. Сего я ожидал от Вас, и Вы совершенно оправдали мои заключения о людях, верою православною и любовью к Отечеству призванных. Я объявляю всем вам мою благодарность и не премину о заслугах ваших засвидетельствовать пред монаршим престолом». 16 июня казаки участвовали в сражении против трехпалубных кораблей противника, посаженных на мель. Сражение это отличалось самоотверженностью и стойкостью русских моряков. Казаки при этом проявили невероятное мужество. На своих мелких судах они смело бросились на абордаж турецких кораблей. Турецкий флот принужден был отступить с места битвы с большим уроном[13].

3 июля 1788 г. у острова Фидониси (Змеиного) произошло сражение. Авангардом российской эскадры командовал Ф.Ф. Ушаков. В начале сражения его корабли атаковали численно превосходящие силы противника, нанеся решающий удар по флагманским кораблям Эски-Гасана. Потеряв один корабль, турецкий флот отступил к Аккерману[14].

11 июля на своих мелких судах казаки выдержали бой с превосходившими как по численности, так и по вооружению турецкими кораблями, при этом контратаковав противника. Несмотря на неравенство сил, казаки одержали блестящую победу[15]. В этой битве при абордаже адмиральского турецкого корабля кошевой атаман Войска верных казаков был смертельно ранен мушкетной пулей. А.В. Суворов, узнав об этом, приказал немедленно доставить С.И. Белого в лазарет Кинбурна, где и посетил его в тот же день. А.В. Суворов писал князю Г.А. Потемкину: «Чаю Сидор Игнатьевич будет жить». Однако надежды великого полководца не оправдались: через день после его посещения кошевой атаман скончался. А.В. Суворов донес об этом Г.А. Потемкину и внизу рапорта приписал строчку: «На радость-печаль: Сидору Игнатьевичу отдал последний долг...»[16]. Прах доблестного казака был погребен в гарнизонной Александровской церкви Кинбурна.

В результате одержанных российским флотом побед многочисленная флотилия противника была разбита наголову и отброшена от Очакова[17]. Турецкий флот в результате этих сражений утратил свое первоначальное превосходство, общие потери Турции составили 15 различных судов, 6 тыс. человек убитыми и ранеными, 1800 пленными. В сравнении с этим российские потери были невелики, они составили 190 человек[18].

После смерти С.И. Белого казаки выбрали атаманом опытного воина, участника многих сражений, секунд-майора Захария Алексеевича Чепегу (Чепигу), который зарекомендовал себя как «человек высокого ума, доброго сердца, обладающий воинскими способностями и административным тактом, но был мало образован и отличался большой простотой в обыденной жизни»[19]. До этого З.А. Чепега командовал конницей Войска верных казаков. Известный кубанский историк П.П. Короленко писал о втором кошевом атамане: «Чепега был низкого роста, с широкими плечами, большим чубом и усами и вообще представлял собой тип сурового запорожца».

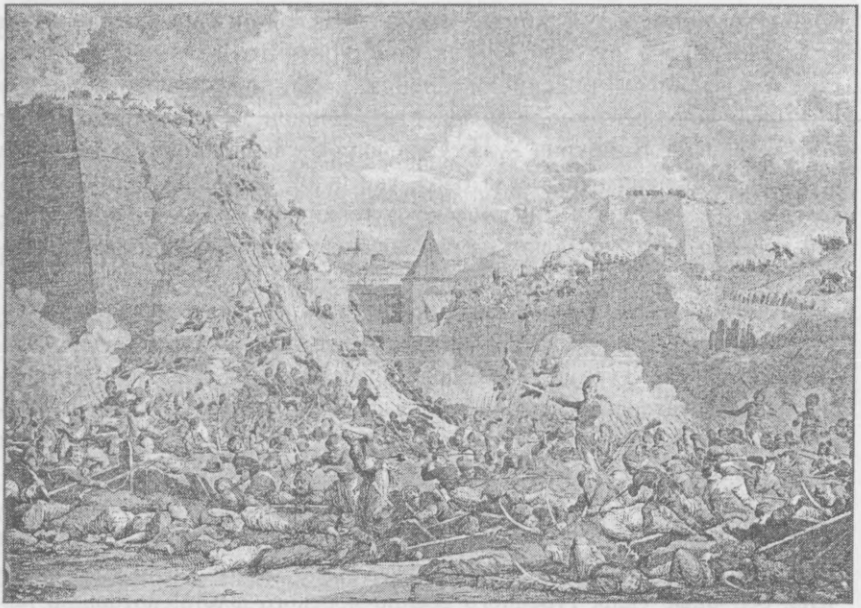
После нанесения турецкому флоту поражения под Очаковым русские войска начали передвижение вдоль берегов р. Буг в направлении крепости. По приказу Г.А. Потемкина от 21 июля 1788 г. половина казачьей гребной флотилии была выведена из-под командования принца Нассау-Зингена и переведена ему в подчинение, для чего кошевой атаман З.А. Чепега отправил к главнокомандующему 18 казачьих чаек под началом войскового судьи А.А. Головатого.

Российское командование приступило к выполнению главной задачи кампании 1788 г. – овладению турецкой крепости Очаков. Осада

крепости началась в конце июля. Под общим командованием Г.А. Потемкина русские войска приступили к планомерной осаде. Правым флангом российских войск командовал генерал-аншеф И.И. Миллер, центром — князь Н.В. Репнин, а левым флангом — прибывший из Кинбурна А.В. Суворов. В тактическом плане осада вражеской крепости не могла быть успешной без перекрытия турецкому флоту доступа в Днепровско-Бугский лиман. Турецкий гарнизон нередко делал вылазки, самую опасную из которых 7 августа отразила дивизия А.В. Суворова.

К этому времени война стала приобретать затяжной характер. Медленное выдвижение российских войск в район наметившихся боевых действий позволило Турции с помощью присланных из Франции инженеров-фортификаторов усилить оборону своих крепостей и опорных пунктов на черноморском побережье и особенно Очакова. Восстановлены были старые и построены новые, мощные для того времени оборонительные сооружения. Гарнизон Очаковской крепости был укомплектован и пополнен отборными войсками и снабжен всем необходимым, чтобы выдержать длительную осаду. В Очаковской гавани были сосредоточены основные силы турецкого военно-морского флота, которыми командовал капудан-паша Эски-Гасан. Всего на Днепровско-Бугском лимане было сосредоточено около 100 боевых кораблей, включая и легкие гребные суда. Этот флот значительно усиливал общее стратегическое положение турецкой армии на данном театре военных действий.

В конце октября 1788 г. осенние штормы начали трепать стоящую на рейде Очакова турецкую эскадру. Во избежание напрасных потерь командующий флотом капудан-паша Эски-Гасан вынужден был увести ее в Турцию под защиту анатолийских берегов. Российское командование решило воспользоваться этим для усиления морской блокады Очакова. В целях прекращения подвоза продовольствия к войскам очаковского гарнизона из крепости Хаджибей, Г.А. Потемкин приказал З.А. Чепеге послать в эту крепость сто казаков во главе с капитаном Булатовым и уничтожить турецкие магазины. Данная операция окончилась неудачей. Тогда выполнить приказ главнокомандующего вызвался сам кошевой атаман Войска верных казаков З.А. Чепега. 29 октября под покровом ночи с несколькими казаками он пробрался к Хаджибею и поджег береговой цейхгауз, а 7 ноября в самой вражеской крепости З.А. Чепега уничтожил амбар с продовольствием. «Как умудрился сделать это, — замечает кубанский историк И.Д. Попка, — один Бог ведает...»[20]. За этот подвиг З.А. Чепега был удостоен ордена Святого Георгия 4-го класса.



Штурм Очакова 6 декабря 1788 г. Гравюра А. Бартча

Для полного и успешного выполнения намеченного плана кампании необходимо было выбить турецкие войска с острова Березань (800×400 м.), расположенного напротив устья р. Березань у Днепровско-Бугского лимана. «Березань представляла по тому времени почти неприступный остров, находившийся в открытом море, вблизи очаковских берегов. Высокий обрывистый берег этого острова со стороны моря, прекрасная крепость в этой части острова и сильные батареи с юга по отлогому берегу, доступному для нападения со стороны суши, казалось, делали невозможным сколько-нибудь удачный штурм Березани...», – так описывал остров Ф.А. Щербина в своем кратком очерке истории Кубанского казачьего войска.

Главнокомандующий Екатеринославской армией Г.А. Потемкин поручил штурм Березани начальнику пеших казачьих команд армии премьер-майору Антону Головатому. На приказ Г.А. Потемкина во что бы то ни стало взять остров А.А. Головатый хладнокровно ответил: «И возьмем, Ваша Светлость!» – и, встав на колени, запел густым басом, как некогда в Киевской духовной академии: «Кресту твоему покланяемся, Владыко!». «И крест будет!» – ответил Г.А. Потемкин[21].

В казачьем лагере началась подготовка к штурму. Разведка, посланная А.А. Головатым, под начальством армии капитана Мокия Гулика установила расположение турецких береговых батарей и выбрала место для высадки десанта. В ночь с 6 на 7 ноября 1788 г. гребная флотилия Войска верных казаков снялась с якоря и двинулась в направлении острова. Турецкая охрана, ожидая прибытия пополнения, не подняла тревоги: сидящие в лодках были одеты в турецкие одежды. Подойдя к острову на близкое расстояние, казаки дали залп из всех своих пушек и ружей. Взобравшись на скалистый берег, черноморцы с ходу атаковали береговые батареи противника. Турецкие войска отступили под защиту высоких валов и пушек крепости. В это же время началась усиленная бомбардировка крепости с моря. Несколько фрегатов и канонерских судов под командой де Рибаса подошли к самому острову. Одновременно с этим маневром казаки развернули брошенные при отступлении турками орудия и открыли огонь по крепости. Огнем захваченных орудий и русского флота крепостная артиллерия турецкого гарнизона была подавлена. Казаки, возглавляемые Антоном Головатым, ворвались в крепость. Закипел рукопашный бой, и через несколько минут на приморском бастионе взметнулась пика с привязанной к ней белой чалмой — турецкий гарнизон Березани капитулировал. «Со стен Очакова турки с изумлением смотрели на пушечные выстрелы. А когда в зрительные трубы стало видно, как трепетавшее на флагштоке зеленое знамя с золотым полумесяцем вдруг медленно поползло вниз, а вместо него стало подниматься белое, с двуглавым орлом, турки застонали в бессильной злобе. Они падали на колени и, вздымая руки к небу, горестно вопили: «экбар алла-а-а-алла!», призывая покарать неверных урусов...», — образно писал кубанский краевед В.А. Соловьев. Войско верных казаков потеряло погибшими одного полкового старшину, четырех куренных атаманов и 24 казака, взяв при этом в плен 320 турок, захватив множество турецких знамен, 23 пушки, 150 бочек пороха, 1000 ядер[22].

В тот же день из главного дежурства армии в казачий лагерь пришел приказ: «За похвальный поиск, учиненный сего дня верными казаками, на острове Березани и овладении оного. Его Сиятельство Главнокомандующий армиею, признавая, что успех сего дела к единому Войску верных казаков относится, приказал объявить во всем коше совершенную свою благодарность. И при том повелевает при отправлении сюда турок и им принадлежащего прибыть к Его Светлости нескольким старшинам для изъяснения им своего удовольствия и получения всем за хороший их подвиг награждения»[23]. После торжествен-

ного молебна всем участникам сражения на Березани генерал-фельдмаршал князь Г.А. Потемкин-Таврический объявил благодарность. Особо отличившиеся казаки были представлены к медалям. А.А. Головатый получил офицерский орден Святого Георгия Победоносца 4-й степени.

Успешный штурм Березани, подоспевшие победы Черноморского флота дали возможность сухопутным силам активизировать свои действия против турецкого гарнизона Очаковской крепости. Лишенная поддержки своего военно-морского флота турецкая крепость была блокирована войсками Екатеринославской армии, которые все теснее сжимали кольцо осады. 6 декабря 1788 г. в 23-градусный мороз одна из сильнейших военно-морских баз Османской империи на северном побережье Черного моря была взята ожесточенным штурмом. Противник понес большие потери: 4,5 тыс. убитых и около 4 тыс. пленных. Потери российских войск были значительно меньше: 1 тыс. человек убитыми. Крепость была взята по всем правилам военного искусства, словно на учениях. Победителям досталось 310 орудий и 780 знамен. В боях при штурме крепости отличились казаки-черноморцы, действовавшие на правом фланге атаки русских войск. Указом от 29 декабря 1788 г. Екатерина II «за ревность и прилежание к службе» пожаловала полкового есаула Ф.Я. Бурсака армейским чином поручика[24]. Войско верных казаков было удостоено наименования «Черноморское». Штурмом Очакова казаки-черноморцы окончили свое участие в кампании 1788 г. После взятия Очакова российская армия начала продвижение в направлении Аккермана и Бендер. Черноморцы обеспечивали авангард армии, неся привычную им разведывательную службу. В июне 1788 г. по распоряжению генерал-майора М.И. Голенищева-Кутузова конница З.А. Чепеги совместно с донскими казаками прикрывала отряд генерала Богданова[25].

Весной следующего года первыми открыла боевые действия Украинская армия Петра Александровича Румянцева на юге Молдавии. В апреле 1789 г. дивизия Дерфельдена, посланная на помощь австрийским войскам под командованием принца Саксонского Фридриха-Иосифа Кобурга, отступавшего под натиском 40-тысячной турецкой армии, одержала три молниеносные победы над отдельными группировками противника: 18 апреля – у Бырлада, 27 апреля – у Максимени, 1 мая – у Галаца.

В мае П.А. Румянцев был отстранен от командования, и две армии слились в одну под управлением Г.А. Потемкина. Прибыв в армию

в июне 1789 г., светлейший князь повел бывшую Екатеринославскую армию к Овидиополю и Бендерам, а князю Н.В. Репнину поручил силами 2-й армии прикрывать его действия на левом берегу р. Прут.

В июле 1789 г. турецкая 30-тысячная армия под командованием Осман-паши переправилась через Дунай и повела наступление в направлении Фокшан. 16 июля расположенный в Бырладе 10-тысячный корпус А.В. Суворова немедленно выступил на помощь союзным австрийским войскам, расположенным в районе Фокшан. 18 июля российские войска встретились с австрийцами в Аджуде. Войскам был дан необходимый отдых. В течение нескольких дней шли приготовления к битве, были наведены три моста через р. Тротуш. 21 июля 1789 г. союзные войска, переправившись через реку, с ходу атаковали неприятеля. Построившись в каре, австрийская и российская пехота пошли скорым шагом через высокие камыши. На правом фланге австрийские гусары бились с турецкой кавалерией, на левом — пехота Дерфельдена ворвалась в окопы и выбила противника из укреплений. После этого российским войскам пришлось штурмовать монастырь святого Самуила, в котором заперлась часть турецкой пехоты. Ожесточенное сражение продолжалось около девяти часов. Российские полки ворвались в турецкие укрепления и сокрушительным штыковым ударом разгромили противника и отбросили его за р. Путну. Турецкие войска потеряли до 1,5 тыс. убитыми. Трофеи русских составили 10 артиллерийских орудий, 16 знамен и весь турецкий обоз с большим количеством военных запасов[26].

Победой при Фокшанах А.В. Суворов вырвал из рук турецкого командования стратегическую инициативу, которая вскоре была потеряна в связи с приказом об отходе русских войск обратно на исходные рубежи к Бырладу. Это дало возможность турецкому командованию перегруппировать войска и в сентябре снова перейти в наступление. На тот момент турецкая армия насчитывала около 100 тыс. чел. Численность российской группировки составляла всего 25 тыс. человек, из них 18 тыс. представляли союзные австрийские силы. Несмотря на то, что позиции российских и австрийских войск были сильно отдалены друг от друга, А.В. Суворов принял решение атаковать неприятеля. Его войска, совершив 70-километровый форсированный переход, прибыли в Фокшаны и соединились с австрийскими войсками. В результате проведенной казаками разведывательной операции было установлено, что турецкая армия расположилась между реками Рымной и Рымником тремя группировками: у Тырго-Кукули, Крынгу-Мейлора и Мартинештами. На рассвете 11 сентября 1789 г.,

атаковав одновременно с двух флангов турецкие войска у Тырго-Кукули, А.В. Суворов начал сражение. На его следующем этапе российская кавалерия атаковала укрепленный лагерь в Крынгу-Мейлоре, а затем А.В. Суворов нанес сокрушительный удар по главным силам противника, стоявшим у Мартинешт. В течение дня турецкая 100-тысячная армия была разгромлена и обращена в бегство. В сражении и при отступлении противник потерял убитыми более 17 тыс. чел. Союзные войска, захватив 80 артиллерийских орудий, 100 знамен и обоз турецкой армии, потеряли убитыми 45 человек, ранеными 133[27]. Все участвовавшие в сражении солдаты, казаки, офицеры и генералы были награждены. А.В. Суворов получил титул графа Рымникского и графа Священной Римской империи германской нации, который был пожалован ему австрийским императором. Российская императрица торжествовала победу: «Александру Васильевичу Суворову посылаю: орден (Святого Георгия 1-го класса), звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет»[28].

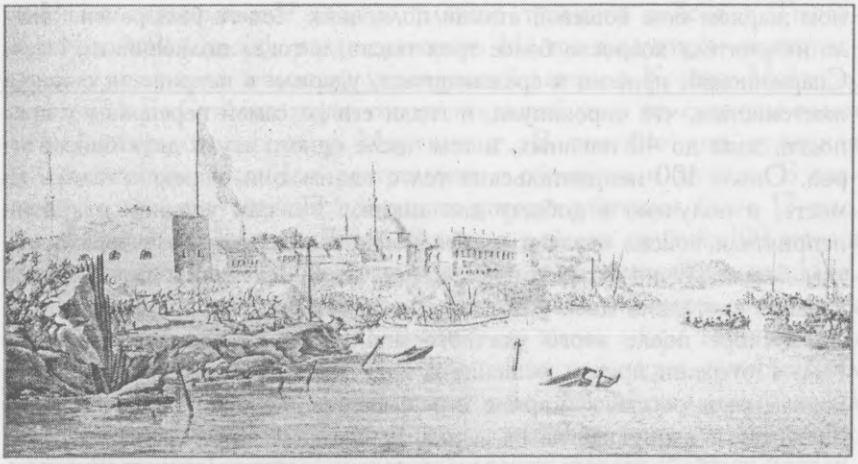
Развивая дальнейшее наступление, в сентябре 1789 г. русские войска взяли штурмом укрепленный турецкий замок Хаджибей. В это же время были захвачены важнейшие опорные пункты противника в Северном Причерноморье, крепости Аккерман (Белгород-Днестровский) и Бендеры. Весной 1789 г. Г.А. Потемкин повел войска на Бендеры и Аккерман. Турецкий гарнизон Бендер не отсиживался в крепости, а регулярно совершал дальние вылазки из города. В начале лета адмирал О.М. де Рибас докладывал Г.А. Потемкину о стычках передовых казачьих разъездов с турецкими отрядами на левом берегу р. Днестр. Первое крупное столкновение произошло 18 июня. Сводный отряд, состоящий из бугских, донских и черноморских казаков в количестве 300 человек во главе с кошевым атаманом Войска верных казаков черноморских З.А. Чепегой, находился в «поиске» в районе переправы через р. Днестр у села Терновка. Обнаружив турецкий отряд численностью около 400 человек, вышедший из крепости и переправляющийся у с. Парканы на левый берег, казаки тотчас атаковали противника. Завязался ожесточенный пятичасовой бой, в ходе которого турецкий десант увеличился в несколько раз. Казакам удалось продержаться до прибытия подкрепления. Увидев спешащие на подмогу противнику роты, турки поспешно переправились в крепость[29]. По окончании боя М.И. Голенищев-Кутузов удостоил благодарности З.А. Чепегу и его храбрых товарищей. Г.А. Потемкин в своем донесении об этом сражении писал императрице Екатерине II: «...В са-

мом жарком бою кошевой атаман полковник Чепега был ранен. Число неприятеля возросло более трех тысяч, и тогда полковники Исаев, Спаржинский, приспев к сражающимся, ударили в неприятеля с такою жестокостью, что опрокинули, и гнали его до самой переправы у крепости, взяв до 40 пленных, в том числе одного агу и двух байрактаров. Около 100 неприятельских тел с одним Бин-пашею остались на месте, и получено в добычу два знамя... По сем удачном разбитии неприятеля войска казачьи пробыли под Бендерами до вечера и потом благополучно возвратились к постам». Потери сводного отряда казаков составили двое убитыми и двадцать восемь ранеными.

Вскоре после этого удачного для российских войск сражения Г.А. Потемкин принял решение с ходу взять Бендеры. 11 июля основные силы российской армии переправились через р. Днестр в районе Дубоссар и двинулись на юг в направлении крепости. Бендеры представляли собой мощную крепость с хорошо вооруженным гарнизоном, который насчитывал 20 тыс. человек и был готов к длительной обороне. «Со стороны Днестра Бендеры превосходно защищал крутой берег этой реки, а с суши солидные стены и сильные бастионы»[30]. 18 августа командующий дал приказ взять крепость штурмом, но отчаянное сопротивление гарнизона крепости, его активная оборона и мощь турецкой артиллерии заставили русские войска отступить. 21 августа Г.А. Потемкин вернулся в свою резиденцию в Кишиневе, предварительно отдав приказ о долговременной осаде крепости.

В осаде Бендерской крепости вместе с черноморскими казаками участвовали донские казаки Матвея Ивановича Платова. Дивизия князя Н.В. Репнина, расположенная южнее Бендер, 18 сентября разбила турецкий отряд на р. Салче и захватила Каушаны, тем самым обеспечив безопасность российской армии с юга. Турецкий гарнизон был полностью отрезан от внешнего мира не только по суше, но и по воде. Казачьи чайки не давали турецким судам выйти из гавани. Г.А. Потемкин перенес полевую ставку из Кишинева в район севернее Бендер.

Первые осенние месяцы противники не предпринимали активных действий, они начались лишь в конце октября. Этому способствовали два обстоятельства: сдача турками крепости Аккерман 25 сентября и приближение зимы. По приказу Г.А. Потемкина генерал де Балмен препроводил в Бендеры пленных турок, освобожденных для наглядного подтверждения ими сдачи Аккермана. 29 октября корпус генерал-поручика А.И. Самойлова захватил предместья Бендерской крепости и установил там осадные орудия. Отряд генерала И.В. Гудо-



Штурм Измаила 11 декабря 1790 г. Гравюра С. Шифляра.

вича вышел к левому берегу Днестра и также поставил 40 полевых орудий. На виду у турок по реке под самыми стенами крепости расположились 50 оснащенных небольшими орудиями казачьих лодок-чаек[31] под командованием А.А. Головатого. В ночь с 30 на 31 октября русские войска заняли предкрепостные сооружения и приготовились к решительному штурму. Г.А. Потемкин предложил турецкому гарнизону сдать оружие на почетных условиях, иначе — штурм и «на вас уже тогда Бог взыщет за жен и младенцев»[32]. Турецкий парламентер с согласием о сдаче прибыл 2 ноября около часа ночи. 325 орудий, 12 000 пудов пороха, 20 000 пудов сухарей, муки и прочего провианта досталась российским войскам в качестве военного трофея.

Взятие Бендер, блестящие победы российских войск под командованием А.В. Суворова под Фокшанами и на р. Рымник решили судьбу кампании 1789 г. в пользу России и создали благоприятные условия для успешного окончания войны. Российские войска, сломив ожесточенное сопротивление противника, продвинулись до низовьев Дуная, заняли Кишинев, Каушаны, Паланку и Аккерман. В связи с прекращением ведения военных действий союзником России в этой войне — Австрией, заключившей сепаратное перемирие со Стамбулом, для российской армии оказались закрытыми пути через Валахию в Турцию. Военные действия можно было вести только в узкой полосе между Черным морем и устьем р. Прут, что существенно затрудняло действия армии. В этом районе российское командование сконцентри-

ровало войска, чтобы начать генеральное наступление, овладеть крепостями Килия, Тульча, Исакча, Измаил и тем самым принудить Турцию к подписанию мирного договора на выгодных для России условиях.

В конце 1789 г. на театре военных действий стратегическая обстановка благоприятствовала поражению Турции в войне. Вскоре после падения Бендер принц Кобург занял Валахию и вступил в Бухарест. Российские войска прочно утвердились в междуречье Днестра и Серета[33]. Однако российское правительство хотело поскорее закончить войну на юге, т. к. много сил отнимала начавшаяся в июле 1789 г. война со Швецией. Между Г.А. Потемкиным и великим визирем Гасан-Пашой велись неофициальные переговоры. Несмотря на неудачи, Стамбул решил продолжить военные действия, не без основания рассчитывая на финансовую и военную помощь, обещанную Англией и Пруссией, старавшихся в собственных интересах затянуть войну.

1790 год начался для российских войск при неблагоприятных обстоятельствах. Умер союзник России — австрийский император Иосиф II, его преемник Леопольд заключил перемирие с Турцией. Весной 1790 г. война между Россией и Австрией, с одной стороны, и Англией и Пруссией — с другой, казалась неизбежной: в марте 1790 г. Пруссия заключила союзный договор с Польшей, направленный против России. Под давлением Англии и Пруссии Австрия капитулировала. На международной конференции в Рейхенбахе в июле 1790 г. она согласилась заключить немедленное перемирие с Турцией, приняла посредничество Англии и Пруссии, обязалась впредь не оказывать какую-либо помощь России. Политическая обстановка осложнялась с каждым днем.

В связи с этими событиями полностью изменился план кампании. В начале 1790 г. Турция, воспользовавшись осложнением положения России и выходом из войны Австрии, получила возможность совершить ряд маневров, направленных на концентрацию своих сил на театре военных действий. В их ходе значительные силы турецкой армии и военного флота сосредоточились в портах Самсун и Синоп. Главной стратегической задачей Турции в кампании 1790 г. был захват Севастополя, а затем и всего Крыма.

Российское командование своевременно разгадало этот план противника. В мае 1790 г. Черноморский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова нанес сильный удар по турецким базам на анатолийском побережье, рассеяв сосредоточенные там войска противника. В ходе операции было уничтожено и захвачено 12 турецких транспорт-

ных судов, подготовленных к десантной операции. Российская эскадра без потерь вернулась в Севастополь.[34] Эскадра Ф.Ф. Ушакова вновь одержала блестящую победу над турецким флотом 8 июля в сражении в Керченском проливе. Еще более крупное поражение турецкий флот потерпел в сражении, разыгравшемся 28–29 августа между островом Тендера и Гаджибеем. Турецкий флот потерял 3 линейных корабля, в том числе флагманский корабль «Капитания» и несколько мелких вспомогательных судов. Линейный корабль «Мелеки-Бахри» был взят на абордаж и пленен.[35]

Победы Ф.Ф. Ушакова на Черном море позволили командованию перебросить гребную флотилию из Днепровско-Бугского лимана на Дунай. По замыслу А.В. Суворова, для реализации намеченного плана необходимо было сначала овладеть «ключом со стороны моря к Дунаю – его устьем, для чего требовалось взять важнейшие пункты, защищавшие эти места, – крепость Килию и замок Тульчу».[36] В октябре 1790 г. совместно с сухопутными войсками генерал-поручика И.В. Гудовича гребная флотилия О.М. де Рибаса и казачья флотилия А.А. Головатого приняли участие в штурме и взятии крепостей Тульча и Исакча, охранявших вход в Сулинский рукав Дуная. В то же время конный полк черноморских казаков был расположен для охраны соединительной линии между гребною флотилией у Сулинского рукава и войсками под командою И.В. Гудовича, находившимися на острове у Старой Килии. Кампания 1790 г. была окончена штурмом турецкой твердыни – Измаила.

Измаил представлял собой мощную крепость, накануне войны его укрепления были реконструированы известными французскими и немецкими инженерами-фортификаторами. Крепостной вал достигал высоты четырех сажен, тянулся на шесть верст и граничил с глубоким рвом, заполненным водой. Гарнизон Измаила насчитывал 35 тыс. человек, на крепостных бастионах находилось 245 артиллерийских орудий. Все попытки взять крепость штурмом терпели неудачи. Осада Измаила, предпринятая еще в августе 1789 г. Н.В. Репниным, была снята.

В октябре 1790 г. командованием было принято решение о наступлении. Согласно принятому плану, казачья флотилия под командой войскового судьи А.А. Головатого была переведена в устье Дуная для усиления блокады Измаила, где соединилась с гребной флотилией генерала О.М. де Рибаса. На флагманское судно А.А. Головатого был получен брейд-вымпел (флаг с разрезанными концами) с письмом от генерал-майора О.М. де Рибаса, чтобы «столь почетный

командорский знак служил вождю храбрых моряков черноморской казачьей флотилии честью и славою». После предварительной подготовки, 20 ноября, батареи флотилий открыли усиленную канонаду по измаильской гавани. С одной стороны подвели свои баркасы к турецкому флоту моряки гребной флотилии, а с другой атаковали казаки во главе с А.А. Головатым. Противнику был нанесен невосполнимый урон, его потери составили около 90 судов.[37] В результате сражения казаками было захвачено 118 артиллерийских орудий. Однако эта одновременная атака существенно не изменила ситуации под Измаилом, во главе войск был назначен А.В. Суворов.

А.В. Суворов прибыл под стены турецкой крепости 2 декабря 1790 г. и сразу приступил к мероприятиям по подготовке штурма Измаила. Войска обучались приемам штурма в специально построенном для этих целей учебном лагере. Началась заготовка штурмовых лестниц и фашин для забросси крепостных рвов. А.В. Суворов собрал военный совет 9 декабря, на котором было единодушно решено взять Измаил штурмом. На совете А.В. Суворов произнес слова, вошедшие в историю: «Сегодня молиться, завтра — учиться, послезавтра — победа либо славная смерть».

Штурм Измаила — символа турецкого владычества на черноморском побережье — начался на рассвете 11 декабря 1790 г. Российские войска были выстроены в несколько штурмовых колонн. На одном из участков действовала колонна М.И. Кутузова, в которую входили черноморские казаки. А.В. Суворов выделил черноморцам, имевшим большой опыт в осаде крепостей, один из наиболее сложных участков. С корпусом М.И. Кутузова казаки взяли штурмом Килийские ворота. Две тысячи черноморских казаков под руководством А.А. Головатого, сохраняя полный боевой порядок, высадились на берег и подступили к крепости. А.А. Головатый направил 600 казаков, вооруженных топорами, рубить крепостные палисады. Вторую штурмовую колонну А.В. Суворов поручил возглавить З.А. Чепеге. Особенно тяжело пришлось четвертой колонне, атакующей бастионы у Бендерских ворот. Черноморцы под началом бригадира В.П. Орлова «были почти поголовно изрублены турками и татарами под командою Каплан-Гирея, брата Крымского хана».[38] На помощь казакам генерал-майор граф А.И. Безбородко отправил Полоцкий пехотный полк, находившийся в резерве. Однако во время атаки полк был подвергнут сильнейшему обстрелу, в результате которого командир полка был убит, а большинство офицеров ранены. В критическую минуту боя, когда казалось, что штурм захлебнулся, казаки и солдаты увидели перед собой

Трофима Егоровича Куцынского – священника Полоцкого пехотного полка. Он шел с крестом в руках во весь рост под градом неприятельских пуль и картечи, призывая воинов: «Умрем за веру свою и землю русскую!». Войны, вдохновленные мужеством и отчаянной храбростью отца Трофима, преодолев сильный орудийный и ружейный огонь турецкого гарнизона, следовавшие одна за другой контратаки, к 8 часам утра ворвались в крепость. Осаждающие захватили турецкие батареи и, повернув их против неприятеля, открыли ожесточенный артиллерийский огонь. Турки продолжали отчаянное сопротивление. Жестокий рукопашный бой шел внутри крепости около шести с половиной часов[39]. 35-тысячный гарнизон противника в ходе кровопролитного многочасового сражения был почти полностью уничтожен. Турецкая твердыня пала под неудержимым напором российских войск. Потери русских составили 4 тыс. человек погибшими, особенно тяжелые потери понес командный состав: из 650 офицеров убито или ранено было 400. Казаки за время штурма потеряли 160 человек убитыми и 345 человек ранеными – количество по тогдашнему времени и по малому составу казачьих войск очень значительное[40]. Российские войска захватили 265 пушек, 345 знамен, 3 тыс. пудов пороху, около 10 тыс. лошадей. Через два дня в донесении генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Г.А. Потемкину А.В. Суворов отметил: «...Сегодня у нас будет благодарственный молебен... Его будет петь Полоцкий поп, бывший с крестом перед сим храбрым полком...». За подвиг священник Трофим Куцынский был награжден наперстным крестом с бриллиантами на Георгиевской ленте, 500 рублями единовременно и 300 рублевой ежегодной пожизненной пенсией.

Успех был обеспечен правильной организацией штурма, тесным взаимодействием сухопутных войск с флотилией, своевременным вводом в бой резервов, инициативой и мужеством офицеров, отвагой и доблестью казаков и солдат. «Крепость Измаильская, столь укрепленная, сколь обширная, и которая казалась неприятелю непобедимою, взята страшным для него оружием российских штыков», – сообщал 21 декабря 1790 г. в своем рапорте о штурме Измаила А.В. Суворов. В том же документе он писал о доблести полковника А.А. Головатого, который «...отменной храбростью, трудами и неусыпным старанием не только войску своему подавал пример, но и лично действовал неустрашимо». Армии бригадир З.А. Чепега, командовавший второй штурмовой колонной, вместе с другими старшинами и рядовыми казаками, отличившимися в штурме мощной турецкой крепости, также был отмечен командованием[41]. Г.А. Потемкин высоко оценил заслуги ка-

заков-черноморцев. В донесении императрице Екатерине II говорилось: «Полковник Головатый с беспредельной храбростью и неусыпностью не только побеждал, но и, лично действуя, вышел на берег, вступил с неприятелем в бой и разбил оного»[42]. В своем послании главнокомандующий писал З.А. Чепеге 27 марта 1791 года:

«Милостивый Государь мой Захарий Алексеевич!

Храбрые подвиги, которыми вы себя отличили на штурме Измаильском, удостоились Высочайшего всемилостивейшей нашей Монархини благословения; во ознаменование оного Ея Императорское Величество всемилостивейше пожаловать вас соизволили кавалером военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия третия степени, которого знак с высочайшею грамотою при сем препровождая, в полном остаюсь удостоверении, что вы усугубите рвение ваше к отличению себя новыми заслугами.

С отличным почтением имею честь быть вашим, милостивого Государя моего. Покорным слугою

Князь Потемкин-Таврический.

Санкт-Петербург»[43].

А.А. Головатый также был награжден орденом Святого Владимира третьей степени и золотым крестом за взятие Измаила. Орденами были награждены войсковой есаул Сутыка и писарь Котляревский. «500 казачьих офицеров были повышены в чинах, а всем нижним чинам были розданы особые знаки, с одной стороны с вензелем Екатерины, а с другой с надписью: «За отличную храбрость при взятии Измаила декабря 11-го 1790 года»[44].

Подвиг, совершенный при штурме Измаила, вошел в летопись российской военной истории как одна из самых блестящих страниц. Падение Измаила решило судьбу кампании 1790 г. и оказало значительное влияние на весь ход русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Теперь все усилия российского правительства были обращены на завершение войны с Турцией. Потерпев в 1790 г. решительное военное поражение, исчерпав свои основные средства и возможности для ведения войны, Турция находилась в состоянии крайнего истощения. Однако под давлением Англии и Пруссии она отказывалась признать свое поражение в войне с Россией. Российской армии и Черноморскому флоту потребовалось нанести новые сокрушительные удары, чтобы заставить Турцию выйти из войны и подписать мир на требуемых условиях.

Попытка Турции в 1790 г. перенести военные действия на Кавказ потерпела неудачу. В 1791 г. российские войска штурмом овладели вражеской крепостью Анапа, служившей оплотом Турции на Северном Кавказе. Черноморский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова нанес сокрушительный удар турецкому флоту у мыса Калиакрии (близ Варны). В том же году по приказу командования Войско верных казаков черноморских было назначено на несение традиционной для казаков пограничной и разведывательной службы на вновь отвоеванных землях. Конные и пешие казачьи подразделения дробились на небольшие мобильные отряды и выполняли отдельные задачи. Так, например, при штурме острова вблизи Браилова участвовали два казачьих полка; 31 марта две тысячи пеших черноморских казаков участвовали во взятии одного из придунайских турецких укреплений, при этом потеряв в ходе боя 6 человек убитыми и 16 ранеными; два казачьих полка вели наблюдение за неприятелем в районе Тульчи. 4 июня 1791 г. была разгромлена 23-тысячная группировка турецких войск у Бабадага. В ходе битвы черноморские казаки во главе с кошевым атаманом З.А. Чепегой нанесли два сильных поражения отдельным частям турецкой армии под Бабадагом, а именно турецкой коннице и войскам татарского хана.[45] При этом черноморцами были захвачены три орудия, большое количество пленных, много древков с сорванных турками знамен, крупный обоз. 28 июня главные силы российской армии разбили турецкие войска (30 тыс. чел.), сосредоточенные у Мачина. Противник потерял убитыми более 4 тысяч человек, 350 артиллерийских орудий, 15 знамен и большое количество военного имущества. Войско верных казаков черноморских битвой под Мачином завершило свое участие в этой войне. Таким образом, время своего четырехлетнего существования (с 1787 по 1791 г.) черноморское казачество провело исключительно в военных действиях.[46]

Турция, разбитая на суше и на море, брошенная на произвол судьбы своими покровителями, прекратила сопротивление. В августе 1791 г. Г.А. Потемкин начал переговоры о заключении мирного договора, подписать его с Турцией ему было не суждено. 5 октября 1791 г. по дороге из Ясс в Николаев он умер. Ушел из жизни видный политический деятель России XVIII века, покровитель Войска верных казаков черноморских Григорий Александрович Потемкин. Для Войска наступили тяжелые времена. Земля, пожалованная черноморцам еще при жизни Г.А. Потемкина российской императрицей на «Фанагорийском болотистом острове» – на Тамани, только на бумаге чис-

лилась за казаками. В Санкт-Петербург для разрешения этого жизненно важного для дальнейшего существования войска вопроса во главе депутации поехал А.А. Головатый.

В долголетней суровой борьбе с Турцией Войско верных казаков черноморских заслужило расположение Екатерины II, и она откликнулась на их просьбу, издав 30 июня 1792 г. грамоту с наказом: «Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских». Войсковой судья Антон Головатый послал 16 июля из Санкт-Петербурга срочного гонца в кош войска, расположенный в Слободзее, к кошевому атаману З.А. Чепеге с короткой и радостной вестью: «Слава Всевышнему Богу! Мы от Ея Величества в просьбах войсковых получили все желаемое с хорошим концом»[47].

---

[1] Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 473–474.

[2] Там же. С. 472.

[3] Там же. С. 475.

[4] Государственный Архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

[5] Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. / Сборник кратких сведений о войске под ред. Е.Д. Фелицина. Воронеж, 1888. С. 43.

[6] Тучков С.А. Записки. СПб., 1908. С. 23.

[7] Фролов Б.Е. Холодное клинковое оружие кубанских казаков. Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993.

[8] А.В. Суворов / Сборник документов под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1951. Т. 2. Док. 298–300, 318–319. С. 326–327, 337–343.

[9] Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Указ. соч. С. 49.

[10] Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 475; Фролов Б.Е. Печати черноморских казаков. Краснодар, 1993.

[12] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 9. Л. 115.

[13] Кубанское казачье войско 1696-1888 гг. Указ. соч. С. 44–45.

[14] Ф.Ф. Ушаков / Сборник документов под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1951. Т. 1. Док. 39–45. С. 61–68.

[15] Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Указ. соч. С. 265.

[16] ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 19. Л. 124–127.

[17] А.В. Суворов / Сборник документов под ред. Г.П. Мещерякова. Т. 2. Док. 427, 433–437, 442–445. С. 415, 418–420, 422–424.

[18] А.В. Суворов / Сборник документов под ред. Г.П. Мещерякова. Т. 2. Док. 436. С. 419.

[19] Фелицин Е.Д. Материалы для биографии кошевого атамана Черноморского войска Захария Алексеевича Чепеги / Кубанский сборник на 1901. Екатеринодар, 1900. Т. 7.

[20] ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

[21] Кубанский сборник, Екатеринодар, 1905. Т. XI. С. 111.

[22] Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. I. С. 480.

[23] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 25. Л.4.

[24] Шевченко Г.Н. Войсковые дворяне Бурсаки в Черномории / Из дореволюционного прошлого кубанского казачества: Сб. науч. тр. Краснодар, 1993.

[25] Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. I. С. 481.

[26] А.В. Суворов / Сборник документов под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1951. Т. 2. Док. 526. С. 465–471. (прилож.)

[27] Там же. Док. 536. С. 480–481.

[28] Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 410.

[29] Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование Императрицы Екатерины II. СПб., 1880. Т. 2. С. 31.

[30] Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. I. С. 482.

[31] Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 84.

[32] Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. Указ. соч. С. 378.

[33] М.И. Кутузов / Сборник документов под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1950. Т. 1. Док. 1. 129–133. С. 5, 90–91.

[34] Ф.Ф. Ушаков / Сборник документов под ред. Р.Н. Мордвинова. М. 1951. Т. 1. Док. 130–135, 138, 140–141. С. 162–169, 171, 172–174.

[35] Там же. Док. 289–308. С. 294–316.

[36] Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. I. С. 484.

[37] Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Указ. соч. С. 48.

[38] Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 1. С. 485.

[39] А.В. Суворов / Сборник документов под ред. Г.П. Мещерякова. Т. 2. Док. 616–637. С. 526–577.

[40] Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Указ. соч. С. 48.

[41] А.В. Суворов. / Сборник документов под ред. Г.П. Мещерякова. Т. 2. Док. 637. С. 550.

[42] Орлов П. Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского казачьего войска. 1916. Т. 2. С. 1086.

[43] Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. VII. С. 277.

[44] Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. I. С. 485–486.

[45] Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Указ. соч. С. 48–49.

[46] Там же. С. 49.

[47] Раденко К.П. Кубанский памятник запорожским казакам. Екатеринодар, 1911. С. 23.

А.В. СУВОРОВ И БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ

В.И. Перстнев

Мы не располагаем прямыми свидетельствами о пребывании Александра Васильевича Суворова у стен Бендер. Однако его полководческий гений не мог не повлиять на исход исторических событий русско-турецкой кампании 1787–1791 гг., на принятие ряда судьбоносных решений.

Условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора, подписанного 10 июля 1774 г., не удовлетворили Турцию. Турецкие власти 5 августа 1787 г. выдвинули Я.И. Булгакову, послу России в Константинополе, ряд претензий: пересмотр мирного договора, отказ России от Крыма и военного присутствия на Черном море, от полученных прав на Дунайские княжества. Ответ на эти ультимативные требования последовал отрицательный, после чего Высокая Порта, подстрекаемая Францией и Англией, 13 августа объявила войну России[1].

Военные действия начались 1 октября 1787 г., когда турецкий десант в устье Днепра атаковал крепость Кинбурн, но был отброшен гарнизоном под командованием А.В. Суворова. В дальнейшем для русских военные действия развивались успешно. Черноморский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова одержал несколько побед над турецким флотом в Днепровско-Бугском лимане (июнь 1788 г.), у острова Фидониси (3 июля 1788 г.), в Керченском проливе (8 июля 1790 г.), у острова Тендра (29 августа 1790 г.). Завершая кампании 1788 г., российские сухопутные войска овладели двумя важными турецкими крепостями — Хотином (4 сентября) и Очаковым (6 декабря), перерезав тем самым пути, связывающие Крым с турецкими владениями в Подунавье. В следующем году основные военные действия развернулись на территории Дунайских княжеств.

В 1789–1790 гг. выдающиеся победы были одержаны российской армией под командованием А.В. Суворова у Фокшан (21 июня 1789 г.), Рымника (11 сентября 1789 г.), под Измаилом (11 декабря 1790 г.). Первые две из них значительно облегчили действия армии князя Г.А. Потемкина под Бендерами.

В военной кампании 1789 г. Г.А. Потемкин планировал взятие Бендер, Аккермана и некоторых других крепостей. С этой целью весной он двинулся со своими войсками в Молдавию. В то время вторая русская армия, действовавшая в Молдавии и также перешедшая в его подчинение, располагалась на правобережье Прута в Бырладе и Фальчи.

Ее авангардным корпусом командовал генерал-аншеф А.В. Суворов. Великий визирь Юсуп-паша, находившийся в то время в нижней части Дуная, решился нанести удар русским до того, как они соединятся с основными силами Г.А. Потемкина. В результате Фокшанского боя победителями вышли объединенные русско-австрийские силы под командованием А.В. Суворова.

Сам же Г.А. Потемкин во главе своих сил с 11 июля продвигался от нижнего течения Южного Буга к берегам Днестра. Из Балты российские войска направились вниз по Ягорлыку до его устья, а оттуда на Дубоссары. Часть 1-й дивизии армии князя Г.А. Потемкина переправилась 28 июля через Днестр, 2 августа перешли реку остальные войска. Через два дня они вступили в Кишинев, где находилась и дивизия генерал-лейтенанта Кречетникова. Остальная часть армии Г.А. Потемкина прибыла в Дубоссары 10 августа, выдвинув в сторону Бендер полк донских казаков М.И. Платова и полк бугских казаков.

Отдаленность армии Г.А. Потемкина позволяла визирю Юсуф-паше строить план мести за поражение при Фокшанах, поэтому он настойчиво готовился к наступлению против корпусов А.В. Суворова и принца Кобурга. Чтобы скрыть свои намерения, он приказал в начале августа войскам крымского хана встать у Каушан, а десятитысячный корпус Гассан-паши выслать из Измаила к Болграду (Тобак), находившемуся на северной оконечности продолговатого озера Ялпуг. Князь Г.А. Потемкин принял демонстрации верховного визиря за действительные его намерения вторгнуться в Бессарабию с целью отрезать обе русские армии и напасть на каждую из них по отдельности, а в случае неуспеха укрыться за стенами Бендер.

Однако после фокшанского поражения, когда уже армия Г.А. Потемкина подошла к Дубоссарам, напрасно было ожидать движение главных сил визиря на Кишинев. Естественнее было предположить, что верховный визирь, желая загладить неудачу в фокшанском бою и памятуя о малочисленности стоявших против него сил А.В. Суворова и принца Кобурга, не решившихся продолжать его преследование под Фокшанами, сам пойдет им навстречу со всей своей армией, чтобы добиться возмездия до прибытия армии Г.А. Потемкина. Он не разгадал намерений визиря. Ожидая наступления главных турецких сил, главнокомандующий полагал, что в связи с этим неприятель начнет военные действия в Крыму, но вместо того, чтобы быстро выдвинуться из Кишинева к Фальчи, соединиться с армиями, действовавшими в Молдавии, а в сторону Бендер выслать наблюдательный отряд, князь Г.А. Потемкин оставался в нерешительности.

Более того, он предпринял поездку в Херсон и Очаков, чтобы отдать распоряжения, касающиеся обороны этих городов и всего Крыма. Успокоившись относительно Крыма, князь Потемкин возвратился в Кишинев, в то время как его резиденция по-прежнему находилась в Дубоссарах.

Татары, оставив Каушаны, отступили на соединение с войсками Гассан-паши к Тобаку. Вследствие этого князь Г.А. Потемкин решился с частью своей 1-й дивизии и легкими войсками двинуться к Бендерам, куда и прибыл 18 августа. Он рассчитывал быстро овладеть крепостью, полагая на основании донесений разведки, что в ней находится слабый гарнизон. На самом же деле он насчитывал около 20 тысяч человек, подготовленных к длительной обороне.

В тот же день Г.А. Потемкин с легкими войсками произвел рекогносцировку местности. Турки открыли сильный пушечным огонь, но он не нанес существенного вреда русским. Легкие войска ворвались в предместье города, захватив 24 человека пленными. Несмотря на это, Г.А. Потемкин вынужден был отступить. 21 августа он приказал сжечь весь хлеб в окрестностях Бендер и, вернувшись в Кишинев, отдал приказ об осаде крепости.

Тем временем, видя крайнюю медлительность и нерешительность в действиях Г.А. Потемкина, все еще не знавшего, начать ли ему штурм Бендер или идти на соединение с армией, действовавшей в Молдавии, верховный визирь решил привести свой давний план в исполнение. Гассан-паша должен был переправиться у Фальчи на правый берег Прута и отрезать союзникам корпусу А.В. Суворова путь к отступлению[2]. Однако план верховного визиря не удался. 11 сентября в битве при Рымнике его войско численностью 100 тысяч воинов было разгромлено объединенными русско-австрийскими силами под командованием А.В. Суворова.

В то время, как после Рымникского боя А.В. Суворов убеждал принца Кобурга идти на Бухарест и просил подкрепления для переправы через Дунай, князь Г.А. Потемкин, успокоенный поражением визиря, предпочел, по мнению известного исследователя истории русско-турецких войн А.Н. Петрова, держать всю свою армию в бездействии, предназначая ее для покорения Хаджибея и Аккермана, с целью изолировать Бендеры и добиться сдачи этой крепости, за которую достаточно было только наблюдать. Мало того, вместо усиления армии А.В. Суворова, Г.А. Потемкин даже отделил от нее несколько пехотных полков, чтобы собрать к Бендерам возможно большее количество войск и тем самым устрашить противника»[3].

Прежде, чем приступить к осаде Бендер, Г.А. Потемкин приказал захватить несколько фортификационных пунктов, чтобы обеспечить тылы российским войскам. 13 сентября его однофамилец П.А. Потемкин на подступах к ханской резиденции под Каушанами разгромил 3-тысячный заслон буджакских татар. В этом сражении в чине бригадира участвовал Михаил Илларионович Кутузов, командовавший конной армией и частью донских казаков. На следующий день генерал И.В. Гудович и О.М. де Рибас захватили укрепленный Хаджибейский замок, на месте которого позже был основан город Одесса. 25 сентября капитулировал и гарнизон Аккермана.

Это последнее обстоятельство, а также приближающаяся зима способствовали активизации военных действий под Бендерами. 16 октября генерал де Балмен отправил в Бендеры 25 пленных турок, освобожденных по приказу Г.А. Потемкина для наглядного подтверждения ими взятия Аккермана[4]. В письме бендерскому паше, переданному через пленных, главнокомандующий требовал немедленной сдачи крепости, напоминая туркам, что упорное сопротивление Очакова стоило жизни всем его защитникам, поэтому бендерскому гарнизону лучше последовать примеру Аккермана, добровольная сдача которого обеспечила туркам свободный пропуск и сохранение всего частного имущества. В противном случае «будет так же, как с Очаковом... Избирайте для себя лучшее», — настаивал Г.А. Потемкин.

Выслав к Бендерам все легкие кавалерийские войска с целью полной блокады крепости, 26 октября Г.А. Потемкин прибыл в Каушаны, чтобы непосредственно приступить к захвату Бендер. Он рассчитывал создать эффект многочисленности своих войск, чтобы устрашить противника и принудить его к сдаче крепости. С этой целью российские войска подошли к Бендерам и 29 октября на расстоянии пушечного выстрела от крепости заняли позиции, встав полукругом на правом берегу Днестра.

Со стороны суши крепость представляла собой сплошное укрепление в три фаса с 10 бастионами и каменной цитаделью. Впереди крепости находились форштаты. 29 октября корпус генерал-поручика А.И. Самойлова захватил предместья крепости и поставил там осадные орудия. Отряд генерала И.В. Гудовича вышел к левому берегу Днестра и установил 40 полевых орудий. На виду у турок по реке под самыми стенами крепости расположились 50 оснащенных небольшими орудиями казацких лодок-чаек. 30 и 31 октября российская артиллерия вела сильный огонь изо всех орудий по крепости. Генерал А.И. Самойлов с казаками мгновенно выбили турок из форштата, находившегося впе-

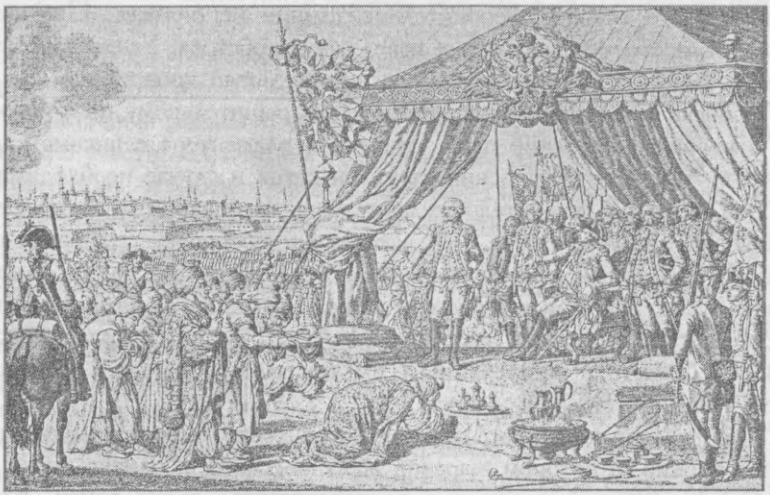
реди правого фланга оборонительной линии неприятеля. Противник укрылся за стенами крепости и повел оттуда обстрел. Усиленный огонь всех российских батарей нанес уже значительный урон туркам.

Войска Г.А. Потемкина готовились к решительному штурму, когда 2 ноября бендерский паша прислал парламентера с письмом. Ага поведал, что хотя бендерский гарнизон готов в случае необходимости упорно защищаться, жители желают знать требования русского фельдмаршала в случае сдачи. Г.А. Потемкин пообещал турецкому гарнизону свободный выход из крепости в случае ее сдачи. Вместо ответа турки, прибегли к разного рода недомолвкам и проволочкам, стремясь выиграть время. Тогда князь Г.А. Потемкин отправил парламентера вместе с привезенным им письмом обратно в крепость, требуя ее немедленной сдачи.

Бендерский комендант прислал российскому главнокомандующему новое письмо, в котором выразил желание сдаться, однако турки потребовали 20 дней сроку для полного вывода своих войск. Князь ответил категорическим отказом и отдал приказ своим войскам готовиться к атаке. Тогда турецкие парламентеры попросили Г.А. Потемкина отменить готовившийся приступ и отправились в крепость за окончательным ответом.

3 ноября на рассвете должен был начаться штурм крепости, но в час пополуночи парламентеры прибыли вновь, объявив согласие гарнизона сдаться немедленно и безусловно. Екатеринославский гренадерский полк занял в крепости караулы, егеря расположились в форштатах. На батареях были расставлены русские артиллеристы, а конные войска совершали разъезды по городу. Исторический момент сдачи турками крепости Бендеры генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину-Таврическому 4 (15) ноября 1789 года запечатлен на гравюре Шютца, выполненной в 1790 г. Турки преподнесли князю богатые дары и ключи от Бендерской крепости.

Сдачей Бендер закончилась кампания 1789 г. на европейском театре войны. За взятие крепости князь Г.А. Потемкин был награжден золотым лавровым венком. А.В. Суворов также не был обойден вниманием императрицы: Екатерина II удостоила его графского титула, а к его фамилии добавилось слово «Рымникский». Австрийский император пожаловал А.В. Суворову графский титул Священной Римской империи. Разумеется, заслуги А.В. Суворова в русско-турецкой кампании 1787–1791 гг. неизмеримо выше. Именно победы объединенных русско-австрийских сил под командованием А.В. Суворова у Фокшан и на реке Рымник, где 25-тысячная армия великого полко-



Сдача турецкой крепости Бендеры русской армии. Гравюра Шютца.

водца разбила вчетверо превосходящие силы турок, во многом предопределили бескровный исход бендерской кампании Г.А. Потемкина.

Важное место отводилось Бендерской крепости и в дальнейших стратегических планах А.В. Суворова. 29 декабря 1791 г. между Россией и Турцией был заключен «Трактат вечного мира и дружбы», а 26 января 1792 г. территория между Бугом и Днестром была включена в состав Екатеринославской губернии. Через месяц, 27 июля 1792 г., высочайшим Указом был основан Григориополь для поселения пришедших из-за Днестра армян.

В конце ноября 1792 г. граф А.В. Суворов-Рымникский прибыл на юг империи с целью обезопасить наиболее вероятные направления движения противника. Поскольку наибольшие скопления турецких войск находились в крепостях Бендеры и Аккерман, необходим был противовес. В июне 1793 г. была заложена Тираспольская крепость против Бендерской, что в дальнейшем сыграло огромную роль в истории обоих городов и всего молдавского края.

---

[1] Война 1787–1791 гг. – прославленная и неизвестная / Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000. С. 93.

[2] Петров А.Н. Вторая турецкая война и царствование императриц Екатерины II. СПб., 1800. С. 38.

[3] Там же С. 56.

[4] Яворницкий Д.И. История запорожского казачества. СПб., 1888. Т. 3. С. 507–508.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ XVIII ВЕКА В МЕДАЛЬЕРНОМ ИСКУССТВЕ РОССИИ

(по материалам Национального музея истории Молдовы)

Т.И. Заремба

В нумизматическом собрании Национального музея истории Молдовы коллекция российских наградных и памятных медалей посвящена победам русских войск над турками в кампаниях XVIII–XIX столетий. Медали выполнены из различных видов металла, что имело особое значение в наградном деле. Традиции массовых награждений участников войн и отдельных сражений в России почти полностью были утрачены после смерти Петра I, а восстановлены лишь в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Россия была единственной страной, в которой произведения медальерного искусства служили массовыми воинскими наградами на протяжении нескольких десятилетий. Практически все награды екатерининской эпохи отличались простотой исполнения и только русскими надписями. На лицевой стороне изображался «молодой лик» Екатерины II, либо ее вензель, на оборотной – чаще всего надпись на русском языке. Наиболее известны чесменская и кагульская медали.

Кагульской медалью, посвященной победе П.А. Румянцева над 150-тысячной турецкой армией у Кагула, были отмечены солдаты, унтер-офицеры, а также казаки, участвовавшие в сражении. Автором медали является известный российский медальер Тимофей Иванов. На лицевой стороне медали за Кагул был помещен традиционный портрет императрицы Екатерины II. На оборотной стороне – надпись в четыре строки: «Кагулъ // июля 21 дня // 1770 // года». Эту медаль носили на голубой узкой ленточке в петлице.

В Указе от 23 сентября 1770 года, объявленном Военной коллегией от имени Екатерины II, говорилось: «В память одержанной первою нашею армиею 21 минувшего июля при озере Кагуле совершенной над неприятелем победы, повелели мы сделать особливые медали и оными всемилостивейше жалуем всех бывших на сей баталии унтер-офицеров и рядовых, дабы они сей знак храбрости их и оказанной через то нам и отечеству услуги носили на голубой ленте в петлице».

В тот же день вышел Указ императрицы о наградах для нижних чинов, участвовавших в сражении при Чесме. На лицевой стороне

чесменской медали – портретное изображение Екатерины II работы Т. Иванова. На оборотной стороне – изображенные С. Юдиным российские военные суда, а за ними – объятые пламенем турецкие корабли. Вверху – одно слово «Былъ». Внизу, в обрезе, надпись в две строки: «Чесме 1770 года // июля 24» (ошибка здесь в месяце и дате).

Творчество двух медальеров, Тимофея Иванова и Самойлы Юдина, занимает значительное место в российском медальерном искусстве этой эпохи. Родившиеся в семьях монетчиков, оба поступили учениками в 40-х гг. XVIII в. на монетные дворы: Юдин – в Москве, Иванов – в Петербурге; оба потом стали учениками Б. Скотта и в дальнейшем работали в Петербурге.

Победы российской армии при Кагуле и флота в Чесменском бою оказались решающими не только для кампании 1770 г., но и сыграли большую роль при заключении мира с турками в 1774 г. По случаю подписания 10 июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора были выбиты памятные медали в золоте и серебре. Создателями их были известные российские медальеры, работавшие на монетном дворе. Интересной работой является серебряная медаль круглой формы на заключение мира с Турцией 10 июля 1774 г. работы С. Юдина. На лицевой стороне – барельеф Екатерины II с лавровым венком и короной. По кругу медали выпуклая надпись: «Б.М. Екатерина II. імперат. и самодерж. Всероссійс.». Внизу фамилия автора: С. Юдин. Оборотная сторона этой медали знакомит с работой Иоганна Балтазара Гасса, известного императорского медальера, умевшего создавать не только портреты, но и многоплановые рельефы. На фоне морского залива с боевыми кораблями Гасс изобразил женскую фигуру в античной одежде и шлеме с копьем и жезлом. Справа от фигуры – знамена, воинские доспехи, щиты, пушки, ядра – атрибуты победы. Вверху надпись: «Твердостію разумомъ и силою». Внизу – три строки: «Миръ съ Оттоманскою Портою // заключенъ 10 июля // 1774 года».

В нумизматическом собрании музея имеется серебряная медаль работы С. Юдина ромбической формы, на лицевой стороне которой представлен погрудной портрет Екатерины II, на оборотной – вверху в лавровом венке надпись в две строки: «Победи//телю», ниже – текст в четыре строки: «Заключен миръ // с Портою // 10 июля 1774 г.» Эту медаль участвовавшие в войне 1768–1774 гг. нижние чины носили на голубой андреевской ленте.

Из коллекции памятных медалей можно выделить медаль, изготовленную К. Леберехтом в честь А.В. Суворова. Творчество худож-

ника-портретиста отличалось сдержанностью и монументальностью. Именно эти черты выделили его как мастера-новатора, сделавшего переход к новому периоду российского медальерного искусства — классицизму.

Памятная медаль
в честь побед А.В. Суворова.
Художник К. Леберехт, 1791 г.

Строгость заметна и в портретном изображении А.В. Суворова. Художник подчеркнул угловатость черт лица полководца, убрал традиционный парик. По кругу медали сделана надпись: «Александръ Васильевич Суворовъ Рымникскій ген. аншефъ.» Ниже: C. LEBERECHT. Оборотная сторона с надписью ***победихъ*** скупо орнаментирована венком с четырьмя щитами, на которых начертаны победы А.В. Суворова: Фокшаны, Кинбурнъ, Измаилъ, Рымникъ. В обрезе — две строки: // въ 1787, 1789 и 1790 // годъхъ//. Автором оборотной стороны медали стал Иоганн Георг Вехтер — мастер многоплановых композиций.

C. LEBERECHT читаем мы и на медали «На мир с Турцией в 1791 г.». На лицевой стороне медальер представил погрудный портрет Екатерины II в короне и лавровом венке. По кругу надпись: «Б.М. Екатерина II імперат. и самодерж. Всероссійс.»

На оборотной стороне на фоне пейзажа — щит с гербом России и карта территории, присоединенной к России по миру с Турцией. Над ними лавровые венки. В верхней части по кругу надпись: «Победами приобретен мир». В нижней части — надпись: «Декабря 29 дня 1791 г.»

Интерес представляет медаль «В честь открытия памятника Суворову А.В. у Рымника». Создавалась она уже в XX веке, но в качестве исключения ее хотелось бы упомянуть, т. к. сам факт ее появления говорит о том значении, которое придается личности А.В. Суворова. Медаль круглой формы и выполнена из бронзы. На ее лицевой стороне — изображение памятника А.В. Суворову у Рымника. На высоком постаменте фигура полководца, восседающего на коне. С левой стороны надпись в четыре ряда: «В честь открытия памятника графу А.В. Суворову-Рымникскому на поле сражения под Рымником 1789–1913».

На оборотной стороне медали – щит с надписью: «Повелением государя императора Николая II самодержца Всероссийского. Сооружен в лето 1913». По окружности медали – надпись: «Создал и соорудил художник-скульптор Б.В. Эдуардс из г. Одессы».

Все вышеуказанные работы художников являются лишь частью той коллекции Национального музея истории Молдовы, которая указывает не только на высокое мастерство медальеров, но и освещает военные события русско-турецких войн XVIII столетия.

---

[1] Косарева А. Искусство медали. М., 1982.

[2] Щупина Е. Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962.

[3] Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.

[4] Нумизматика: материалы и исследования. М., 1988.

[5] Фонды Национального музея истории Молдовы. 0/4480, 6903-5, 0/7457, 0/7456, 0/7452, 0/7454, 0/7455.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ РУССКОЙ ИСТОРИИ, ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ, И СВЯЗЬ ИХ С ВИННИЧИНОЙ

С.Д. Гальчак

Александр Васильевич Суворов – выдающийся русский полководец, который в бою с врагами не знал поражений, и не только «на Очаков и Измаил победно войско свое водил»... Он был великим сыном и защитником своей Отчизны, пожалуй, самым опасным соперником для турецких завоевателей, которые постоянно посягали на территории России, Украины, Молдавии и других государств. Не стала исключением и земля Приднестровья.

После воссоединения в конце XVIII в. Правобережной Украины с Россией для защиты южных и юго-западных рубежей российского государства здесь была размещена русская армия под командованием А.В. Суворова. В 1796–1797 гг. она дислоцировалась на территории тогдашней Брацлавщины – юге современной Винницкой области. Войсковые части этой армии стояли в Немирове, Тимановке, Чечельнике, других городах и селениях края. Штаб-квартира командующего находилась в Тульчине, городе, в который стремились выдающиеся поэты А.С. Пушкин и К.Ф. Рылеев, в котором готовились к вооруженному выступлению против самодержавия П.И. Пестель, В.Ф. Раевский, М.П. Бестужев-Рюмин и другие офицеры-декабристы.

Александр Васильевич Суворов жил в Тульчине с марта 1796 по март 1797 года. Здесь он постоянно занимался боевой выучкой своих войск и написал знаменитую работу «Наука побеждать». Он так же неоднократно приезжал в соседнюю с Тульчином Тимановку, в которой по сей день сохранился дом, где жил и работал полководец. В этом доме в 1947 г. был открыт мемориальный музей, носящий имя А.В. Суворова. На околице села в небольшом лесу сохранилась еще одна достопримечательность, связанная с именем генералиссимуса – так называемые «суворовские криницы». Это три колодца, которые согласно преданию, были выкопаны суворовскими солдатами во время учений (кстати, вода в криницах очень приятная на вкус, даже имеет целебные свойства)[1]. Имя А.В. Суворова носил существовавший до недавнего времени местный колхоз, который долгие годы возглавлял дважды Герой Социалистического Труда Ф.А. Желюк.

В самом Тульчине в советские времена был сооружен памятник А.В. Суворову. Александр Васильевич сидит на бронзовом коне и, подняв в вытянутой руке над головой шляпу, словно приветствует с пьедестала нас, сегодняшних, и призывает любить свою Родину также горячо, как он.

Если фельдмаршал А.В. Суворов был непосредственным участником боевых сражений с турецкими захватчиками, то российский государственный деятель и дипломат граф Н.П. Игнатьев[2], сделал все для того, чтобы русско-турецкие войны прекратились.

Николай Павлович Игнатьев родился в 1832 году. В 1851 г. он окончил Академию генерального штаба с большой серебряной медалью, что было в те времена большой редкостью. Однако, не прослужив ни одного дня в армии, он стал военным атташе в Лондоне. При осмотре военного музея он «нечаянно» положил в карман ружейный патрон, представляющий в то время военную новинку. После этого ему пришлось покинуть Лондон. Вскоре (в 1858 году) Николай Павлович отправился на перекладных в далекую Бухару. Оставив свой небольшой казачий конвой, он, не задумываясь, идет в качестве посла «белого царя» на прием к бухарскому эмиру и за несбыточные посулы «вырывает» из его рук вассальный договор.

В 1860 году, двадцати восьми лет от роду, в чине полковника он выступил представителем России в совместной с французами и англичанами экспедиции в Китай. Перед стенами Пекина он уговаривал союзников пойти на мирные переговоры с китайцами. Получив полномочия, во главе взвода казаков с парламентерским флагом Н.П. Игнатьев выехал в Пекин, получил у китайских властителей подтверждение прав России на территорию тихоокеанского побережья и поспешил с казаками через Монголию в Читу. Отсюда он сообщил в Петербург о новых приобретениях России. Н.П. Игнатьев стал самым молодым генерал-адъютантом в Российской империи и сотрудником канцлера А.М. Горчакова в качестве директора азиатского департамента министерства иностранных дел.

В 1864–1877 гг. Н.П. Игнатьев был послом России в Константинополе, в 1881–1882 гг. – министром внутренних дел, с 1887 г. – членом Государственного Совета, единственным, на жалование которого был наложен арест.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Н.П. Игнатьев от имени России вел дипломатические переговоры с Турцией, принимал активное участие в подготовке условий Сан-Стефанского мирного договора, который предусматривал освобождение болгарского наро-

да от османского ига. 3 марта (по новому стилю) 1878 г. договор был подписан. Своей подписью Н.П. Игнатьев скрепил свободу Болгарии, тем самым заслужив звание национального героя Болгарии. Интересна такая подробность. Когда победа была близка и предусматривалось подписание долгожданного договора, Н.П. Игнатьев, бросив все, помчался верхом на лошади через горы, непогоду и ночь. «Горы ночью — смертельно», — предупреждали его. Беда все же остановила — сорвался в пропасть. Чудом уцелев, он все-таки успел в Сан-Стефано вовремя.

«Много и до Н.П. Игнатьева, и после него было в Константинополе дипломатов. Но никто не отдал столько сердца Болгарии. До конца своей трудной судьбы сохранил он сердечную привязанность», — так тепло отозвалась о нем современная болгарская публицистка Калина Канева.

Служебную карьеру Николай Павлович окончил в 1883 г. после противоречий с царем Александром III. «Взвесив нашу утреннюю беседу, я пришел к убеждению, что вместе мы служить России не можем. Александр», — уведомил монарх Н.П. Игнатьева. Так относились в царской России к энергичным вольнолюбивым людям. Однако болгары не забыли Николая Павловича. Ежегодно руссофильские партии посылали тайных делегатов в его усадьбу в село Круподеринцы Киевской губернии (сейчас это Погребищенский район Винницкой области). Здесь Н.П. Игнатьев жил до 1908 г., т. е. до своей смерти и был похоронен в очень красивой церкви, которая прекрасно сохранилась до наших дней.

На надгробном памятнике из черного лабрадорита, кроме имени усопшего, начертаны наиболее яркие вехи дипломатической деятельности Н.П. Игнатьева — «Пекин» и «Сан-Стефано, 19 февраля 1878 года».

Рядом с могилой Н.П. Игнатьева находится могила его дочери Екатерины. Память о ней тоже хранят болгары. Во время Балканских войн 1912—1913 гг. она была медсестрой-добровольцем, не раз выносила с поля боя раненых русских и болгарских солдат. Умерла Екатерина в результате разрыва сердца, от чрезмерного перенапряжения.

В глубине церковного двора есть еще один исторический памятник. Там возвышается массивная каменная глыба, по бокам которой четыре старинных корабельных якоря, соединенных между собой тяжелой цепью. Над глыбой — деревянный крест. На камне надпись: «Сей памятник воздвигнут в 1914 г. в молитвенную память лейте-

нанта графа Владимира Игнатьева, капитана 2-го ранга Алексея Зурова и всех наших славных моряков, с честью погибших в Цусимском бою 14–15 мая 1905 г.» [3].

За тысячи километров от нас Тихий океан, но памятник русским морякам, которые геройски пали возле островов Цусимы, находится на земле Винничины, что по соседству с Приднестровьем.

---

[1] Історія міст і сіл Української РСФ. Вінницька область. Київ, 1972. С. 630, 641.

[2] Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 11–14.

[3] Гальчак С. Земля над Россю. Вінниця, 1995. С. 12–14.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЗАХОРОНЕНИЯ КНЯЗЯ Г.А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО В ХЕРСОНЕ

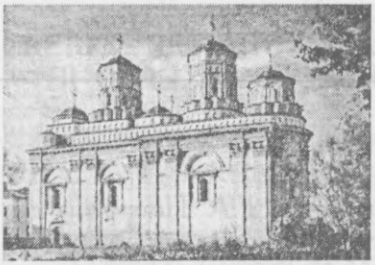
С.А. Дяченко

Трудно переоценить значение имени князя Г.А. Потемкина для Причерноморской Украины. Здесь нет тайн, есть недосказанность и желание исказить факты. Так рождались бесчисленные легенды, связанные, в частности, с погребением Г.А. Потемкина. С завидной регулярностью из года в год в Херсоне, где покоится прах князя Таврического, появляются публикации, ругающие или оправдывающие его деятельность, обсуждающие, сохранились ли останки, или их уже нет в городе, стоит ли допускать людей в его склеп и восстанавливать ли памятник Г.А. Потемкину. Желание покончить с вопросами побудило собрать все доступные материалы и, проанализировав их, попытаться восстановить историю херсонского захоронения.

Заниматься этим вопросом всерьез начали лишь во второй половине XIX в., когда в Херсоне мало кто верил, что могила Г.А. Потемкина вообще существует. Для Одесского общества истории и древностей вопрос о том, где находится могила «основателя» Новороссийского края, не был праздным. К нему не раз обращались члены общества на страницах «Записок» – ценнейших исследований по истории Северного Причерноморья. Интересные сведения о херсонском захоронении можно почерпнуть из «Русского архива» П.И. Бартенева, российских и украинских исторических журналов, но, к сожалению, лишь дореволюционного времени. О варварстве по отношению к могиле Г.А. Потемкина в советское время рассказывают документы Государственного архива Херсонской области. В херсонском Обществе охраны памятников находится акт экспертизы, проведенной в 1984 году, подтвердившей, что останки, которые находятся в херсонском Екатерининском соборе, действительно принадлежат Г.А. Потемкину.

***

Шла к развязке русско-турецкая война, начавшаяся в 1787 г., которая была успешной для России. После внезапной смерти в 1791 г. австрийского императора Иосифа II Австрия, союзница России, в одностороннем порядке заключила мирный договор с Турцией. Екатерине II необходимо было принять разумное решение, и она склонилась к заключению мира, реально оценив возможности своей



Екатерининский собор в Херсоне

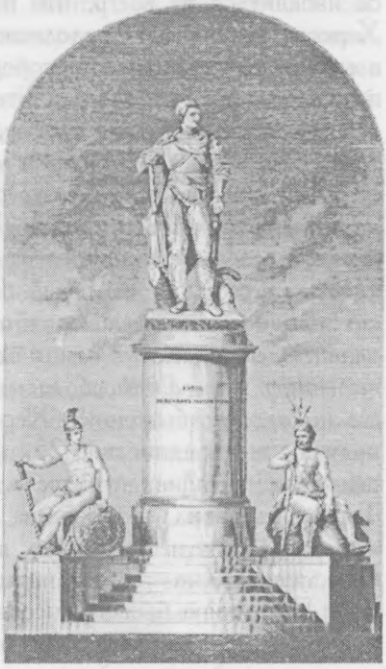
страны. 31 июня в Галаце князем Н.В. Репниным втайне от Г.А. Потемкина, мечтавшего окончить войну в Стамбуле, были подписаны предварительные условия мира с Турцией, которые казались слишком несправедливыми по отношению к реальным достижениям и возможностям России. Решение прекратить войну стало неожиданным для Г.А. Потемкина. Почти одновременно с этой новостью случился новый удар. 13 августа в Галаце трагически погиб молодой принц Вюртемберг-Штутгартский, за судьбу которого Г.А. Потемкин поручился перед его старшей сестрой – великой княгиней Марией Федоровной – невесткой Екатерины II. Состояние и без того больного Г.А. Потемкина резко ухудшилось. Почувствовав приближение смерти, Г.А. Потемкин велел везти себя из Ясс в Николаев. 5 октября 1791 г. близ селения Сабиены он умер на руках у своей племянницы графини А.В. Браницкой. Целую ночь тело князя, покрытое плащом, пролежало под деревом у дороги. Позднее на этом месте по желанию А.В. Браницкой был поставлен каменный столб-памятник.

12 октября 1791 г. курьер доставил императрице донесение от секретаря Г.А. Потемкина В.С. Попова с известием о смерти князя. Вскоре императрица издала *пышный* манифест, приказав изготовить грамоту «*с прописанием в оной завоеванных им крепостей и разных сухопутных и морских побед, войсками его одержанных; грамоту сию хранить в соборной церкви города Херсона, где соорудить мраморный памятник Таврическому, а в арсенале того-ж града поместить его изображение и в честь ему выбить медаль*»[1]. «*Тело фельдмаршала возвращено было в Яссы, где по высочайшему повелению отдан был последний долг христианский со всем приличием сану его возвышенному*»[2]. Его «*анатомили и бальзамировали на другой день по кончине*»[3]. Тело поместили в два гроба: дубовый и свинцовый, которые в свою очередь были вложены еще и в деревянный ящик. 13 октября в Яссах архиепископ Амвросий в церкви Вознесения Господня монастыря Голлий (Голия) совершил отпевание. 40 дней гроб с прахом Г.А. Потемкина находился в Яссах. В это время шли работы по сооружению склепа в херсонском соборе. «*Бренные останки по воле же монархини препровождены были в Херсон. Сердце, положенное в золотую урну, повелено было погребсти под престолом, а гроб*

— *в середине церкви Святой Екатерины*»[4]. Однако сердце Потемкина, по словам одного из современников, было перевезено на родину и похоронено среди могил его предков, где было установлено «великолепное надгробие»[5].

В Херсон траурная процессия прибыла 23 ноября. В этот же день феодосийский викарий Моисей, который ее сопровождал от Ясс, совершил отпевание. «Великолепного князя Тавриды» хоронили почти с царской пышностью. В соборе *«на середине амвона сделано было возвышение, покрытое богатою парчею, на коем поставлен был гроб, обитый розовым бархатом, выложенный богатым золотым позументом, с серебряными скобами, на серебряных подножия, и покрытый богатым парчевым покрывалом»*[6]. В конце литургии Моисей произнес прощальную речь. Под полом в соборе, почти напротив алтарных врат, был сооружен каменный сводчатый склеп, вход в который открывался вне храма, правее от его западных дверей. Туда перенесли гроб и установили на каменном помосте. После панихиды бедным были розданы деньги «на поминание души усопшего», затем состоялся поминальный обед для участников церемонии. Признательные жители Херсона и преданные фельдмаршалу воины служили в склепе панихиды перед иконой Спасителя. Эта богато украшенная икона была подарена Г.А. Потемкину Екатериной II в 1774 г., когда она благословляла его на генерал-губернаторство в Новороссию. С тех пор Г.А. Потемкин не разлучался с ней. В 1793 г. племянник князя граф А.Н. Самойлов забрал ее из собора.

В 1791 г. указом Сенату и 2 сентября 1793 года в росписи наград героям окончившейся войны Екатерина II повелела *«воздвигнуть в Херсоне памятник»*. В другом источнике сказано полнее — *«приказано было соорудить мраморный памятник Таврическому»*[8], а племянник Потемкина граф А.Н. Самойлов писал, что *«государыня назначила соорудить изваянное*



Памятник Г.А. Потемкину

изображение его и воздвигнуть оный памятник на мраморном пьедестале в полукружии арсенала, построенного им против той церкви в средоточии самой крепости».[9] Есть также упоминания и о «мавзолее» князю. Бесспорно, под «мавзолеем» подразумевался склеп; в соборе же, над местом гроба, вероятно, была установлена мраморная плита или что-то еще (современники говорят о «великолепном надгробии»)[10]. Памятник Г.А. Потемкину, то есть скульптурный монумент на площади в крепости, тогда построен не был. Появился он лишь в 1836 году и не в крепости, а на Потемкинском бульваре (теперь — сквер им. Карла Маркса). Эта прекрасная работа И.П. Мартоса, к сожалению, не сохранилась.

С могилой князя Таврического в Херсоне связано множество легенд. Все началось со вступления на престол в 1796 году Павла I, не питавшего благосклонности ни к Екатерине II, ни к Г.А. Потемкину. Это нерасположение, вероятно, еще более обострилось позже, когда Павел, разбирая бумаги своей матери, открыл в них *«то, о чем даже не мог догадываться»*[11]. По всей видимости, он обнаружил свидетельство о тайном венчании его матери с Потемкиным, поэтому попытался избавиться от всего, что напоминало бы о князе. Узнав, что в Херсоне до сих пор продолжают чтить его память, служат панихиды в склепе Екатерининского собора и идут поклониться праху, Павел I под предлогом, что тело Потемкина не предано по православному обычаю земле, в начале 1798 г. дал секретное распоряжение об уничтожении склепа. *«Известно государю императору,* — писал князь Куракин Новороссийскому губернатору Селецкому в Екатеринослав, — *что тело покойного князя Потемкина доныне еще не предано земле, а держится на поверхности, в особом, сделанном под церковью, погребу, и от людей бывает посещаемо; а потому, находя сие непристойным, высочайше соизволяет, дабы все тело, без дальнейшей огласки, в самом же том погребу погребено было в особо вырытую яму, а погреб засыпан землею и изглажен так, как бы его никогда не бывало»*[12]. Херсонский комендант полковник Тернер получил это предписание 25 апреля, а 28 апреля — донес о его выполнении, сообщив, что *«тело в яме похоронил и место изгладил»*[13]. Тернер слукавил, и его слова означали не совсем то, о чем просил император: яму не вырывали, а просто засыпали землей склеп с гробом, уничтожив только внешний вход. Другими словами склеп Г.А. Потемкина был законсервирован.

Тайное исполнение секретного распоряжения породило множество слухов: *«некоторые утверждали, что гроб вынесен и хранится на*

общем кладбище, другие, более увлеченные таинственностью, составили предание, что гробу не было дано другого места и что самый прах был истреблен»[14]. Давая характеристику временам Павла, в связи с событиями в Херсоне приводят одну из записок И.И. Дмитриева, где говорится, что с воцарением преемника Екатерины II *«многим городам в Крыму и Екатеринославской губернии, получившим под управлением светлейшего князя Потемкина-Таврического древние имена греческие или славянские, как то: Эвпатория, Севастополис, Григориополис и пр., возвращены прежние татарские или русские простонародные: Кизикермень, Козлов и пр.; все воинские и гражданские постановления сего столь сильного вельможи отброшены; даже самый мавзолей, воздвигнутый над его прахом, приказано было разрушить»*[15].

В начале XIX века уже мало кто верил в то, что тело Г.А. Потемкина покоится в Екатерининском соборе. Екатеринославский архиепископ Иов Потемкин, родственник князя (возможно, племянник), при объезде епархии посетил Херсон и пожелал убедиться в сохранности праха. В субботу он отслужил панихиду в Екатерининском соборе, а в воскресенье вечером с комендантом Липгардом отправился в собор. Ночью 4 июля в присутствии протоиерея И. Глобачева, дьякона И. Павловского и других духовных лиц были сорваны доски пола, проломан свод склепа и вскрыт гроб. Тело оказалось на месте. Об этом Илья Павловский, который впоследствии стал священником Екатерининского собора, в 1860 году сообщил соборному протоиерею Максиму Перепелицину, а тот пересказал бывшему одесскому викарному епископу Антонию. Говорят, что Иов вынул из гроба сосуд с внутренностями покойного после бальзамирования и отправил его в сельцо Чижово Смоленского уезда — на родину князя[16]. (Иов сам был родом из Смоленской губернии). Тогда и возникла легенда о том, что Иов увез из Херсона тело Потемкина[17].

Следующее вскрытие склепа произошло в 1859 г. во время замены полов в Екатерининском соборе. Произошло это тайно, из-за чего поползли разные слухи. Очевидец и участник вскрытия священник Привозной Свято-Духовской церкви Александр Мухин составил отчет лишь спустя четыре года. *«...Я и сотоварищ мой, священник Иваницкий, в одном месте откопали землю, примерно на пол-аршина или четверти на три, и докопались до чего-то металлического. По ощупании рукою оказалось, что металл мягок и поддается под ногтем, следовательно — свинец. Отсюда само собою выведено заключение, что под ним должен быть гроб; а так как*

в Екатерининском соборе никого не погребено, кроме князя Таврического, то все мы и заключили, что это гроб светлейшего князя. Свинец представлялся нашему осязанию в виде плиты шириною в аршин или более; плита была отрезана с двух сторон, с правой и с левой. С той и с другой стороны я опускал руки под свинец и там внизу, кроме пустоты, ничего не встретил»[18]. Продолжением этой истории является, по-видимому, сообщение управляющего херсонской государственной аптекой Мильгофа в «С.-Петербургских ведомостях» за 13 января 1860 г.[20] Он рассказывал, что *«в 1859 году, 9 сентября, по случаю внутренних починок церкви, пять некстати любопытствующих лиц спустились чрез проломину, вынув из развалившегося гроба, засыпанного землею, череп и некоторые кости покойного, вложив в особый ящик с задвижкой, оставили в склепе»*[21]. Интересно, что в том же номере корреспондент газеты письмом из Херсона от 12 октября 1859 года сообщал: *«Прибывши в Херсон на службу, я старался было узнать что-нибудь о могиле Потемкина, но все мои расспросы ни к чему не повели меня. Некоторые, правда, говорили, что Потемкин погребен в церкви, выстроенной Екатериною в Херсонской крепости, но на чем основывался подобный слух, никто не мог объяснить. В прошлом месяце сняли в означенной церкви пол, пришедший от времени в ветхость, и тогда открылся вход в склеп, находящийся под самою церковью и о существовании которого никто не знал. Склеп большой и выстроен прекрасно. При осмотре в нем найден только деревянный гроб, от ветхости частию развалившийся, но все-таки местами сохранивший золотую бахрому, которою был обит; в середине же деревянного находился гроб свинцовый, запаянный наглухо. Сообразив все обстоятельства, нельзя не допустить, что в нем может находиться только тело Потемкина»*[22].

Статьи о могиле Г.А. Потемкина в Херсоне привлекли внимание общественности, потому-то священник А. Мухин и написал в 1863 г. свои воспоминания. В том, что прах Г.А. Потемкина находится в соборе, все же сомневались, и в октябре того же 1863 г. склеп был открыт снова. Об этом рассказали участники раскопок: *«По снятии части земли и мусора увидели деревянный, уже развалившийся гроб, вмещавший в себе другой, свинцовый, с сильно вдавленною внутрь крышкою, которую на первый взгляд можно было принять за самое дно гроба. Оказалось, что гроб не был наглухо запаян, и когда приподняли и загнули с обоих концов края крышки (от большого количества наваленной на гроб земли и*

мусора трудно было поднять ее всю), то в гробу открылись останки покойника. Впрочем, кроме костей да кожаных, хорошо сохранившихся, довольно красивой отделки туфлей, в нем не нашлось ничего более; попадались только остатки парчи, или скорее, розового бархата и палевого атласа, да в лежавшем на гробе мусоре обрывки золотого позумента, которыми он был обит»[23].

11—13 апреля 1873 г. в Херсоне побывал член Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич. 14 апреля 1873 г. он записал: *«Грустное чувство одолевает посетителя при взгляде на разрушающиеся исторические памятники. Если было столь равнодушным давнее крепостное военное и духовное ведомство к лицам, положившим живот свой за Отечество, то смею думать, Общество, предположившее себе по данному Уставу сохранять то, что составляет достопримечательность в крае и славу сынов Отечества, не умедлит употребить зависящие от него меры к исправлению и поддержке указанных надгробий в прежнем виде, а так же о положении доски над могилою князя Потемкина»*[24].

Обществу удалось добиться принятия мер по спасению памятников Екатерининского собора. 26 августа 1874 г. специальная комиссия, командированная инженерным ведомством Одесского военного округа, провела исследование склепа. В состав комиссии входили начальник Херсонской инженерной дистанции полковник Э.Г. Брунст, священник собора Алексей Черняговский, инженер-подполковник В.И. Журавский, уполномоченный от Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич и др. Сняв несколько досок церковного помоста, они спустились в склеп и обнаружили в нем разбросанные части деревянного и свинцового гробов с кусками истлевшей материи, мундирного шитья и гробовых позументов, а в простом деревянном ящике с выдвижной доской — три шитые канителью орденские звезды первой степени, человеческие кости и череп с треугольным прорезом сзади, наполненный массой для бальзамирования с несколькими клочками темно-русых волос. Комиссией был составлен акт.

Останки светлейшего князя Таврического были уложены во вновь сделанный свинцовый ящик, оставленный в склепе. В 1877 г. над могилой в соборе перед иконостасом была установлена беломраморная надгробная плита с бронзовым гербом князя и надписью: *«Фельдмаршал Светлейший Князь Потемкин-Таврический родился 30 Сентября 1739 года, умер 5 Октября 1791 г. Здесь погребен 23 Ноября 1791 г.»*. В круглых виньетках по краям плиты были вписаны названия основанных Потемкиным городов и земель, присоединенных им к России: *«Херсон — 1778»*, *«Екатеринослав — 1787»*,

*«Николаев – 1788», «Очаков – 1788», «Аккерман – 1789», «Бендеры – 1789», «Крым и Кубань».**

История собора в советское время поражает своим трагизмом и абсурдностью. Из собора были изъяты ценности, разобран иконостас, а в 1929 г. по постановлению общего собрания группы грузчиков херсонского порта он был закрыт. 4 мая 1930 г. в Екатерининском соборе открылся Антирелигиозный музей. Могила Г.А. Потемкина, а вместе с ней и захоронение молдавского князя Эммануила Россета были вскрыты, и их прах выставлен напоказ. Об этом «невероятном» музее писатель и драматург Борис Лавренев поведал в своем литературном очерке «Второе погребение Потемкина». Ему же удалось добиться и закрытия этого учреждения. Варварство его создателей потрясло Б. Лавренева. Свое негодование он выразил в телеграмме, которую направил в Народный комиссариат просвещения и в Комитет по охране памятников искусства и старины. Реакция последовала незамедлительно, и в том же 1930 г. музей был закрыт. Впрочем, по рассказам очевидцев, прах Г.А. Потемкина в течение некоторого времени экспонировался в херсонском Музее революции. Тогда же, в 1930-х годах, он был возвращен на прежнее место.

Варварство по отношению к могиле Г.А. Потемкина вызвало необходимость проведения новой экспертизы захоронения, находящегося в соборе. 11 мая 1984 года комиссия, в которую вошли судебный медицинский эксперт, сотрудники краеведческого музея и Общества охраны памятников, исследовав склеп, пришла к заключению, что обнаруженные останки принадлежат Г.А. Потемкину. Итак, могила Новороссийского генерал-губернатора, основателя Херсона, князя Потемкина-Таврического по-прежнему находится в Екатерининском соборе, оставаясь священным местом для херсонцев.

Приложение

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО

Письмо канцлера А.А. Безбородко к графу П.В. Завадовскому. Из Ясс, 1791 год.

* Официально датой основания Николаева считается 1789 год, когда вышел указ об основании города с таким названием, хотя строительство селения в устье Ингула началось в 1788 году, и уже тогда Потемкиным оно было названо Николаевом. У названий городов Очаков, Аккерман (ныне Белгород-Днестровский) и Бендеры указаны даты взятия этих турецких крепостей армией Потемкина. Лента хранилась какое-то время в Херсонском краеведческом музее; была передана Обществу охраны памятников истории культуры для установки на прежнее место, но исчезла.

Ты желаешь знать о подробностях болезни и смерти покойника. Ни в той, ни в другой не было ничего особенного, кроме самого обыкновенного. Склонность его к желчи при геморроях, раздраженная разными неприятностями, в последнюю его у вас бытность* случившаяся при сильном движении от непонятно скорой дороги, увеличила в нем силу обыкновенной болезни здешней,** которая и у пользующихся не скоро проходит, а при рецидивах и совершенно опасною становится. По обычаю своему растворял ночью окна, не воздерживался в пище и не принимал лекарства. Еще в Гуше дошел было он до крайности, исповедывался и причащался. Натура преодолела болезнь; но, приехав в Чердак, близ Ясс, съел он целого гуся и впал в рецидиву. Тут еще более отрекся от лекарств, и когда одолевал его внутренний жар, то не только питьем холодного, но растворяя окна по ночам и имея при себе готовых людей, велел лить себе eau de Coogne на голову, опрыскивал себя кропилом с холодною водою и тем, мешая всякой транспирации, концентрировал весь жар во внутренности своей. Находили на него минуты, что он серьезно предвидел смерть и для того в конце Сентября, вторично исполняя обряды христианские, спрашивал у Браницкой, не в опасности ли? Она его ободряла, а тем и дала ему повод шутить со своим здоровьем. Маллет, один из докторов его, решительно сказал, что надобно быть чуду, когда он выздоровеет; что поездка ускорит его смерть, которая уже неизбежна. В таком состоянии, когда 2-го октября при сильном обмороке, где он был бездыханен и без пульса несколько часов, решился он ехать. Сам столько имел еще крепости, что 4-го Октября, доехав до станции Резина, с помощью одного гусара вышел из кареты, взошел в дом, сидел и лежал спокойно, но ночью почувствовал жар и тоску. Медики, пришед, увидели большие признаки конвульсий. Имея, однако ж, поминутно облегчение, пожелал на рассвете ехать, и лишь версты две отдалился, велел перенести себя в большую постельную коляску. Верст пять проехав при конвульсиях уже, остановил всех и требовал, чтоб его вынули из коляски и положили на землю, говоря, что он умирает и чтоб ему не дали в коляске жизнь кончить. На увещевания, чтоб был спокоен, отвечал, что уже померк в его глазах свет, он никого не видит, а разбирает он только голос, и весь сей разговор препровожден стоном. Примолвил, что, когда его положили на тюфяк в поле, недоезжая лесов больших с версту: теперь чем его лечить станут? Доктор Санковский отвечал ему, чтоб он, кроме Бога, ни на кого не надеялся, и подал ему образ, с которым он всегда езжал.*** Имел он еще столько крепости, что поцеловал сам образ, и, вынув потом руку, которую племянница его держала, мгновенно испустил дух.

По вскрытии тела его найдено необычайное разлитие желчи, даже что части ее, прильнув к некиим внутренностям, затвердели; ни бальзамирование, ни накуривание наружности не могли отвратить сильного духа от тела столь сырого. Наследники его будут много хлопотать. Они уже изрядный опыт своего сребролюбия показали, когда при приуготовлениях к погребению жаловались Браницкая и Энгельгард, что много издержано понапрасну. Никто еще не знает точно достатка покойникова. Много должен казне, но много и на казне считает. Сегодня распечатывают его пожитки и станут делать опись.

* Потемкин был в Санкт-Петербурге с 24 февраля по 24 июля 1791 года.
** Имелась в виду молдавская лихорадка.
*** Икона Святителя Николая, подаренная ему императрицей Екатериной II.
Архив князя Воронцова.М., 1879. Т. 12. С. 221–222.
Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1879. Т. 9. С. 503–504.

СЛОВА В ПАМЯТЬ О ПОТЕМКИНЕ, ЗАПИСАННЫЕ НА ЩИТЕ, СТОЯВШЕМ У ГРОБА В ЯССАХ

В Бозе почивающий светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический и проч. и проч., усердствующий сын Отечества, присоединитель к Российской Империи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель победоносных флотов на южных морях; победитель сил турецких на суше и море, завоеватель Бессарабии, Очакова, Бендер, Аккермана, Килии, Измаила, Анапы, Сучук-Кале (Новороссийск), Сунии (Сулины), Тульчи, Исакчи, острова Березанского, Хаджибея и Паланки; прославивший оружие Российской Империи в Европе и Азии, приведший в трепет столицу и потрясший сердце Оттоманской Империи победами на морях, и положивший основание преславному миру с оною; основатель и соорудитель многих городов; покровитель наук, художеств и торговли. Муж, украшенный всеми добродетелями общественными и благочестием. Скончал преславное течение жизни своей в Княжестве Молдавском, в 34 верстах от столичного города Ясс, в 1791 года октября в 5-й день, на 52 году от рождения, повергнув в бездну горести не только облагодетельствованных, но и едва ведающих его.

Записки Л.Н. Энгельгарта, 1776–1856 гг. М., 1867. С. 132–133.
Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1875. Т. 9. С. 463.

РЕЧЬ АРХИЕПИСКОПА АМВРОСИЯ

В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому при совершении надгробного пения в

Яссах, в монастыре Голи, в церкви Вознесения Господня, 13-го октября 1791 года, последнее целование Амвросия, архиепископа Екатеринославского и Херсониса-Таврического и ексархии Молдо-Влахийской местоблюстителя. Печатано в Яссах 1791 года.

Отдая последний долг преставльшемуся в Бозе светлейшему военачальнику нашему, п. с., едва могу преодолеть себя, чтоб не составить сего настоящего обращения моего к вам из единых слез. Измеряя вашу чувствительность моею и ваши знания моими, не сомневаюсь, что понимаете вы всю тяжесть удара, коим поразил нас Господь во гневе своем, посреди самых приятнейших надежд и утешений мира. Того ради не ожидайте здесь от меня витийства, ни исчисления достохвальных свойств и дел усопшего, которыми преклонил он к себе всю милость Монархини и обратил внимание Европы; ни утешения, каковые обыкновенно подобные мне пастыри, в подобных злощастиях, тщатся подавать сетующим. Конечно! Я должен и преставльшемуся, и всем, но истинная скорбь чужда витийства. И тогда сам Спаситель плакал над умершими: то вот все, что укрепляюсь вам ныне сказать! Соедините ваши сетования, вашу скорбь и слезы с моими. Почтим память и печальные останки преставльшегося приношением сим, сродным человечеству, и вкупе свидетельством нашей к нему любви, нашей благодарности. Я и подобные мне лишились в нем милостивейшего благодетеля и руководителя; воинство — человеколюбивейшего героя и отца; отечество — мудрого рапространителя пределов; церковь — усерднейшего сына и вкупе украсителя и предстателя; Монархиня — советника, блюстителя, споспешника, друга.

О! Великодушнейшая Матерь отечества! собери ныне силы твои услышати громовой глас сердцу твоему: нет на свете светлейшего князя. Всесильный Боже! Сие ли есть столь страшное всех милостей твоих, до ныне нам явленных, печатление? Тако ли фиал их сладостный, другим наигорчайшим растворяеши? Но буди воля Его всемогущая и святая!..

Прости, светлейший и любезнейший князь! Долго не перестанут искать тебя очи наши; долго не перестанут при искании том слезы проливать; долго и самое сердце — почитать тебя потерянным, но мысли наши подобны ныне ручью, жестокою бурею возмущенному. Когда успокоятся, ты паки изобразишься в них ясно; и как видение тогда наше, так благодарность пребудут неизменны. Прости! И еще прости в последний раз. Буди благополучен в той жизни, в которую перешел ты от нас. Насладися там новыми наслаждениями, лицезрением самого Спасителя, коего столь усердно любил ты во всю твою жизнь до самой смерти. Навыкни, после земных монарших, небесных

Его собеседований; навыкни ликований со святыми! Мы молим со слезами о том благость Его.

Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1852. Т. 3. С. 563–564.

РЕЧЬ ФЕОДОСИЙСКОГО ВИКАРИЯ МОИСЕЯ, СКАЗАННАЯ В НИКОЛАЕВЕ

Речь, говоренная при отпевании тела светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического из Николаева в Херсон в 21 день ноября 1791 года преосвященным Мойсеем Феодосийским и Мариупольским.

Се, юный Николаев! Возвратили мы тебе породителя твоего, возвратили, но уже не того, коего ты зрел незадолго пред сим временем. Очи его не любуются тобою; уста не лобзают тя; нежные его объятия не исполняются тобою. Мы тебе его возвратили! Однако ты плачь, плачь о сиротстве твоем.

Ах! Если бы ты был зрителем тех нежных стремлений, с какими он летел в твои объятия, и нощь, предшествовавшая дню пути его к тебе, казалась ему протяженнейшею обыкновенной, и путь стропотнее, и колесница непослушнее. О тебе он помышлял, о тебе разглагольствовал, тебя видел. Ему представлялось, что самая смерть, воззрев на твою нежную юность, а его к тебе горячность, умякнет и опустит подъятую на него косу свою из ослабших рук.

Но несчастлив ты! Она, еще его недопустив в пределы твоего обозрения, исторгает из него дыхание жизни, — нет более твоего родителя. Вот только что осталось для омытия тебе сыновними слезами. Но покоряйся судьбе благодарно; сиротствуй безропотно; жди иного отца и утешителя. А между тем будь доволен теми благами, яже приял еси в животе отца твоего, и утешайся его добродетелями.

Твой родитель был герой, а потому и ты, по мере начала бытия своего, уже исполин. За два пред сим лета путешественник токмо что безмолвно пустынствовал на сем месте, и рыбацкая ладия одна сретала с ним. А ныне что зрит? Вместо былия и волчца зрит великолепные здания; вместо пустыни — безчисленное стечение народа; вместо рыбацкой ладьи — целый флот, сооруженный в защищение Южного Края России. Зрит он и, едва веря очам своим, вопрошает самого себя: что будет со временем отроча сие?

Твой родитель был добродетелен; а потому и тебя каждый добрый возлюбит и приидет сотворити обитель у тебе.

Твой родитель был благочестив, а потому и препоручил тебя в покровительство угодника Божия Николая, толико громко некогда на

брани его прославившего. Люби же и ты веру: она есть крепость градов, ограждение государств и лествица к блаженному небеси.

Вот сколько от меня тебе, юный Николаев, утешений! Утешься, отри слезы и сопроводи родителя своего сыновними очами, доколе они постигнуть могут сих останков его сокровищницу.

Сопроводи... и при последнем мгновении поклонися ему сыновне. Не забудь же и Всевышнего безпрестанно молити, чтобы колико Он был щедр к твоему родителю во время живота его, толико же благоутробно восприял его и в пренебесные свои обители.

Херсонские епархиальные ведомости. № 1 (1-го января 1861 года). Одесса, С. 61–62.

ПОРЯДОК ПОГРЕБЕНИЯ ТЕЛА ПОТЕМКИНА В ХЕРСОНЕ НА 23 НОЯБРЯ 1791 г.

Порядок, по которому долженствует произведен быть чин погребения тела, в Бозе почивающего, Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического

1-е. Когда тело поставлено будет на катафалке, то учредить при гробе дежурство из одного генерал-майора или бригадира, двух полковников, четырех штаб-офицеров и восьми обер-офицеров, одного генералс-адъютанта и одного флигель-адъютанта.

2-е. Отдать приказ, чтобы все господа генералы, штаб и обер-офицеры, бояре и весь народ были поклониться телу, назнача в сутки часы, дабы не было беспорядку.

3-е. В часы прихода для поклона телу должно быть у головы с каждой стороны по одному генералс-адъютанту, по середине гроба — по два гвардии офицера, при ногах — по одному флигель-адъютанту, а несколько поотдаль от гроба — по два офицера.

4-е. У дверей снаружи залы караул от Екатеринославского Гренадерского полку, внутри лейб-гвардии Преображенского полку от бомбардирской роты, а у балистрада — Кирасирского полку князя Потемкина — по два офицера в суперверстах.

5-е. Накануне дня, назначенного к выносу, один из генералов, два генералс-адъютанта, два флигель-адъютанта на лошадях, под препровождением одного эскадрона полку князя Потемкина в траурном виде с литаврами, покрытыми черным сукном, возвещают городу о времени, как приказано будет делать вынос.

6-е. В день погребения войски станут в строй по обе стороны улицы, где повезут тело, в две шеренги и когда духовные чины соберутся к телу и все приготовится, то возвестить 71-м пушечным выстрелом и колокольным унылым звоном о часе выноса, и пальба продолжается до самого внесения тела в церковь.

7-е. Тело выносят адъютанты с простыми штабными чинами и все желающие, кроме назначенных в церемонии. Балдахин — гвардии офицеры, и кисти поддерживают полковники.

Порядок шествия

8-е. Эскадрон Конвойных гусар.

9-е. Кирасирский полк князя Потемкина.

10-е. Господин подполковник Делабат... маршала со всеми людьми в черных епанчах с белыми свечами, имея открытые головы.

11-е. Берейтор с верховыми лошадьми в богатых уборах, из которых каждую ведут два конюха в богатой ливрее, в черных епанчах и шляпах.

12-е. Сто двадцать человек солдат с факелами в черных епанчах и с распущенными шляпами с черным флером.

13-е. Двадцать четыре обер-офицера в траурном виде с белыми епанчами в шляпах.

14-е. Двенадцать штаб-офицеров в траурном виде с свечами в шляпах.

15-е. Здешние бояре, генералитет в траурном виде, по два в ряд, начиная с младших.

16-е. Трое полномочных.

17-е. Духовенство.

18-е. Регалии, из которых каждую несет один штаб-офицер, имея двух обер-офицеров ассистентами в шляпах.

19-е. Образ с казачьим полковником Михаилом Егоровым.

20-е. Сердце Усопшего.

21-е. Тело несено будет в изъявление усердия к покойному фельдмаршалу на руках до самой церкви.

22-е. За гробом пойдут родственники и ближние.

23-е. По обеим сторонам гроба по двенадцати человек в черных епанчах с большими свечами.

24-е. Дроги, покрытые черным бархатом, запряженные семью лошадьми в черных попонах, из которых каждую ведет один конюх в черной епанче и в шляпе.

25-е. Парадная карета, покрытая черным сукном, запряженная осмью лошадьми под черными покрывалами; конюхи в парадной ливрее, имея сверху черные епанчи.

26-е. Эскадрон конвойных гусар.

27-е. Полк Булавы Великого Гетмана.

28-е. Исаева полк.

29-е. Везде, где тело будут провозить, войско должно делать честь на караул.

30-е. Когда совершена будет по литургии панихида и запоют «вечная память», то выстрелить из пушек 71 раз редко и войско сделает троекратный из ружей выстрел.

31-е. По совершении всего определить при гробе к дежурству одного генералс-адъютанта, четырех офицеров и караул.

Штаб-офицеры, несущие регалии

Ордена:

Святого Андрея — господин подполковник Янченинов. При нем господа капитаны Малиновский, Арсеньев.

Святого Александра Невского — господин подполковник Комбурлет; при нем господа капитаны Энгельгард, Пасков.

Святого Георгия — господин подполковник Волан; при нем господа капитаны Галкин, Никитин.

Святого Владимира — господин подполковник Томатис, при нем господин капитан Высоцкий и господин подпоручик Ланг.

Белого Орла — господин подполковник Мелиссино; при нем господа капитаны Кирияков, Боасели.

Святого Станислава — господин подполковник Энгельгард; при нем господа поручики Ракоз, Самойленков.

Слона — господин подполковник Бакунин; при нем господа поручики Игнатьев, Радионов.

Серафимов — господин надворный советник Яковлев; при нем господа поручики Павловский, Бельградский.

Святой Анны — господин подполковник Чичерай; при нем господа поручики Каневский, Буренин.

Камергерский Ключ — господин подполковник Уколов; при нем господа подпоручики Игнатьев, Ковалевский.

Гетманскую Булаву — господин подполковник Белуха; при нем господа подпоручики Угрюмов, Сергеев.

Гетманскую саблю — господин пример-майор Пичугин; при нем господа артиллерии поручики Сабуров, Фенин.

Шпагу — господин майор Горновской; при нем господа поручик Карабанов, прапорщик Никопольской.

Венец — господин майор Захарьин; при нем господа прапорщики Еничев, Шегурин.

Бант от портрета Ее Величества — господин майор Иванов; при нем господа прапорщики Малцов, Коренев.

Фельдмаршальский жезл — господин майор Коваленский; при нем господа прапорщики Иванов, Термин.

1-е Гетманское знамя Екатеринославского казачьего войска пеших стрелков полку — пример-майор и кавалер князь Алексей Трубецкой.

Кейзер флаг — господин майор Скипор, генералс-адъютант Самарин.

Другое знамя — князь Гека; при нем два подпоручика.

Третье знамя — пример-майор Марков; при нем два подпоручика.

В параде были гренадерских полков: Екатеринославского — четыре баталиона; Малороссийского — четыре же баталиона; Приморского — два баталиона; Екатеринославского казачьего войска 1000 человек.

РЕЧЬ ФЕОДОСИЙСКОГО ВИКАРИЯ МОИСЕЯ, СКАЗАННАЯ В ХЕРСОНЕ

Речь, говоренная при предании тела земле покойного светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического в Херсоне, в 23 день ноября 1791 года, преосвященным Моисеем Феодосийским и Мариупольским.

Приспело печальное время предати земле тело светлейшего князя Григория Александровича, мужа по всем отношениям беспримерного, — тело, оплаканное жертвенными слезами по всем городам, селам и весям, разделяющим путь от столицы древней Дакии до Херсониса Таврического. Мы знаем, что оно — земля и всегда долженствовало возвратиться в место свое. Однако жаль и с сею землею расставаться, ибо она обносила в себе чрез пятьдесят два лета драгоценнейшую Россиянам душу.

Любезен бывает нам тот дом, в котором обитал наш друг или благодетель; важен ковчег, сохранявший какое-либо изящное сокровище; равным образом любезно и тело, носившее в себе отличную душу.

Кто же между Россиянами был светлейший князь Григорий Александрович? Ах! Сколь многие и сколь протчим невместительные стяжал он своими добродетелями себе титлы! Он был верный сын церкви, велелепное украшение отечества, усердный страж Монаршего престола; едва где-либо в бытописаниях сретаемый герой, всюду победоносец неимоверный, возродитель градов, искусный создатель флотов, удивление Европы.

Скорбит о нем церковь, сетует Монархиня, стенает воинство, сокрушается все отечество, воздыхают иноплеменные, надеявшиеся чрез него или усыновиться России, или стяжати ее к себе дружество и покровительство; даже побежденные им жалеют о нем, яко о великодушном и человеколюбивом победителе. Вот сколько добродетельнейшему мужу сердечных, а следовательно, и бессмертных памятников.

Но между вещественными памятниками, сооружаемыми светлейшему князю, пребудешь ты знаменитый, граде Херсоне! Первым зна-

менитейшим памятником, яко им порожденный и удостоившийся восприяти в сыновнии недра свои приснопамятный прах родшего тя!

Каждый, воспомянувый князя Потемкина, воспомянет о тебе и, воспомянувый о тебе, воспомянет о князе Потемкине. В Херсонисе, в Херсонисе почил Российский Ахиллес, и сии два имена — Херсонис Таврический и Потемкин-Таврический — останутся навеки в нераздельном союзе. Князь будет вечною славою тебе, а ты будешь вечною славою и памятником князю!

Херсонские епархиальные ведомости. № 1 (1-го января 1861 года). Одесса. С. 63–64. Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1875. Т. 9. С. 391–392.

АКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СКЛЕПА ПОТЕМКИНА,

проведенного 26 августа 1874 года комиссией,

командированной инженерным ведомством Одесского военного округа

В состав комиссии входили начальник Херсонской инженерной дистанции полковник Э.Г. Брунст, священник собора Алексей Черняговский, инженер-подполковник В.И. Журавский, уполномоченный от Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич и др.

Во исполнение распоряжения инженерного ведомства Одесского военного округа касательно поддержания надгробных памятников, расположенных около Херсонской крепостной церкви и положения над местом погребения фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, во внимание его государственных заслуг, доски с надлежащею надписью, окруженной решеткою, и с благословения архиепископа Херсонского и Одесского положили: приступить прежде всего к положению надгробной доски с надписью и гербом по рисунку, одобренному Императорским Одесским обществом истории и древностей, и затем привести в надлежащий исправный вид, строго придерживая первоначального типа, остальные надгробные памятники, по мере ассигнуемых на то средств, пополнив недостающие на них подписи по указаниям и рисунку того же Общества. Приступая к исполнению работ по положению надгробной плиты над местом погребения князя Потемкина, прежде нужно определить точное место склепа и удостовериться в прочности свода над оным, почему явилась необходимость вскрыть часть деревянного пола во храме на месте, приблизительно указываемом старожилами.

По вскрытии пяти половых досок оказалось, что обнаружившийся свод склепа, сложенный из кирпича, проломан в двух местах, одно отверстие небольшой величины, посредине заделанное насухо камень-

ями, а другое — почти во всю ширину склепа — закрыто кусками старых досок. По снятии последних с целью исправления свода, обнаружилась внутренность склепа, частью засыпанного землею и в коем были видны разбросанные части сгнившего деревянного и свинцового гробов с кусками истлевшей материи и розового шитья (мундирного) и позументов (гробовых), а также человеческими костями; тут же лежал простой деревянный с выдвижною доскою маленький ящик, в котором находились цельный череп с выпиленной с задней стороны треугольною частью, наполненный массой для бальзамирования с несколькими клочками темно-русых волос на затылке, и несколько других костей. И череп, и кости по наружному своему виду показывали относительную ветхость. Тут же найден небольшой железный лом. Ввиду такого неприличия, несвойственного благочестию и памяти к бренным останкам светлейшего князя Потемкина-Таврического, мы положили: собрать все останки и уложить их во вновь сделанный свинцовый ящик, исправить склеп, заделав проломанные в своде его отверстия и обозначив в точности место его положения на полу для установки надгробной плиты, впредь до изготовления ее настлать вновь пол досками. Найденные в склепе куски золотого позумента, серебряные гробовые скобы и три шитые канителью орденские звезды первой степени — св. Андрея Первозванного, равноапостольного князя Владимира и великомученика Георгия Победоносца — решили положить в особый ящик, запечатав и передав на сохранение для памяти в ризницу крепостного собора впредь до особого о нем распоряжения.

Херсон, 27-го Августа 1874 года.

Мурзакевич Н. О надгробных памятниках Херсонской крепостной церкви // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1875. Т. 9. С. 395–396.

А.В. СУВОРОВ: НОВЫЕ ФАКТЫ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

А.В. СУВОРОВ И РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Н.В. Бабилунга

Как известно, А.В. Суворов начал свою службу в армии несколько иначе, чем другие дворяне, которые к пятнадцати-двадцати годам становились офицерами и даже генералами. Суворов узнал солдатскую жизнь на собственном опыте, прослужив до первого офицерского чина несколько лет, а потому знал и все трудности, солдатские беды и чаяния, хитрости и боли простого человека, солдата, крестьянского сына. Его беседы с солдатами всегда отличались простотой, ясностью, а его лаконичные поучения из «Науки побеждать», письменных реляции и устных приказов вошли в многовековую сокровищницу русского военного фольклора «Голова хвоста не ждет», «Пуля—дура, а штык—молодец: береги пулю на случай, когда несколько неприятелей наскочат», «Быстрота, глазомер и натиск», «В дома не забегать, неприятеля, просящего пощады, щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать, малолетних не трогать», «Стреляй редко, да метко — штыком коли крепко».

А.В. Суворов был глубоко набожным человеком: соблюдал все православные посты, усердно клал земные поклоны и молился Богу. Когда жители Милана с восторгом принимали суворовских богатырей, на них особенно большое впечатление произвели казаки, которых итальянцы видели впервые. Особенно их удивило то, что встречаясь друг с другом, русские целовались, христосовались (дело было на Пасху), и миланцы с удовольствием переняли этот русский обычай. А.В. Суворов воспитывал солдат в искренней и твердой православной вере, в которой он видел все: и залог побед русского оружия, и усердное служение своему Отечеству, и вселенскую справедливость того дела, которому он преданно служил.

В «Науке побеждать» А.В. Суворов учил своих подчиненных: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, справедливу,

благочестиву! Молись Богу! От него победа! Чудо-Богатыри! Бог нас водит, — он нам генерал! — за немогузнайку офицеру арест, штаб-офицеру от старшего штаб-офицеру арест квартерный. Ученье — свет, неученье — тьма! Дело мастера боится, и крестьянин если не умеет сохою владеть, хлеб не родится! За ученого трех неученых дают. Нам мало трех! Давай нам шесть! Давай нам десять на одного!»

Обратим внимание на те качества, которые А.В. Суворов специально выделил как главные черты русского воина. Помимо здоровья, храбрости, твердости и решимости, которых вероятно, требует командование любой армии от своих солдат, мы встречаем еще два — справедливость и благочестие. Так ли уж они важны для успеха в бою?

Эти качества, совершенно бесполезные с точки зрения, например, таких военачальников, как Дарий, Цезарь, Чингисхан, Евгений Савойский или Наполеон Бонапарт, Сулейман или Людендорф, приобретали совсем другое звучание, если «Бог нас водит, он нам Генерал!» Видимо, отсюда и знаменитое суворовское: «Мы — русские, с нами Бог!» Откуда же эта уверенность и что понимать под этими словами? Нет ли в них чувства некоего превосходства над своим противником, национального чванства? Думается, ответ на эти вопросы можно найти внутри самой русской национальной идеи в том понимании, в каком ее рассматривали лучшие умы России.

Начнем с того, что национальная идея есть у каждого народа. Для американцев это «американская мечта», символ личного успеха любой ценой, индивидуального триумфа, основанного на прагматизме, на точном учете затрат и выгоды. Для евреев воссоздание древней иудейской государственности на Сионе, земле обетованной для единоверцев со всего мира. Для греков — возрождение античного величия Греции, воссоздание блеска и влияния Восточной Римской империи — Византии. Для румын — объединение всех восточно-романских этносов (именуемых ими «румынами») от Балкан и Карпат до Южного Буга и Дона в мифическом «румынском пространстве». Для молдаван — сохранение самобытности и молдавской государственности вопреки мощному натиску румынизма. Мы найдем национальные устремления у немцев и французов, у англичан и болгар, у испанцев и поляков, у итальянцев и португальцев.

Есть своя национальная идея и у русских. Термин «русская идея» появился в конце XIX в. и занимал умы таких выдающихся личностей, как Ф.М. Достоевский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, а еще ранее — А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Я. Чаадаев, Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, В.Г. Белинский, А.А. Григорьев и др.

Русская идея зародилась вместе с началами русской государственности. Начиная с Нестора и «Повести временных лет», с момента призвания варягов на Русь править («страна наша велика и обильна, а порядка в ней нет»), Россия выступает в качестве державы полиэтничной, при этом, все названные в летописи народы, проживавшие на Руси, упомянуты в качестве равноправных: и финны, и славяне, и другие («Реша чюдь, и словени, и кривичи, и вси»).

Принятие христианства полностью соответствовало исторически сложившемуся характеру народа и взаимоотношениям славян с проживавшими с ними рядом финскими племенами и всевозможными кочевниками — тюрками, половцами, берендеями и др., военные столкновения с которыми, конечно же, могли иметь место, но вряд ли носили непримиримо антагонистический характер борьбы за полное подчинение или уничтожение. Русские вместе со своими соседями создавали государственность на началах равноправия, что полностью соответствовало евангельскому принципу «нет эллина, нет иудея». Так уже в первые века существования православной Руси была сформулирована и принята в качестве незыблемой истины строящегося государства идея равенства всех народов.

Наиболее полный и законченный вид она приняла во времена киевского князя Ярослава Мудрого, когда главой церкви на Руси стал русский митрополит Илларион (до этого времени, т. е. до середины XI в., церковью руководили греки из Константинополя). Первый киевский митрополит из русских людей около 1051 г. создал блестящее произведение — «Слово о законе и благодати» — одно из великих творений древнерусской мысли, которое, по словам академика Д.С. Лихачева, «по теме обращено к будущему России, а по совершенству формы и в самом деле как бы предвосхищает это будущее». Сказать, что в этой книге утверждается идея равенства всех народов, хотя и само по себе это значительно для средневековой эпохи, слишком мало. Молясь за русскую землю и народ, которой никогда не будет покорен чужеземцами, митрополит Илларион противопоставляет две идеи: принцип закона, данного людям одного народа в качестве не истины, а лишь «тени истины», и принцип благодати, данной не одному, а всем народам, и каждый из них может ее принять в своем свободном выборе.

По мнению Иллариона, «закон» есть «Ветхий завет», данный одному, богоизбранному народу, который изначально превосходит все другие. Это означает рабство. Благодать же в качестве «Нового завета» предоставлена всем народам и основана на равноправии и

справедливости. И если в отношении закона человек является рабом, то в отношении такого щедрого дара, как благодать, — сыном. Благодать является истиной, принять ее или отвергнуть — дело каждого народа. В этих рассуждениях мы видим уже не просто христианское сознание, а типично русское, особенно когда Илларион провозглашает, что человечеству в законе тесно, а в благодати просторно...

Так уже в первые десятилетия русской государственности формировалась мысль о равенстве всех народов, которая базировалась на гуманизме Нового завета, его благодати и правде. Одновременно высоко оценивались деяния князей, прославивших русскую землю в других странах, разрабатывалась идея защиты отечества и соотечественников. В последующие исторические эпохи русская идея приращивалась и развивалась из этих двух корней. С одной стороны, *равенство* всех народов, возможность жить всем по правде, воспользоваться божьей свободой и благодатью. С другой стороны, *державность*, т. е. умение защитить справедливость, установить равенство и поддерживать всеми силами государства правосудие и братство в обществе. Оба корня имеют различную почву. Остановимся вкратце на их происхождении.

Один корень русской идеи — державность. Он рос как бы сверху, пришел из великокняжеского двора и от монахов-интеллектуалов XV—XVI вв. (Зосимы, Филофея и др.). Теория «Москва — третий Рим» (два Рима пали, а третий стоит и четвертому не бывать) утверждала идею преемственности ведущей роли русского православного государства в христианском мире после того, как эта роль была утрачена Римом (Западной Римской империей) и Константинополем (Византийской империей).

Другой корень — справедливость, равенство. Он шел уже не сверху, а снизу, из гущи русского народа. Это желание жить по правде, а не по лжи. Именно об этом желании говорил Ф.М. Достоевский: «Для русских характерно стремление к справедливости, жажда справедливости». Отмечая, что русские в глубине души своей склонны «к всемирной отзывчивости и к всепримирению», Ф.М. Достоевский пришел к выводу о том, что «стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только разумно в основании своем, но и народно, совпадало вполне со стремлениями самого духа народного». Именно эта всепобеждающая жажда дала основание Н.А. Бердяеву говорить, что русская идея не рациональна, она имеет этический характер.

Действительно, жить по правде — это явно не «американская мечта» с ее прагматизмом, культом полезности, выгоды, индивидуализ-

ма. Она абсолютно не вписывается в западноевропейское самосознание и самоощущение себя в исторической протяженности. Отмечая в своей «Философии истории», что западный («германский») дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, немецкий философ Г. Гегель относился ко всему «внешнему», т. е. находящемуся вне пределов западного мира — Восточной Римской империи, Китаю, Индии, Америке, России, лишь как к объекту приложения сил субъекта, того самого западного духа, который должен был возродить мир, «свободный, самостоятельный, абсолютное своенравие субъективности». Россия же, как известно, никогда не воспринимала Византию, Китай, Восток в целом, как впрочем и Запад, в качестве объекта абсолютного своенравия своей субъективности. Это не вписывалось ни в русский характер, ни в православное понимание благодати и христианской свободы воли, ни в устремление самого духа народного, о котором столько размышляли духовные отцы нации.

Две составляющие русской идеи — жить по правде и защита державности — могут находиться в единстве и гармонии, но могут и конфликтовать между собой, знаменуя страшные потрясения, бедствия и катастрофы в истории русского народа, который воспринимал их как заслуженное наказание божье за неправедную жизнь.

В Смутное время после многочисленных встрясок Руси Иваном Грозным в условиях разложения правящей элиты страны народ не защищал свою державу. В большинстве случаев русские молчаливо наблюдали, как их землю топчут татары, поляки, литовцы и прочие иноземцы, наемники, авантюристы. Сознание народа отражало эту драму так: Москва занята католиками и прочими пришельцами, потому что жили не по правде. В этой обстановке вакханалии лжедимитриев идея служения Отечеству не могла слиться с идеей справедливости и составить в народном сознании абсолютно нетленную ценность неразрывного единства державности и правды.

Кстати, и Борис Годунов был, несомненно, выдающимся, хоть и несчастливым политиком. Несмотря на все его усилия, он не смог предотвратить катастрофу, а ведь он первым из русских царей задолго до Петра I обратил свои взоры на Запад. Пробивать «окно в Европу» при Борисе Годунове отправились в Англию, Голландию и другие страны около 20 молодых людей. Не вернулся ни один!

Почему же Петру I эта задача далась легко? Потому, что он подчинил ее великой цели объединения России на основе русской идеи, служения Отечеству, закону и справедливости, какой не могла в те

времена представляться. Если бы не это объединяющее начало, вряд ли Россия смогла бы тогда пережить еще одну смуту, распад, интервенцию, связанные со стрелецким бунтом, церковным расколом, внешней политикой Швеции и Турции. Петр I сумел не только избежать катастрофы, но и придать стране новый импульс развития, потому что две составляющие русской идеи – справедливость и державность – при нем находились в минимальном конфликте. Борису Годунову не повезло: степень конфликтности этих составляющих русской идеи была максимальной. Весь XVIII век прошел для России под знаком служения Отечеству, освобождения исконно русских земель от иноземного засилия, помощи единоверным народам Балкан, Кавказа в избавлении от османского ига. В российской армии и в среде российских полководцев не могло возникнуть трагического конфликта из-за несоответствия и непропорциональности принципов державности и справедливости. Знаменитое суворовское «Мы – русские, с нами Бог!» воспринималось вполне гармонично и адекватно всеми: и солдатами, и правительством, и обществом, и освобождаемыми народами. Русская армия во главе с непобедимым А.В. Суворовым несла народам благодать.

Хотелось бы остановиться на некоторых важных моментах из истории русской идеи, без которых эта тема может выглядеть незавершенной. Прежде всего это касается дальнейшей эволюции русской идеи в XIX и XX вв. В XIX в. духовную программу самодержавия принялся разрабатывать историк Н.М. Карамзин, уделявший, по выражению А.С. Пушкина, большое внимание «прелестям кнута» и необходимости самовластия. Президент Академии наук, министр народного просвещения граф С.С. Уваров талантливо сформулировал всю программу тремя словами: «Самодержавие. Православие. Народность».

Однако теория «официальной народности», в которой совершенно механически скреплялись воедино главные элементы русской идеи исключительно в монархическом их оформлении, получила полную поддержку разве только в правительстве и в наиболее консервативных кругах общества. Она подверглась острой критике со стороны либералов и левых радикалов. Первым выступил философ П.Я. Чаадаев, который основывался не только на антикрепостнических позициях, но и на антирусских (именно так он был воспринят многими современниками). Признавая вместе с Г. Гегелем, что все человеческие племена существуют как бы с соизволения Европы, П.Я. Чаадаев заявлял, что нам следовало бы быть католиками. При этом он подчеркивал, что «России выпала величественная задача осуществить

раньше всех других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней не затронутым людскими страстями и земными интересами». Затем в «Антологии сумасшествия» он говорил, что русские пришли в мир позже, чтобы сделать лучше.

Особенно бурно русская национальная идея обсуждалась в спорах западников и славянофилов середины XIX в. Славянофилы были в большей степени склонны изучать феномен русской идеи, делая упор на уникальность России, западники почти не выдвигали оригинальных идей, ограничиваясь критикой отсталости страны и необходимостью поскорее скопировать все, что к тому времени было на Западе. В стороне от тех и других стоял русский философ Константин Леонтьев, в книге которого «Россия, Восток и славянство» идее славянофильства противопоставлялась идея византизма. Последняя включала не только православие и славянство, но по существу являлась наднациональной идеей. Доказывая, что союз России с Западом несет России только разрушение, К. Леонтьев выступал за союз России с Востоком, в котором держава будет лидерствовать и вести за собой весь Восток. Эти же идеи поддерживал В.С. Соловьев, их развивали и другие мыслители.

Большинство исследователей, к какой бы школе они себя ни относили, разделяли полностью или с оговорками мысль о несомненной и явной наднациональности русской идеи. Это русское своеобразие достаточно ясно сформулировал еще В.Г. Белинский в середине XIX в.: «Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей, и давно уже дала и цвет, и плод... Известно, что французы, англичане, немцы так национальны каждый по-своему, что не в состоянии понимать друг друга, тогда как русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца. Одни видят в этом наше превосходство перед всеми другими народами; другие выводят из этого весьма печальные заключения о бесхарактерности, которую воспитала в нас реформа Петра; ибо, говорят они, у кого нет своей жизни, тому легко подделываться под чужую, у кого нет своих интересов, тому легко понимать чужие... В последнем мнении много правды, но не совсем лишено истины и первое мнение, как ни заносчиво оно...». Спустя несколько десятилетий Ф.М. Достоевский, отметив, что он не пытается «равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной», говорил все же вслед за В.Г. Белинским: «Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее

способны из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения... Это нравственная черта, и может ли кто отрицать или оспорить, что ее нет в народе русском?».

При этом Ф.М. Достоевский, как и многие другие мыслители России, не рассматривал всечеловечность ее национальной идеи в виде повода для безудержного самовосхваления («Вся история народа нашего есть абсурд», — писал он). Однако Ф.М. Достоевский был убежден в полной естественности и органичности этого своеобразия русского менталитета для народа, усматривая абсурдность как раз в желании образованных классов общества отвратить народ от его истоков: «Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же заставим его нюхнуть Европы, тотчас же начнем его обольщать Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, — словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен, и хотя бы из них есть несколько прекрасных и музыкальных, но мы все-таки заставим его петь рифмованный водевиль».

Таких проблем во времена А.В. Суворова возникнуть не могло. «Мы — русские, с нами Бог!» — этого было достаточно для объяснения всего сущего, прошлого и будущего. Солдатско-крестьянское сознание суворовских чудо-богатырей не требовало многословных рассуждений о своеобразии русского пути, об истоках Великой Французской революции, о национальных надеждах Барской конфедерации в Польше, о геополитических устремлениях турецкого султана в Северном Причерноморье, о наполеоновских планах перекройки Европы и проч. Русская национальная идея во всей своей наднациональности органично вписывалась в менталитет русского народа и не требовала никаких дополнительных разъяснений.

Положение изменилось коренным образом во второй половине XIX в., когда наднациональность русской идеи неожиданно получила мощную питательную среду. Древнее и естественное для русского народа желание жить по правде стало для российской интеллигенции сигналом к распространению в народных глубинах западных идей социального равенства и справедливости. Русские народники, революционеры-разночинцы посчитали, что теория социализма и коммунизма, успешно разрабатываемая в промышленных столицах Запада, является исконно присущей для России и для русского самосознания.

Идея социализма (как идея наднациональная, надрелигиозная и строго социальная) стала в русской идее важнейшим составляющим элементом, вытеснив вглубь народного сознания стремление жить по

правде и справедливости. Произошло замещение чисто русского стремления жить по правде рожденной на Западе теорией социализма, которая как бы указывала практический путь для реализации исконно древнего стремления к справедливости.

С другой стороны, теория официальной народности, которая питала разумные основы сохранения самодержавной монархии в неприкасаемом виде, ни в коей мере не могла конкурировать с социалистическими доктринами. Последние, как это ни парадоксально, более соответствовали русской ментальности и сложившимся реалиям. В конце XIX в. в России русские составляли 43% населения, хотя все они являлись православными. Кроме них в стране проживали мусульмане, католики, иудеи, ламаисты и др., поэтому не жесткая установка на бесконкурентное господство православия в самодержавной стране, а скорее присущий социалистическому сознанию интернационализм вполне органично вписывался в присущую русскому народу космическую идеологию, всеобъятность русского самосознания, русской национальной идеи.

В этой связи можно считать, что победа большевистской революции в октябре 1917 г. не являлась случайностью, а тем более плодом злых козней темных сил. Не случайностью было и то, что на выборах в Учредительное собрание России за социалистические партии проголосовало 80% избирателей страны (в данном случае совершенно не важно, что большевики вместе с левыми эсерами скоро разогнали «учредилку»). Важно то, что в России в очередной раз повторилась ситуация, характерная для Смутного времени: идея служения Отечеству не могла переплестись с идеей всеобщей справедливости, поскольку народ был убежден, что вся страна живет не по правде. Конфликт между двумя главными элементами русской национальной идеи вновь привел к распаду государства, можно сказать, к гибели старой России, чуждой народным низам.

Трагедия династии Романовых, в частности окружения и семьи Николая II, заключалась в том, что державность, которую они защищали, не могла более гармонировать с народным стремлением к правде, с пониманием справедливости. Знаковым моментом в этом противоречии стал расстрел мирных жителей столицы 9 января 1905 г., но империя, по-видимому, и без того была уже обречена и неслась к пропасти неудержимо. Большевики лишь ускорили конец агонии.

Характерно и то, что большевики вместе с другими социалистами сравнительно легко разрушили тысячелетнюю монархию и свергли трехсотлетнюю династию Романовых. Также быстро они сумели и

объединить страну лозунгом «Социалистическое отечество в опасности!», и одержать победу в гражданской войне. Как только два главнейших элемента русской идеи — державность и справедливость — вновь вошли в режим бесконфликтного и гармоничного взаимодействия, закончилась смута гражданской бойни, а Отечество было восстановлено почти в тех же границах, что и в 1917 г.

Случаен ли этот факт? Думается, что нет. Пожалуй, и вся последующая история России и ее неотъемлемой части — Приднестровья — доказывает это с очевидностью. Нет смысла говорить о том, что после революции марксизм в Советском Союзе как революционная теория был фактически разгромлен и заменен набором достаточно примитивных и не отражающих новых реалий догматических схем и формул, очень далеких от всего прошедшего периода нравственных и философских исканий предыдущих эпох. Несмотря на это, русская национальная идея продолжала волновать умы современников, бывших соотечественников, оказавшихся за рубежом — Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина, Г.П. Федотова и др. Они много рассуждали о насилии в России как об исторической данности и закономерности (даже Петра I называли большевиком на троне), о приверженности русских ко всякой иностранщине, об изначально присущему русскому человеку чувству общинности, об идее социализма, выросшей из сострадательности русского народа и пр.

И все-таки важнее подчеркнуть другое: в той русской идее, которую на протяжении многих веков исповедует русский народ, нет места чисто национальным мотивам. Об этом Н.А. Бердяев сказал так: «Россия стоит в центре Востока и Запада, она — Востоко-Запад. Россия — величайшая империя. Но именно поэтому ей чужд империализм в английском или германском смысле слова. У нас, русских, нет великоимперских стремлений, потому что великая Империя — наша данность, а не задание... Миссия России — защита и освобождение маленьких народов». Именно поэтому все современные попытки разжечь национальные мотивы в русской идее, а тем более насаждать национал-социалистские постулаты и псевдорусскую полуфашистскую символику, являются просто примитивной провокацией, направленной против самих русских.

В период новой смуты в конце 80-х гг. XX в. на обломках разваливающегося Советского Союза пышным цветом расцветали полуфеодальные-полунацистские режимы, вскормленные интеллигенцией «титульных» наций на антирусских, антиславянских доктринах. В отличие от этой фанатичной иррациональной ненависти ко всему рус-

скому национальная идея русских не разделяет людей по нациям, сословиям, классам, кастам. Их существование не отрицается, но им предлагается принять русскую идею в качестве благодати, чтобы объединиться для совместного стремления к справедливости и служения общему Отечеству во имя интересов всех и каждого. Всеобщность и гуманизм русской идеи продолжают сохраняться в широких пластах русского и других народов, несмотря на все усилия их недоброжелателей.

Объединение народов для совместного справедливого проживания не может мыслиться в виде Британской империи с ее колониями и метрополией; теперь она не может быть представлена и «советской империей» (колонией наоборот, когда национальные окраины высасывали все соки из донора-метрополии). Объединение на справедливой основе в любом случае предполагает сильную государственность. Без державности не может быть реализована мечта о жизни по правде и о вселенской справедливости. Без державности русский народ теряет историческую перспективу и, лишенный русской идеи либо составляющей ее части, может превратиться просто в неуправляемую толпу «новых русских». Без державности малые нации, тяготеющие к России, но лишенные ее поддержки и защиты, будут обречены на скорую гибель.

В данном контексте рельефнее видна роль суворовского отношения к рассматриваемой нами проблеме. В принципиальном плане с XVIII в. мало что изменилось: любые надежды на свободную, цивилизованную, справедливую, достойную человеческую жизнь можно связывать только с сильной и процветающей российской державностью. Освобождение приднестровских земель в конце XVIII в. от иноземного владычества и строительство крепости на Днестре для защиты местного населения стало для него практическим воплощением знаменитой суворовской формулы. Понятно, почему именно А.В. Суворов является для приднестровцев олицетворением защиты от беззаконий, персонифицированным воплощением правды и державности. С именем русского полководца связана сама русская идея, которая продолжает играть важную роль в политике, экономике, культуре и повседневной жизни Приднестровья.

Приднестровская государственность прошла трудный и тернистый путь. Она естественным образом базируется на российской державности и русском желании справедливого мироустройства. После распада СССР и провозглашения парламентом Молдовы своего государства оккупированной румынской провинцией народ Приднестровья, который

никогда в истории не являлся частью средневекового Молдавского княжества или Бессарабии нового времени, начал процесс политического самоопределения и создал свою Приднестровскую Молдавскую Республику. Несмотря на экономическую, финансовую, информационную блокаду недругов ПМР, на военную агрессию со стороны Молдовы и братоубийственную бойню 1992 г., можно уверенно говорить об отсутствии в Приднестровье межнациональных конфликтов и разногласий.

В немалой степени это связано с менталитетом нашего народа, который вполне укладывается в рамки русской национальной идеи, даже базируется на ней. Основным фактором политической стабильности и межнационального мира в ПМР является принцип абсолютного приоритета прав человека над правами нации, класса, религии или партии, а это само по себе уже исключает конституирование каких-либо привилегированных слоев и положительно взаимодействует с постулатами русской идеи.

Русская идея всеобщей справедливости в едином отечестве не допускает разделения граждан на «коренных», «мигрантов», «оккупантов», «манкуртов», «пришельцев» и прочие кастовые дробилки, что с таким болезненным удовольствием осуществляют власти в республиках Прибалтики, Средней Азии, в Молдове и на Кавказе. Отказ от русской идеи бывших «республик-сестер» является одним из важнейших факторов, порождающих кровопролитные межэтнические конфликты и гражданские войны. Новая смута принесла народам бывшего СССР кровь, слезы, горе и трагедии. Вселенский размах этой смуты пока неисчерпаем и конца бедам не видать. Во всей полноте их оценят только наши потомки.

Нашему же поколению остается лишь попытаться исправить то, что в хмельной горячке наворотили бездарные и лживые политики. Воссоздание единой державы на справедливой основе, то есть реализация русской идеи в ее полном варианте и в кратчайшие сроки, — это есть единственный путь спасения всех и каждого из нас. Основное бремя решения этой задачи ложится прежде всего на русский народ.

Пусть же он возвращается на путь правды и державности, вдохновляясь суворовским призывом: «Мы — русские, с нами Бог!»

А.В. СУВОРОВ ВНЕ ВОЙН И СРАЖЕНИЙ

О.П. Панкова

Когда мы говорим о деятельности великого А.В. Суворова, то обязательно стремимся подчеркнуть, что он был великим практиком военного дела, новатором в стратегии и тактике, создателем новой системы воспитания войск, и редко касаемся его человеческих и нравственных качеств. На наш взгляд, важно представить А.В. Суворова не только как великого полководца, но и как простого живого человека.

А.В. Суворов был прав, когда писал своему боевому офицеру Е.Г. Цукато, что «всегда найдутся свидетели истины», которые не позволят исказить его «жизнь, столь открытую и известную»[1]. К этим свидетелям, в первую очередь, относятся те, которые оставил нам о себе Александр Васильевич, — это его письма, документы, а также воспоминания современников.

Эти «неложные свидетели истины» раскрывают перед нами прежде всего человека обширного ума и европейской образованности. Е.Б. Фукс, один из первых биографов-современников А.В. Суворова, называл его «чудом образованности»[2]. А.В. Суворов действительно учился всю свою жизнь.

Среди военных наук, интересовавших его более всего, не было такой, о какой бы он не был осведомлен. Особенно высоко он ценил военную историю. Еще будучи юношей, блестяще изучил деяния и походы великих полководцев древности и более поздних эпох, а впоследствии в известных наставлениях своему крестнику А. Карачаю писал: «Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благоразумием в своих военных действиях»[3].

Его эрудиция была такой же изумительной и во многих общеобразовательных науках. Например, Е.Б. Фукс приводил свидетельства об увлечении А.В. Суворова древней и новой историей[4], а его письма показывают, что он прекрасно знал философию, древнерусскую и современную ему литературу, цитировал М. Сервантеса, Ж.-Б. Мольера, М.В. Ломоносова, Ш. Монтескье, Ж. Лафонтена и Г. Филдинга, рассуждал о Ф. Вольтере и Ж.-Ж. Руссо.

А.В. Суворов особо выделял талант Г.Р. Державина. «Песни Ваши, — писал он поэту, — как важностию предмета, равно и красотою искусства возгремят в наипозднейших временах, пленяя сердце...

душу... разум»[5]. Уважительно отзывался о творчестве поэта и переводчика Е.И. Кострова.

А.В. Суворов внимательно следил и за периодической печатью, был подписчиком целого ряда русских, французских, немецких, польских газет и журналов. Например, он получал Французский малый журнал «Энциклопедик Дебульон», расценивавшийся Ф. Вольтером как «первый по достоинству из числа 173 журналов, которые ежедневно появлялись в Европе»[6].

А.В. Суворов отличался не только страстью к чтению, но и расположением к литературному творчеству. Его слова о том, что он стал бы писателем, если бы не стал полководцем, относятся, пожалуй, к единственному устному свидетельству[7]. Сам же А.В. Суворов писал, что «он чужд иных дарований, кроме военных»[8]. Однако писать он любил и оставил богатое эпистолярное наследие. Особое место в нем занимают его письма, которые являются замечательным литературным памятником своего времени. Именно они помогают глубже понять духовный облик полководца. Сохранилось около половины написанных им писем, а это более двух тысяч.

Письма А.В. Суворова показывают, что он свободно писал по-французски и по-немецки, а также знал латынь, польский, итальянский и турецкий языки, но большинство писем написано на русском языке. Язык суворовских писем очень своеобразен и выразителен: полон иносказательных намеков, афоризмов, эпитетов, метафор, насыщен пословицами, поговорками, а также словами иностранного происхождения. Даже официальные донесения писаны ярким образным слогом, но в отличие от писем были очень лаконичными.

Свои письма А.В. Суворов писал сразу, «...почти никогда написанного не переменял и не поправлял»[9], как сообщал его биограф-современник Ф. Антинг. Чаще всего он писал так, как говорил. Это придает особую ценность его письмам, поскольку они доносят до нас живую речь полководца. Почувствовать могучую силу этой устной речи помогает и знаменитая «Наука побеждать», особенно ее вторая и главная часть «Разговор с солдатами их языком», которую можно смело назвать литературным шедевром своего времени.

Завершая краткий обзор литературных способностей А.В. Суворова, следует сказать и о его любви к изящной словесности. Все его стихотворения, а их более тридцати, входят в письма или сами являются письмами. Он писал стихами, когда был особенно счастлив или грустен. По содержанию они интересны, а вот рифмы выглядят неуклюже. К чести А.В. Суворова нужно заметить, что он и сам это

отлично понимал. Обладая природным юмором и саркастическим складом ума, он выражал свои чувства по разным поводам в форме эпиграмм, которые гораздо лучше удавались ему, нежели стихи.

А.В. Суворов любил народную и инструментальную музыку, но особенно ему нравилась церковная. В связи с этим следует сказать о том, что весьма важную роль в образовании А.В. Суворова сыграло серьезное изучение Библии.

А.В. Суворов.
Неизвестный художник, 1799 г.

Всю жизнь он был очень набожным и благочестивым человеком, «почитал и любил Бога нелицемерно»[10], регулярно прибегал к церковным таинствам, также, как и любое сражение, начинал и заканчивал день молитвами. Он составил молитвенник и краткий катехизис для нижних чинов и учил их молитвам. «В результате солдаты догадывались и познавали, что во всех делах Бог с ними и устремлялись к честности»[11], — писал А.В. Суворов.

Очень ревностно относился полководец к церковной службе. Живя в имении, он каждый день молился за утреней и обедней, во время службы сам читал «Апостол» и пел на клиросе в хоре. Церкви были его постоянной заботой. В письме к новгородскому помещику Р.Я. Качалову он писал: «Я и всех своих оброков на этот предмет нимало не жалею»[12].

Перед кончиной А.В. Суворов сказал: «Долго гонялся я за славой. Все мечта! Покой души у престола Всемогущего»[13]. В это время он написал «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу».

Наряду с благочестием для А.В. Суворова было характерно высокое чувство долга верноподданного, ставившего имя Царя рядом с именем Господа Бога. «Родство и свойство мое с долгом моим: Бог, Государь, Отечество»[14], — писал он Д.И. Хвостову. А.В. Суворов искренне любил свой народ и свое Отечество. Многие письма полководца проникнуты чувством патриотизма и гражданственности. «Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей»[15], — писал он А.И. Бибикову.

Часто недоброжелатели упрекали А.В. Суворова в честолюбии. Да, он знал себе цену, постоянно сравнивал себя с полководцами Древней Греции, любил награды и был убежден, что подвиги должны быть оценены по достоинству. «Чулки спустились»[16], — писал он графу Ф.В. Ростопчину, намекая на желание получить английский орден Подвязки, который носили в виде банта ниже колена. Требуя признания своих заслуг, А.В. Суворов говорил: «Титлы мне не для меня, но для публики потребны»[17]. В этом полководец видел «источник ободрения другим»[18]. При этом честолюбие А.В. Суворова никогда не доходило до болезненности и не заставляло его для достижения желаемого совершать неблаговидные поступки. Все свои высокие награды он получал исключительно за боевые подвиги и гордо говорил: «Все степени до сего брал без фавора»[19].

Многие же другие добивались высоких званий и чинов благодаря угодничеству и лести. В одном из писем к П.И. Турчанинову полководец с горечью вопрошал: «Часто розовые каблуки преимуществовать будут над мозгом в голове, ...тонкая лесть — над простодушным зрелого духа?»[20]. Поэтому, наверное, всю свою жизнь Александр Васильевич с глубокой антипатией относился к придворным. Их лавирование между законом и совестью претило ему. «Для двора потребны три качества — смелость, гибкость и вероломство»[21], — писал он Д.И. Хвостову. Не обладая ни одним из них, А.В. Суворов так и не смог научиться придворному этикету. Недаром он с горечью говорил, что в домашней жизни бывал ранен гораздо больше, чем на войне, а при дворе еще чаще, чем дома.[22] В силу необходимости он вынужден был вооружиться сарказмом и сатирой и щедро расплачивался ими при дворе за наносимые ему удары. Своим товарищам по Швейцарскому походу А.В. Суворов признавался: «Я бы бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду»[23].

Среди особенностей А.В. Суворова видное место занимали его странности и причуды, составившие ему репутацию чудака. Те, кто знал полководца близко, умели отделить их от присущих ему высоких и редких достоинств.

На образе жизни А.В. Суворова не могло не отразиться и то печальное обстоятельство, что не сложилась у него хорошая, крепкая семья. Писем к его супруге, Варваре Ивановне, к сожалению, не сохранилось. Однако по редким отрывкам в его переписке видно, как он был привязан к ней в первые годы супружества и как тяжело переживал ее неверность.

А.В. Суворов долго не признавал сына своим и всю любовь перенес на дочь. В письмах к Наташе он постоянно делился с ней известиями о своих боевых делах, давал дочери много разных наставлений. Нередко в них ощущалась грусть и затаенная нежность: «Знай, что ты мне мила, полетел бы в Смольный на тебя посмотреть, да крыльев нет»[24]. Эти строки, как нельзя лучше, подтверждают, что сердце полководца не зачерствело среди ужасов войны.

Нежный отец Наташи, А.В. Суворов был родным отцом и для солдат. Его система обучения и воспитания войск основывались на уважении к солдату, в котором он видел прежде всего человека. В этом отношении А.В. Суворов смог подняться над сословными предрассудками своего класса, оставаясь богатым помещиком и приверженцем монархического строя. Из-за условий своей жизни и службы А.В. Суворов никогда не был помещиком в настоящем смысле. Однако он пытался придать своим хозяйственным делам верное направление. Его имения были разбросаны по Московской губернии, а также Владимирскому, Костромскому, Пензенскому и Новгородскому наместничествам. В 1795 г. к этим имениям прибавилось еще одно — в Литовской губернии. Если учесть, что всего лишь несколько лет А.В. Суворову удалось прожить в этих вотчинах, обобщить все его распоряжения, то следует признать, что помещиком он был неплохим.

Он заботился о плодородии земель, о создании запасных, «хлебных магазейнов»[25], в случае неурожая. Своих крестьян он перевел с барщины на оброк, постановил для всех имений обязательным правилом — своих людей в рекруты не отдавать, а покупать со стороны, «ибо тогда семьи не безлюдствуют, дома не разоряются...»[26]. Он проявлял заботу о нуждающихся крестьянах. Достаточно вспомнить строки из письма, в котором А.В. Суворов пришел в ужас оттого, что у крестьянина Михаилы Иванова всего лишь одна корова[27]. Он заботился и о здоровье своих крепостных, а также помогал вдовам и солдатам-инвалидам. По этим примерам можно судить об уровне жизни суворовских крестьян и об отношениях, существовавших между ними и помещиком. Вместе с тем резолюциями А.В. Суворова были одобрены телесные наказания за нерадивость, особенно за воровство. Это являлось типичной чертой того времени, когда помещик был одновременно и судьей крепостных. К чести А.В. Суворова нужно заметить, что он никогда не злоупотреблял наказаниями в своих деревнях.

Про А.В. Суворова можно с уверенностью сказать, что он был человеком высокой нравственности, отличался редким милосердием, занимался благотворительностью, причем иногда тайно, был бескорыстен,

правдолюбив. Характерным свойством его натуры, проявляющимся во всем, была простота.

Наряду с этими качествами в характере А.В. Суворова были и слабые стороны: горячность, нетерпеливость, мнительность. Он сознавал это сам, поэтому старался умалить их значение, говоря: «Я иногда растение, не тронь меня, а иногда электрическая машина, которая при малейшем прикосновении засыплет искрами, но не убьет»[28].

Хотелось бы сказать и о суворовских привычках. В них полководец был необыкновенно скромен. Он не любил роскоши и комфорта, был трудолюбив. «Исторгните меня из праздности, – взывал он к Г.А. Потемкину из одного из своих имений, – ...в роскоши жить не могу»[29]. Всю свою жизнь А.В. Суворов вел спартанский образ жизни, был очень умерен в еде и питье. Держал себя всегда в чистоте, был, что называется, гигиенистом и шагнул далеко вперед по сравнению со своими современниками. Если доводилось быть в обществе, то был весел, охотно играл в разные игры, иногда танцевал, праздновал все торжественные дни, кроме своих именин и дней рождений.

Таким образом, изучая жизнь А.В. Суворова, его переписку, можно с уверенностью сказать, что он был совершенно искренен, когда говорил придворному художнику саксонского курфюрста И.Г. Шмидту: «...Я люблю моего ближнего, во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик; при приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим, как и теперь»[30]. Это было сказано за несколько дней до тяжелой болезни, сведшей его в могилу.

И сегодня мы чтим А.В. Суворова не только как великого полководца, но и как лучшего из русских людей.

---

[1] Суворов А.В. Письма. М., 1987. С. 290.

[2] Фукс Е.Б. История генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. М., 1811. Ч. 1. С. 76.

[3] Суворов А.В. Письма. С. 254.

[4] Фукс Е.Б. Указ. соч. С. 76

[5] Суворов А.В. Письма. С. 287.

[6] Стремоухов М.Б., Симанский П. Н. Жизнь Суворова в художественных произведениях. М., 1900. С. 175.

[7] Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 1. С. 445.

[8] Мышлавский А.З. Суворов – человек // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1901. С. 296.

[9] Пигарев К. Солдат-полководец. М., 1946. С. 87.

[10] Суворов А.В. Письма. С. 290.

[11] Петрушевский А. Указ. соч. Т. 1. С. 58.
[12] Суворов А.В. Письма. С. 175.
[13] Орлов Н.А. Суворов – представитель славянства // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. С. 324.
[14] Петрушевский А. Указ. соч. Т. 2. С. 258.
[15] Суворов А.В. Письма. С. 25.
[16] Там же. С. 350.
[17] Там же. С. 304.
[18] Пигарев К. Указ. соч. С. 25.
[19] Петрушевский А. Указ. соч. Т. 2. С. 343.
[20] Суворов А.В. Письма. С. 76.
[21] Петрушевский А. Указ. соч. Т. 2. С. 208.
[22] Там же. С. 207.
[23] Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч. 2. С. 194–195.
[24] Суворов А.В. Письма. С. 186.
[25] Там же. С. 99.
[26] Петрушевский А. Указ. соч. Т. 1. С. 271.
[27] Суворов А.В. Письма. С. 108.
[28] Петрушевский А. Указ. соч. Т. 2. С. 30.
[29] Суворов А.В. Письма. С. 100–101.
[30] Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 195.

К ВОПРОСУ О РОЛИ А.В. СУВОРОВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТИРАСПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ И ОСНОВАНИИ г. ТИРАСПОЛЬ

А.А. Мельничук

29 декабря 1791 года Турция заключила с Россией в г. Яссы мирный договор. В нем подтверждались все положения Кючук-Кайнарджийского мира, касающиеся Молдавии. К России была присоединена территория между Бугом и Днестром южнее р. Ягорлык: в третьей статье трактата, «которому основание положила мощная десница Потемкина», сказано: «Турция уступает России все пространство земли от Днепра (т. е. устье его в лимане) и Буга и Днестра, со включением Очакова. Река Днестр будет границею обеих держав, так что правый берег будет принадлежать Турции, а левый России»[1]. И хотя из-за сложной международной обстановки, характеризующейся напряженным противостоянием России, Англии и Пруссии, условия мира явно не соответствовали исходу военных действий, все же они обеспечили дальнейшее укрепление позиций России в Северном Причерноморье[2].

По указу от 26 января 1792 г. вся эта территория была включена в состав Екатеринославской губернии. Уже к середине 1792 г. на земле между Бугом и Днестром было образовано 4 уезда, которые еще не имели конкретных названий, но уездными городами стали Голта, Новые Дубоссары, Гаджибей и Очаков[3]. Позднее, в 1795 г. ввиду того, что Екатеринославская губерния чрезвычайно возросла по пространству и населению, было решено «основать новую Вознесенскую губернию.., новую губернию разделить на 12 уездов», в том числе и Тираспольский[4].

Указом императрицы Екатерины II от 27 января 1792 г. предписано было екатеринославскому губернатору М.В. Каховскому «...обозреть сию страну, разделить оную на уезды, назначить города по способностям, и о том Ей и Сенату представить»[5]. Поручение это, несмотря на все трудности, сопряженные с путешествием в крае почти необитаемом, было выполнено неукоснительно, сразу же: «...с наступлением весны пустился он в дорогу для личного обозрения Очаковской области. Ему сопутствовали инженеры, минерологи и несколько молдавских эмигрантов, желавших поселиться в России»[6].

В сентябре М.В. Каховский писал императрице: «представляю при сем генеральную картину сей новоприобретенной области с разделе-

нием ее на четыре уезда: четыре уездных карты с разделением их на участки, для отвода под населения казенные и помещичьи, и к ним ведомости об отводимых землях; планы четырем уездным городам. Уездным городам полагал я быть: первому при Дубоссарах... Построение другого... при деревне Голте... против города Ольгополя...Третьему уездному городу полагал я быть на месте разоренной крепости Очаковской... Четвертый уездный город полагается построить при средней крепости, противу устья реки Ботны. Новосозидаемая крепость будет средством к привлечению жителей в новый город при открытии в нем торговых дней и ярмарок, и через разведение жителями садов и огородов, будет выгоден для крепости»[7].

А.В. Суворов и Ф. де Волан. Линогравюра Г.З. Бронзы

«Производство сих строений» поручено было инженер-майору Ф.П. де Волану под главным руководством М.В. Каховского. По мнению Екатерины II, выраженном в рескрипте М.В. Каховскому, «Средняя крепость должна быть прежде других начата и строение их так расположить нужно, чтобы в первом еще году могли они служить убежищем и защитою»[8].

В конце сентября М.В. Каховский вслед за планами отправил в адрес кабинета Ее Императорского Величества конкретные предложения: «нужно заготовить онаго (строевого леса – **А.М.**) при открытии весны наступающего 1793 года: к Средней крепости противу устья Ботны на 43.806 рублей», необходимо заключить контракты сейчас же, чтобы подрядчики успели заготовить лес в Польше и Галиции и «при открытии весны сплавить его в новоприобретенную область»[9].

Далее 23 октября 1793 г. М.В. Каховский обратился в кабинет Е.И.В. с просьбой об издании Указа об учреждении в новоприобретенной от Порты области экспедиции строения по представленному им положению[10]. Решение последовало быстро: рескрипт Екатерины II губернатору М.В. Каховскому, поручивший Александру Васильевичу Суворову командование войсками на юге России и укрепление южной

границы, датирован 10 ноября, т. е. через 3 недели после обращения М.В. Каховского: «возлагаем на Вас... все предположенные для безопасности тамошних границ и опробованные нами по проектам инженер-майора де Волана в разных местах укрепления немедленно привесть ко исполнению»[11].

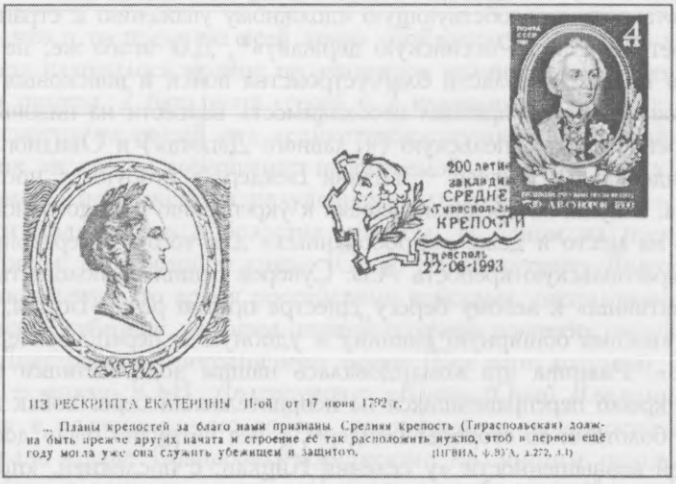
В двадцатых числах ноября 1792 г. императрица адресовала секретный рескрипт непосредственно самому А.В. Суворову, в нем генералу поручалось осмотреть берега и границы на юго-западе России и донести о мерах «каким образом оные привести в беспечность против нечаянного неприятельского нападения»[12]. Императрица и военная коллегия не без оснований опасались войны, в конце 1792 г. на А.В. Суворова было возложено обозрение границы на юго-западе России и составление проекта ее укрепления, в виду возможности возобновления войны с Турцией[13].

А.В. Суворов прибыл в Херсон в конце ноября – начале декабря 1792 г., во всяком случае первое по времени письмо, адресованное полководцу по херсонскому адресу вице-президентом военной коллегии Н.И. Салтыковым датировано 1 декабря 1792 г.[14] В тех же числах Н.И. Салтыков, заботясь об охране новой границы, писал А.В. Суворову: «Граф П.А. Зубов сообщил мне о высочайшем Е.И.В. соизволении, чтобы в Екатеринославском наместничестве учредить пограничную цепь и стражу отрядами из Бурского казацкого полку, полагая на все пространство от Ягорлыка (так в оригинале – **А.М.**) по берегу реки Днестра и по берегу Черного моря до Очакова сто семьдесят два человека»[15].

Но главная забота – это возведение крепостей. Письмо от 18 января 1793 г. (А.В. Суворов – П.И. Турчанинову), в военную коллегию: «...Пункты мне издревне знакомы, лично обозреть мне был престранный недосуг. Де Волан, Князев и Фемерс работают, проекты через неделю пошлю, они хороши, но драгоценны»[16].

Письмо от 20 января 1793 г. (А.В. Суворов – П.И. Турчанинову): «Проекты через неделю посылаю. Суммы велики... дай Бог кончить здесь года-то...» (до конца года – **А.М.**)[17].

Тираспольская крепость была заложена лично А.В. Суворовым 22 июня (6 июля по новому стилю) 1793 г. Этот факт подтверждал в своей книге Г. Тимченко-Рубан, автор нескольких фундаментальных работ по истории фортификационного искусства России, написавший свои труды в 1910-х гг. на основании фондов Центрального инженерного архива России. К сожалению, архив в 1917 г. в значительной части своей был уничтожен. Этим, по-видимому, объясняется тот



К 200-летию закладки Средней (Тираспольской) крепости. Г.З. Бронза

факт, что несмотря на многолетние поиски ученых-историков, краеведов, литераторов до сих пор не удалось найти архивные свидетельства, на которых основывал свои выводы Г. Тимченко-Рубан.

По мнению Г. Тимченко-Рубана, в первую очередь А.В. Суворову предстояло озаботиться обороной нижнего течения Днестра. Непосредственно по заключению Ясского мира Екатерина II, «вознамерясь для блага народного, заселить территорию между Бугом и Днестром и признала необходимым обеспечить спокойствие и тишину желающим заселить и приступить к обрабатыванию оной и усердствующим пожертвовать для этого малым своим имуществом и рукоделием». Намечалось и развитие по Днестру российского судоходства, ибо географическое положение и плодородие вновь приобретенной земли обещали «приметные выгоды и преимущества в коммерческой системе на Черном море»[18].

Между тем фактическими хозяевами положения на пограничной реке тогда, бесспорно, были турки, располагавшие несколькими крепостями, из коих особенно для нас неудобными считались крепости Бендеры и Аккерман, обе как препятствующие свободному пользованию водными сообщениями, и, кроме того, Бендеры — как застава на удобнейших путях из России в пределы Турции и как опорный пункт для вторжения в наши края, Аккерман — как ключ входа в Очаковскую провинцию. А.В. Суворов нашел необходимость парализовать соответственными мерами приведенное значение этих неприятельских крепостей, создав для

них обстановку, способствующую «должному уважению к стране, вновь приобретенной под Российскую державу»[19]. Для этого же, не ограничиваясь мерами в области благоустройства войск и войсковых средств в южной армии, он признал необходимость возвести на низовьях Днестра крепости Тираспольскую («Главного Депота») и Овидиопольскую (Гаджидерскую), первую — вблизи Бендер, а вторую — против Аккермана, в пунктах, предназначенных к укреплению еще до прибытия генерала на место и даже «опробованных» для того Императрицею[20].

Тираспольскую крепость А.В. Суворов решил расположить у «выхода рытвины» к левому берегу Днестра против речки Ботны, которая имела «весьма обширную равнину и удобную к переправе через реку Днестр». Равнина эта командовалась нашим возвышенным берегом; правое крыло переправившихся на неприятельский берег войск прикрывалось болотами со стороны Бендер[21], с нее нетрудно было достигнуть хорошей возвышенности «у селения Кицкан; с последней, «прямо и с удобностью» можно было пройти, в 4—5 переходов, к переправе через Лопушну и далее к р. Прут, к г. Яссам или к нижнему Дунаю», смотря по стечению обстоятельств. В крепости надлежало расположить «знатный депот», охраняемый «приличным» гарнизоном и заключающий в себе всяческие средства для операций в Молдавии и на низовьях Дуная. Тирасполь должен был явиться пунктом «первоначальнейшим и главнейшим на границе сей»[22]. Согласно проекту, составленному по директивам А.В. Суворова, Тираспольской крепости «...надлежало придать общую фигуру прямоугольника, при начертании ограды неправильном, сходном с бастионным расположением; валы окружить сухим рвом; в плацдармах на прикрытом пути построить батареи, с приречной стороны, впереди главного вала построить нижние укрепления, «ретраншамент», цель которого определялась для «очищения противолежащего и нашего берега и для содержания переправы в оборонительном состоянии», валы нижнего укрепления прикрыть рвами, наполняемыми при помощи шлюза водой из Днестра; все крепостное строение соорудить из земли, в окончательном виде ограде надлежало придать правильное бастионное начертание с изломанными куртинами и усилить ее каменными эскарпами и контрэскарпами. Установление для работ известной стадии законченности поясняется в одном из современных документов стремлением, «чтобы сие место», как лежащее на самой границе, сколь возможно привести в оборонительное состояние в такое время, когда продолжались возмущения и бунты в Польше, которая могла бы иметь тайный союз с соседями нашими и когда со стороны нашей всячески должно было стараться не ослабевать внизу Днестра», и тем более

потому, что в то время на всей линии этой реки, от Галиции до Черного моря находилось крайне ограниченное количество русских войск: 3 полка пехоты, 2 батальона егерей и 2 казачьих полка[23].

Несмотря на целый ряд крайне неблагоприятных условий ее нахождения «в стране совершенно необитаемой», привлечения к работе войск, «мало привыкших к полуденному климату» и проч., постройка крепости подвигалась с большие успехом. В одном из рескриптов императрицы, адресованном князю Юрию Владимировичу Долгорукову, командовавшему в то время российскими войсками, расположенными в Брацлавской губернии, находим полный перечень воинских частей, строивших Днестровскую пограничную линию. Вот этот документ. Екатерина II – князю Ю.В. Долгорукову: «*Князь Юрий Владимирович! Приемля в уважение, что войска, состоящие в начальстве Нашего генерала графа Суворова-Рымникского по многим трудам при сооружении крепостных строений в новоприобретенной от Порты Оттоманской области при возврате своем на зимние квартиры в Екатеринославском наместничестве должны будут сделать дальний поход и переправиться через Буг: дабы обратиться к строениям своим и чтобы не последовало излишнего изнурения и напрасной потери времени, предписали мы ему полки Херсонской гренадерской, мушкатерские Полоцкой, Троицкой и Алексопольской и Витебской и Бугской Егерской корпус расположить по сношении с вами и генерал-поручиком Тутолминым на зимние квартиры в Брацлавской губернии в селениях между Рашковым и Уманью, и по рекам Кодыма и Ягорлык находящимся..., но миновании же зимы войска сии по распоряжению помянутого графа Суворова-Рымникского паки имеют обратиться к работав своим...*

В Царском селе августа 2 1793 г.

Екатерина»[24].

Об этом же писал А.В. Суворову губернатор Екатеринославский и Таврический граф П.А. Зубов в письме от того же числа: «...Исполняя желание Вашего сиятельства относительно доставления покоя от трудов войскам, производящим на Днестре под руководством Вашим работы, препровождаю при сем Высочайший указ о расположении на зимние квартиры в местах Вами через господина де Волана назначенных. В Царское Селе августа 2 дня 1793 г.»[25].

Несомненно, это еще одно косвенное свидетельство в пользу того, что крепость заложили и начали активно строить только в 1793 г. Рассмотрим это свидетельство подробно. В письме императрицы

екатеринославскому губернатору М.В. Каховскому от 17 июня 1792 г. указывалось: «средняя крепость, что близ Бендер и Аджидерская должны быть прежде других начаты и строения их так расположить нужно, чтобы в первом еще году могли они уже служить убежищем и защитою»[26]. Между тем и через год в августе 1793 г. речь шла о том, что на зимние квартиры войска, строившие крепость, в ней расположиться не могут, а будут следовать с этими целями в Брацлавскую губернию. Но указанные части, использовались для строительства всей пограничной Днестровской линии. Уточнить, какие строили именно в Тирасполе, частично помогает ведомость о расходах «в Новоприобретенной области... на построение полковых жилищ на зиму»[27] датированная 20 декабря 1792 г. и указывающая место, где при строительстве были израсходованы суммы.

Так, в Парканах генерал-поручиком артиллерии И.М. Толстым истрачено 736 руб. 97 коп. «в Полоцком мушкетерском полку против устья реки Ботны на зарплату» солдатам, «Екатеринославской пешей казачьей команде князя Трубецкого, на построение против устья реки Ботны жилищ»[28]. Это были предварительные, подготовительные работы 1792 г.: заготовка леса, строительство землянок-укрытий и пр. и все же важно, что можно точно назвать Полоцкий мушкетерский полк и Екатеринославскую пешую казачью команду князя Трубецкого как те войсковые части, что стояли у истоков строительства.

Уже в середине 1794 г., как писал Г. Тимченко-Рубан, крепость была вооружена 44 орудиями, «кои поставлены в батареях в готовности к обороне; «был построен магазин на 70.000 четвертей; готовы временные помещения для боевых припасов и две казармы для Ладожского полка и трех рот артиллерии; в работе находились казенные здания арсенала, пороховых погребов, комендантского дома, кордегардии». Такой успех работ Ф. де Волан в своем представлении А.В. Суворову пояснял главным образом тем, что все инженерные офицеры, а в особенности старший производитель работ, майор фон-дер Плаат, показали поразительные «знания усердия и рвения к службе Ее Императорского Величества, быв под превосходным Вашего Сиятельства присмотром непрерывно возбуждаемы». Много, по заявлению Ф. де Волана, помог делу и командующий войсками на Днестре князь Г.С. Волконский, который «с редкою прилежностью к Отечеству» оказывал при всяком случае «неутомимые рвения»[29]. Все работы в крепости, в ее первой стадии, были закончены к концу 1795 г., и этим, судя по позднейшим планам, ограничивалось все укрепление Тирасполя, по крайнее мере, в главных чертах.

А.В. Суворов был направлен императрицей в 1792 г. на юг России не только для построения крепостей и укреплений. На него было возложено также устройство и обучение войск, организация всех средств, необходимых для южной армии на случай направления ее в пределы Турции. На А.В. Суворова также возлагалась организация крепостной, осадной и парковой артиллерии, инженерного и понтонного полков, судовых армейских средств и запасов продовольствия, подвижных и неподвижных. Круг его обязанностей был обширен, энергия неистощимой.

По намеченной заранее программе все вновь построившиеся южные крепости подлежали вооружению орудиями, имевшимися на местах, и предназначенными к доставлению из упраздненных крепостей на Днестровской оборонительной линии и по побережью Азовского моря. Но такие запасы исчерпывались общим количеством в 381 орудие, в огромных запасах чугунных ядер. Артиллерии не хватало для вооружения крепостей. По взгляду А.В. Суворова необходимо было иметь орудия исключительно медные. За счет новой материальной части в первую очередь он предполагал сформировать осадный артиллерийский парк, который явился бы достаточным для одновременной осады четырех крепостей «первого ордена» (класса) или пяти «второго и третьего ордена», который в случае оборонительной войны, послужил бы для усиления до нормы вооружения наших крепостей по Днестру[30].

По мнению А.В. Суворова, «в осадном парке следовало иметь пушки 24-го и 28-ми фунтового калибра (32 экземпляра), единороги 96, 48, 24-х фунтовые (18) и мортиры 4,3 р. 2-х пудовые (14), всего 64 орудия; для них 54 запасных лафета и обильные боевые комплекты, до 1120 выстрелов на орудие. Личный состав — две роты для пушек и по одной для единорогов и мортир, каждая численностью в 220 человек. Обоз — 270 фур и 600 подвод при 2500 парах волов и при 1200 погонщиков... Предполагалось упорядочить армейскую парковую артиллерию и сформировать для того восемь рот: семь канонирских и фузилерских, каждая с 12-ю пушками 12-ти и 6-ти фунтового калибра и одну бомбардирскую, с 14-ю единорогами 48-и двенадцати фунтовыми»[31].

Особое внимание Г. Тимченко-Рубан уделил вкладу полководца в инженерное дело. Инженерный парк должен был составить отделение осадного артиллерийского. В нем задумано было иметь запасы инструментов и принадлежностей, наилучших для строения батарей... и роту «отборных и склонных людей», в составе 60 минеров, 40

саперов и 200 пионеров, в том числе 100 конных, находящихся при генерал-квартирмейстере для починки дорог, мостов и переправ: у роты должен быть обоз — 2 фуры и 60 повозок при 1200 парах волов и 60 лошадях[32].

Планы организации продовольственной части в южной армии были таковы: в крепостях и других удобных местах по Днестру содержать 18-месячные запасы: 270.000 четвертей муки, 18.000 крупы, 160.000 овец, постоянно перевозимые вперед за армией, магазин с продовольствием на 30 дней, наконец, сверх всего, 10-ти дневный запас в полковых фурах[33].

Укрепляя на юге России границы, обучая и устраивая войска, А.В. Суворов немало позаботился и об улучшении быта офицеров и нижних чинов. Главнейшие его усилия в этом направлении были сосредоточены на урегулировании квартирного вопроса. И Тираспольская крепость, как место зимнего квартирования войск в войне 1806—1812 гг., сыграла свою позитивную роль.

Всего 20 лет р. Днестр служила естественной границей Российской империи на Западе. Две основные задачи стояли перед российским правительством на исходе века: заселение обретенного края и укрепление юго-западной границы империи. Первая задача, выполненная успешно и скоро, не является предметом данной статьи. Вторая — решалась созданием Днестровской пограничной линии, а после 1812 г. те же задачи стали применяться к новой линии границы по р. Прут.

После 1812 г. Тираспольская крепость входила в Киевский инженерный округ, считалась крепостью второго класса (кстати, и Бендерская, относившаяся к Бессарабскому инженерному округу, тоже была крепостью второго класса)[34].

Еще в 1818 году, на южном фронте, разумея под таковым район, пограничный с владениями Европейской Турции и Северного побережья Черного моря, мы имели, по утверждению Тимченко-Рубана 16 штатных крепостей, а именно: «...Бендеры, Тирасполь»[35], т. е. крепость в тот момент уже являлась штатной. Тогда она характеризовалась следующими особенностями: «...штатная крепость-склад, построенная Суворовым в 1793—1794 гг. на левом берегу Днестра... Начертание в общем бастионное... шесть земляных бастионов (№1 — Георгий, №2 — Слава, №3 — Победоносец, №4 — Слава, №5 — Павел, №6 — Владимир), ...один полубастион (№11 — Иоанн) ...один редан (№8 — Константин)... бастионы (№7 — Василий, №9 — Александр, №10 — Николай). На вооружении крепости ...13 орудий. Име-

лись здания: казармы на 2.250 человек, пороховые погреба на 6.300 пудов и магазины на 10.000 четвертей, здания были хоть и каменные, но большей частью весьма неисправные, вследствие их устройства из плохого местного камня на глине»[36].

Военные характеристики крепости в том же году были расценены, как выигрышные и не особенно удачные: «профиль и покрытый путь сей крепости слабы, особливо со стороны Днестра; она нехорошо расположена по ситуации, потому что с северной и западной сторон находятся низкие места, в которых атакующий скрыт от крепостного огня».

По данным Российского государственного военно-исторического архива в крепости в 1820 г. было: «... 1. Казармы на один батальон. 2. Арсенал для артиллерийских снарядов. 3. Пороховой магазин для 3-х тысяч пудов. 4. Военный госпиталь. 5. Строения для чиновников крепости. 6. Значительный провиантский магазин»[37].

Видимо, вследствие выявленных недостатков, внимание и средства на содержание крепости заметно снизились. Свидетельством этого может служить упоминание о крепости в путевых заметках А. Сторожника, относящихся к 1829 году: «28 апреля, Тирасполь. Город самый плохой, бедность жителей, кажется, выглядывает сквозь ободранные крыши... избушек... Осмотревши госпиталь и провиантский магазин, расположенные в Тираспольской крепостце, на валах коей нет ни одного орудия, я осматривал там же и выписную команду»[38]. Таким образом, в это время на валах крепости уже не было орудий.

В 1835 г. специальный комитет решал судьбу южных российских крепостей. По мнению Г. Тимченко-Рубана, «в окончательном суждении комитета... не было определено стратегическое значение наличных южных крепостей и не было дано заключение о соответственности упразднения части таковых. Однако... последовала высочайшая резолюция и... повеление об упразднении всех русских крепостей, на важности коих комитет не настаивал... Во всяком случае, ...именно 15 июля 1835 года были упразднены крепости Херсон, Тирасполь, Еникале, Перекоп»[39]. Долгое время до 1969 г. территория крепости была за военным ведомством, в ней располагались войска.

Город же, обязанный ей своим появлением, живет и помнит имена своих основателей и строителей.

---

[1] Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т. П. Юзефович. СПб., 1869. С. 41–49, Скальковский А.А. Сравнительный взгляд на Очаковскую область в 1790 и 1840 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1842. Т. II. С. 2.

[2] История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней, Кишинев, 1982. С. 139.

[3] ЗООИД. Т.IX. Одесса, 1875. С. 319–331.

[4] Полное собрание законов Российской империи: собрание первое. Т. XXIII. № 17300 от 27 января 1795 г. С. 641–644.

[5] Скальковский А.А. Указ. соч. С. 2.

[6] Там же. С. 4.

[7] ЗООИД. Т.II. 1842 С. 8. Датирован 21.09.1792 г.

[8] РГВИА. Ф. ВУА, Д. 272, Л.1.

[9] РГАДА. Ф. 16 «Дела военные». Д.696.Лл.356, 378, 380–380 об., 381.

[10] РГАДА. Ф. 16. Д. 696, Л. 14.

[11] РГВИА. Ф. ВУА, Д. 272, Л. 462.

[12] Там же.

[13] Суворов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. 62. С. 897.

[14] РГВИА. Ф. 43. Оп.1. П. 56. Л. 11.

[15] РГВИА. Ф. 43. Оп.1, П. 56. Л. 2.

[16] Там же. Оп. 1, Д. 59. Л. 1.

[17] РГАДА. Ф. 20. Д.339. Л. 75.

[18] Тимченко-Рубан Г. А.В. Суворов и инженерное дело. СПб., 1913. С. 130.

[19] Там же. С. 131.

[20] Там же.

[21] В 1789 г. Бендеры сдались в форме капитуляции князю Г.А. Потемкину, но по условиям Ясского мира были оставлены за Турцией. См. Бендеры // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. СПб., 1894. С. 422.

[22] Тимченко-Рубан Г. Указ. соч. С. 132.

[23] Там же. С. 132.

[24] РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 61, Лл. 1-2.

[25] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 272. Л. 1.

[26] РГАДА. Ф. 16. Д. 696. Ч. II (2). Л. 143.

[27] Там же. Ф. 16. Д. 696. Ч. II (2). Лл. 143–143 об.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 168.

[30] Тимченко-Рубан Г. Указ. соч. С. 167.

[31] Там же. С. 168.

[32] Тимченко-Рубан Г. Очерки деятельности великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью. Т. 2. СПб, 1914. С. 1.

[33] Там же. С. 196.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19150 (1).

[38] Сторожник А.Я. Два месяца в дороге по Бессарабии, Молдавии и Валахии. М., 1872. С.1.

[39] Тимченко-Рубан Г. Очерки деятельности великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью. Т. 2. С. 226.

А.В. СУВОРОВ В ПРАГЕ

А.Б. Богданов

По окончании Швейцарского похода российских войск резко обострились противоречия между правящими кругами Российской и Священной Римской империй по вопросу ведения дальнейших военных действий против Французской республики. Австрийской стороной превозносились действия эрцгерцога Карла, а роль суворовских войск замалчивалась[1]. (К этому времени войска А.В. Суворова были отведены на зимние квартиры до определения окончательной их судьбы)[2].

7(18) декабря 1799 г. генералиссимус Александр Васильевич Суворов торжественно въехал в столицу Богемии – Прагу[3]. Более месяца прославленный полководец квартировал в доме барона Виммера на Пркопах[4]. О первых днях пребывания А.В. Суворова в Праге сведений обнаружить не удалось, но известно, что уже 10(21) декабря генералиссимус отправил секретное послание К.Я. Бюлеру[5]. Из содержания данного письма можно сделать вывод, что именно в день его написания А.В. Суворов получил рескрипт Павла I от 20 ноября (1 декабря), предписывающий отложить возвращение войск в Россию до марта 1800 г.

Наступила пора признания австрийскими подданными заслуг российских войск. 11(22) декабря 1800 г. полководец посетил театр (играла итальянская труппа Гвардасони), где перед началом представления в честь А.В. Суворова была исполнена кантата, затем над сценой появилась аллегорическая фигура «Славы», восседающей на облаках. Под «Славой» был лозунг: «Viva il principe Suvorov»[6]. Полководец находился в ложе эрцгерцога Карла и был одет в австрийский фельдмаршальский мундир при всех орденах. На следующий день генералиссимус посетил любительский спектакль (давали комедию) в доме графа Клан-Галласа[8]. 14(25) декабря А.В. Суворов вновь посетил театр, где при его появлении все зрители кричали: «Виват, герой Суворов!», на что полководец ответил: «Виват, император Франц!»[9].

В тот же день полководец написал письмо И.М. Муравьеву[10], в котором поблагодарил российского посланника в городе Гамбург за сообщенные им сведения о французском шпионе Латуре, а 15 (26) декабря написал в Вену посланнику С.А. Колычеву (критикуя идеи десантов, в частности, вспоминая конфуз англо-российских войск в Голландии)[11].

В это время А.В. Суворов пришел к мысли о том, что не стоит проливать кровь россиян, защищая австрийцев, которые неоднократно нарушали союзнические обязательства. Император Франц, пытаясь уговорить А.В. Суворова не уводить войска в Россию, 15 (26) декабря посылал в Прагу на переговоры с генералиссимусом графа Бельгарда[12].

17 (28) декабря в ответ на теплый прием пражан А.В. Суворов дал бал дворянству и иным почетным особам[13]. Однако не только развлечениями была наполнена жизнь полководца. В тот же день он отправил письмо графу Ф.В. Ростопчину, критикуя действия барона Тугута[14].

Городские власти решили дать в честь А.В. Суворова торжественный обед. Полководец не мог не ответить на столь явное выражение приязни. 18 (29) декабря состоялось ответное торжество. В гостинице «Vlazni» на Малой Стране[15] князь П.И. Багратион от имени русского командования[16] дал бал, на котором присутствовал сам генералиссимус. В тот же день полководец отправил новое послание графу Ф.В. Ростопчину: «Никогда не способствовал я разрыву союза между императорскими дворами. Поступки Тугута сделались известными его Императорскому Величеству прежде, нежели я об них писал. Я же старался удерживать и сохранять доброе согласие между обеими императорскими армиями, в чем и успел»[17].

А.В. Суворов прекрасно понимал, что квартирование столь значительных корпусов российской армии тяжелым бременем ложится на местное население. Поскольку в число территорий, предназначенных для расположения русских войск, попадала и Бавария, генералиссимус в письме от 19 (30) декабря просил принца Конде не трогать ее земли. Суворов был возмущен требованиями австрийцев передвинуть корпус Конде от г. Линц, т. е. пойти на нарушение предписания полководца[18].

27 декабря 1799 г. (7 января 1800 г.) великий князь Константин Павлович возвратился в Санкт-Петербург[19] и в тот же день после беседы с цесаревичем Государь отправил А.В. Суворову повеление уводить русские войска в Отечество: «...обстоятельства требуют возвращения армии в свои границы, ибо виды венские те же, а во Франции перемена, которой оборота, терпеливо и не изнуряя себя, ожидать должно. Идите домой непременно»[20]. Наполеон Бонапарт уже совершил государственный переворот, и отношение Павла I к ситуации во Франции изменилось.

31 декабря 1799 г. (11 января 1800 г.) А.В. Суворов просил у Государя позволения принять пожалованный курфюрстом Баварским

орден Св. Губерта[21]. Кроме того, во время пребывания в Праге полководцу были доставлены награды от Сардинского короля – ордена Св. Благовещения и Свв. Маврикия и Лазаря. Несколько орденов Свв. Маврикия и Лазаря меньших степеней король прислал полководцу, чтобы тот сам избрал лиц, достойных награждения ими за освобождение Пьемонта[24].

В конце декабря – начале января А.В. Суворов присутствовал на обеде у архиепископа князя Сальма[25], где князь Алексей Горчаков представил полководцу барона Густава Морица (Маврикия) Армфельдта. А.В. Суворов приветствовал шведского дипломата в присутствии 150 лиц и представил его своим генералам и штабу: «Герой, герой, ты побил русских и очень. Суворов только бил турок, пруссаков, поляков и французов. ...Да, да, он нас крепко побил; это заслуживает уважения; но он никогда не переставал быть верным королю и отечеству, это заслуживает почтения и удивления», после чего пригласил отобедать на следующий день[26]. Благодаря запискам Армфельда, мы можем узнать подробности о пражском периоде жизни А.В. Суворова[27]. Еще один швед, чрезвычайный посланник Швеции при Венском дворе капитан Якоб Густав Делагарди, был представлен А.В. Суворову в январе 1800 г. князем А. Горчаковым в домашней церкви полководца в Праге. Представление произошло в присутствии графа Бельгарда и британского посланника Минто[28]. Предположительно, в тот день, когда А.В. Суворов принимал австрийского генерала Бельгарда, дежурным ординарцем полководца был офицер драгунского генерал-лейтенанта Шепелева полка[29] А.А. Кононов[30]. В этот день дважды А.В. Суворов выезжал из дома. Ночью у дверей его комнаты стоял на посту казак с пикой, ординарцы отдыхали в прихожей на диване. В 2–3 часа ночи А.В. Суворова и его камердинера Дубасова разбудили известием о несчастном случае с группой солдат, после чего полководец встал, вызвал повара-калмыка и заказал ему завтрак[31].

1 (12) января 1800 г. Александр Васильевич Суворов поздравил с Новым годом Государя Императора Павла I[32] и британского адмирала Горацио Нельсона[33]. Получив приказ на выдвижение войск в пределы Отечества, 10 (21) января А.В. Суворов отправил письмо графу Ф.В. Ростопчину[34]. В то время корпус Конде А.В. Суворов планировал также отправить в Россию[35].

Незадолго до отправления из Праги А.В. Суворов прибыл на бал в дом барона Ностица (зятя Тугута). Генералиссимус был в белом австрийском мундире со всеми орденами. Высший свет Праги встре-

А.В. Суворов.
Гравюра неизвестного художника

чал А.В. Суворова на крыльце дома барона.[37] Оркестр, составленный из аристократов, приветствовал А.В. Суворова музыкой, а баронесса Шлик[38] исполнила песню «Сим славна Екатерина»[39]. Русский полководец был представлен Ностицем своей супруге, в паре с которой А.В. Суворов открыл бал. Затем он вальсировал со своим адъютантом бароном Розеном, после чего удалился из дома Ностица[40].

Распорядок дня генералиссимуса во время пребывания в Праге был таков: в 2–3.00 часа ночи подъем (вскоре после него А.В. Суворов выпивал стакан портеру и закусывал ветчиной или копченым мясом); в 6.00 – завтрак; в 7.30 – обедня; после 8.00 – обед; с 12 до 14.00 – отдых; в 17.00 – ужин; в 19–20.00 А.В. Суворов ложился спать. Современники утверждали, что он был неутомим[41].

14 (25) января в Праге в гостинице «У золотого и белого единорога» на Малой Стране состоялось последнее официальное торжество в честь А.В. Суворова[42]. В тот же день генералиссимус отправил письмо графу Ф.В. Ростопчину[43], российские войска начали выдвижение из Богемии и Австрии к пределам Отечества. Корпус Конде был оставлен в Линце, приданные ему российские части несколько позже отправились вслед за колонной генерала от инфантерии А.Г. Розенберга[45].

17 (28) января А.В. Суворов отправил из Праги последнее письмо, адресованное поэту А.П. Бережинскому[46], и в тот же день покинул гостеприимную столицу Богемии[47].

---

[1] Так венские аристократки изобрели новый орден в честь побед эрцгерцога Карла: «Из Вены от 14 декабря. В честь эрцгерцога Карла венские дамы учредили некоторый род ордена, который они носят на груди. Знак сей состоит в золотом кресте, коего одна сторона белая, а другая – желтая и красная. На одной стороне напечатано: «Слава избавителю К[арлу]», а на другой – «Германия» (Петербургская старина: новости, объявления и распоряжения правительства в 1799 году// Русская старина. 1884., Т. LXI. С. 452).

[2] 5 (16) декабря войска А.В. Суворова расположились для двухнедельного отдыха в Богемии и верхней Австрии на кантонир-квартирах вдоль протяженности маршрута войск в Священной Римской Империи, главная квартира армии – в Праге. Корпус де Вимениля – от города Рокичан на 16 миль по дороге до Бемиш-Брода (в ширину по две мили от дороги). Корпус Повало-Швейковского (главная квартира в Рокичане) прошел полторы мили от Богемской границы и расположился при м. Кленч в длину[7] на 10 миль (в ширину по две мили от дороги) и до Рокичана. Корпус Розенберга (главная квартира в Будвейсе) – от границ верхней Австрии в м. Унтер-Ганд, в длину на 10 миль до города Собеслау (в ширину на 4–5 миль). Корпус Конде (главная квартира в Линце) – в верхней Австрии на правом берегу[7] р. Дунай от м. Айстергейм на протяжении 10 миль до города Енс (в ширину[7] от 3 до 4,5 миль). Расписание приводится по подробному описанию расположений, действий и движений корпуса императорских российских войск под командованием генерала Римского-Корсакова в Швейцарии, составленному свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Вистицким 2-м в 1803 году// Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 2. С. 41.

[3] В тот же день им было отправлено письмо принцу[7] Саксен-Кобургу Заальфельд. А.В. Суворов сообщал старому боевому товарищу[7] в ответ на его поздравительное письмо: «Мы обязаны всеми подвигами соединению двух первых армий в Европе в непобедимую Российско-Австрийскую армию. И если начинать новую кампанию, то необходимо сблизиться в системах. Иначе не может быть ни спасения для человечества, ни возстановления угнетенных государств и религии» (А.В. Суворов. Письма. М., 1986. – С. 373).

[4] Где при встрече полководца был выставлен почетный караул (См.: Федоров Я. Суворов в Праге// Славяне. 1944. №7. С. 32). Г.П. Драгунов утверждал, что А.В. Суворов жил в доме владельцев ситценабивных фабрик – Поргесов из Портгейма. Ныне на этом здании (Национальный пр., дом № 38) установлена мемориальная доска (См.: Драгунов Г.П. Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии. М., 1995) Возможно, что речь идет об одном и том же доме.

[5] «Его Величество Государь Император, наш августейший повелитель, только что соизволил мне приказать остановить армию как для того, чтобы дать ей возможность отдохнуть, так и для нового обмундирования войск. Это замедление может в то же время повлечь за собой перемену обстоятельств, согласно выраженному мне Его Императорским Величеством желанию продолжить защиту общего дела...» (А.В. Суворов. Письма. С. 374). В тот же день А.В. Суворов отправил письмо принцу Конде, сообщить ему, что «Его Императорское Величество, мой Августейший Государь, который удовольствием почитает награждать каждый подвиг, изволил произвести унтер-офицера Вольфера, отправленного Вашим Высочеством к Его Особе, в чин подпоручика за взятие неприятельского знамени» (Переписка Суворова и Принца Конде // Военно-исторический вестник. 1972. Май. № 39. С. 8).

[6] См.: Федоров Я. Суворов в Праге. С. 32. Барон Армфельдт 29 декабря 1799 г. напишет своей дочери, что несколько дней назад видел Суворова в театре, зал был подон, билеты продавались по тройной цене, пролог спектакля читался в честь русского героя (См.: Из записок барона (впоследствии графа) Густава-Маврикия Армфельдта. Перевел со шведского и сообщил Г.Ф. Сюннерберг // Русская старина. 1893. Т. LXXVII С. 696).

[7] Армфельдт отметил, что Суворов несколько раз просил успокоиться рукоплескавшую ему публику, полководцу кланялись как папе римскому. Молодая дама высунулась далеко вперед из соседней с генералиссимусом ложи; А.В. Суворову представили ее, но

дама в смущении не приняла руку полководца. Тогда А.В. Суворов взял эту даму за нос, притянул к себе и поцеловал (См.: Из записок Армфельдта. С. 696–697). Возможно, речь идет о посещении А.В. Суворовым театра не в тот день, а 14 (25) декабря.

[8] См.: Федоров Я. Суворов в Праге. С. 32.

[9] Данные сведения приводятся по сообщению из Праги от 16 (27) декабря, где сказано, что А.В. Суворов посетил театр в «последнее воскресение» (Петербургская старина. С. 455). Воскресение приходилось на 25 декабря.

[10] См: А.В. Суворов. Письма. С. 374–375.

[11] Там же. С. 375.

[12] См.: Милютин Д.А. История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т.III. СПб., 1857. С. 626.

[13] См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1800. 20 января.

[14] А.В. Суворов отметил: «Тугут не имеет права делать военный план, так как я не смыслю министериального... Уж сей подьячий разуметь хочет фланги армиев, когда едва знает выход из своей меланхоличной кельи... Не пером победить Париж!» (А.В. Суворов. Письма. С. 375–376).

[15] Часть Праги.

[16] См.: Федоров Я. Суворов в Праге. С. 32.

[17] А.В. Суворов. Письма. С. 376. Осведомленность Государя наводит на мысль о превосходной работе российской разведки. Из Праги А.В. Суворовым (в декабре 1799 г.) еще было отправлено не датированное письмо хозяйственного содержания, адресованное Д.И. Хвостову (См.: Там же. С. 376).

[18] «Во всем, что касается походов и дневок, Ваша Светлость, изволите следовать предписаниям моего предыдущего письма и всему тому, что мой дежурный генерал, князь Горчаков имел честь сообщить Вам по моему приказанию, т. е. расположиться на квартирах в Линце и его окрестностях, распространяясь по соглашению с австрийскими комиссарами, однако не трогая Баварии, которая должна быть по возможности пощажена» (Переписка Суворова и Принца Конде. С. 8). В данном письме А.В. Суворов ответил на запрос Конде из Мардинга, в котором генералиссимус был уведомлен о просьбе австрийского подполковника, сославшегося на прибывшего от имени Гофкригсрата курьера из Вены, не останавливать войска в Линце и окрестностях (См.: Там же. С. 8).

[19] «Его высочество государь цесаревич Константин Павлович возвратился из вояжа в Зимний дворец благополучно» (Царствование императора Павла. 1796–1801 гг. (Выписки из поденных придворных записок) // Русская старина. 1886. Т. L. С. 353). В честь Цесаревича были даны балы и аллегорический балет «Le retour de Polictete».

[20] А.В. Суворов. Сборник документов / Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. IV. М., 1953. С. 439. Император имел в виду государственный переворот 18 брюмера.

[21] См.: Милютин Д.А. Указ. соч. 1857. Т. III. С. 640. Девиз ордена – IN TREU VAST – «СТОЙКИЙ В ВЕРНОСТИ» (См.: Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993. С. 74).

[22] По версии Д.А. Милютина, орден Св. Анунциаты и несколько орденов Маврикия и Лазаря большого креста, для вручения А.В. Суворову король Сардинии выслал с подполковником графом Андецено в Кур (См.: Милютин Д.А. Указ. соч. 1857. Т. II. С. 343), но поскольку Андецено (Андезено) не застал полководца в означенном городе, то привез ордена в Прагу вместе с письмами герцога Аостского и военного министра маркиза де-Марсана (См.: Там же. Т. III. С. 551); в январе 1800 года цепь ордена Св. Анунциаты была прислана А.В. Суворову для передачи (с сохранением тайны) графу Ф.В. Ростопчину, затем тот же орден был прислан для великого князя (См: Там же. Т. II. С. 343).

А.В. Суворов одновременно был награжден по рескрипту от 12 (23) июня всеми указанными сардинскими знаками отличия.

Граф Е.Ф. Комаровский свидетельствовал о факте получения А.В. Суворовым в Аугсбурге, как сардинских орденов, так и австрийского ордена Марии-Терезии (См.: Записки графа Е.Ф. Комаровского // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. С. 366), последнее свидетельство ошибочное. В другом труде, Е.Ф. Комаровский верно указал факт получения А.В. Суворовым ордена Марии-Терезии в Линдау 17(28) октября (См.: Журнал военных действий российско-австрийских войск в Италии. Сочинение Ген[ерал-]: АД[ъютанта]: Г[рафа]: К[омаровского] // Военный журнал, издаваемый служившим по Квартирмейстерской части отставным майором Рохмановым. 1810. Кн. 7. С. 93). Подобное разночтение не может не вызвать недоверия к сведениям этого автора о времени получения сардинских наград, как и заведомо ошибочное утверждение Д. Бантыш-Каменского о получении последних А.В. Суворовым в Италии (См.: Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Т. 2. СПб., 1840. С. 165).

[23] И. Г. Спасский считал, что аббревиатуру девиза этого ордена наиболее часто расшифровывают так: F[ortitudo]. E[jus]. K[hodum]. P[enuit]. («его мужество спасает Родос»), в память о подвигах герцога Амедея V Савойского в войне с турками 1364 года. Указанный автор отметил, что А.В. Суворов был кавалером ордена Св. Маврикия и Лазаря, не упомянув о награждении полководца орденом Св. Благовещения (См.: Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена. С. 57).

[24] Граф Е.Ф. Комаровский, получивший орден младшей степени, вспоминал: «Даже камердинер Суворова, Прошка, получил золотую медаль с изображением короля для ношения на зеленой ленте на шее. ...Князь Суворов поступил при раздаче орденов более пристрастно, нежели справедливо, ибо получили оные или родственники его, бывшие в армии, или находящиеся при нем чиновники; из отличившихся же действительно в армии никто почти оных не был удостоен» (Записки графа Е.Ф. Комаровского. С. 366). Ордена эти получили, сын А.В. Суворова и чиновник Е.Б. Фукс. Сказанное Е.Ф. Комаровским можно отнести и к нему самому, поскольку в Италии он не был в числе героев, отличился же в Швейцарии.

[25] На этом обеде присутствовали более 50 дам «en gran gaa и ...все, что в Праге было великого и знатного». А.В. Суворов сказал, что «рекомендует себя доброте и дружбе дам» (Из записок Армфельдта. С. 697).

[26] Из записок Армфельдта. С. 697. Затем А.В. Суворов и Армфельдт отправились в столовую (См.: Там же. – С. 697).

[27] Армфельдт прибыл к 8.00, в тот момент А.В. Суворов молился (читал «большую книгу», падал ниц), затем взял музыкальные ноты, долго их напевал вполголоса, потом отдал ноты «мальчикам» (полковым певчим) и хорным певчим. Армфельдт подчеркивал, что за А.В. Суворовым на 6 лошадях возили походную церковь: «Это единственный обоз у князя-генералиссимуса» (Из записок Армфельдта. С. 698). А.В. Суворов в Праге имел две комнаты: кабинет-спальню (здесь были 4 стула, стол и кровать) и столовую-залу. Трапеза в тот день состояла «из самой скверной русской постной пищи» (Там же. С. 698). «После обеда дежурный генерал князь (Алексей Иванович – **А.Б.**) Горчаков принес карты и планы, Суворов рассказывал об итальянской кампании, демонстрировал следы ранений на своем теле и желал видеть раны на теле Армфельдта. Последний спросил мнение генералиссимуса о применении им шпионов на войне, на что Суворов отвечал: шпионов не употребляю. Св. Дух дает мне внушения, это лучший шпион» (Там же.).

[28] Якоб Густав Делагарди вспоминал, что А.В. Суворов в церкви клал до 20 земных поклонов, падал ниц и лежал по 2–3 минуты. После знакомства А.В. Суворов надел себе

на голову капитан-лейтенантскую шляпу Делагарди (См.: Делагарди Я.Г. Фельдмаршал Суворов в Праге. 1800 г. // Русская старина. 1876. Т. XVII. С. 833). Предположительно, Делагарди был представлен А.В. Суворову до 15 (26) января. Армфельдт вспоминал, что еще один обед у А.В. Суворова, на котором ему довелось присутствовать, начался в 8.00, закончился не ранее 13.00, а дан он был в честь «переговорщиков Беллегарда и Минто» (Из записок Армфельдта. С. 699). Возможно, речь у обоих авторов идет об одном обеде.

[29] Санкт-Петербургский драгунский полк именовался до 27 октября (8 ноября) 1800 г. по имени шефа – В.Ф. Шепелева (См.: Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815): Справочное пособие. М., 1997. С. 45).

[30] Генерал был высокого роста и имел звезду ордена Шведского меча. А.В. Суворов сказал А.А. Кононову: «Это великий человек. Он меня не послушал» (В ординарцах у Суворова в Праге (Из записок А.А. Кононова // Русская беседа. Кн. 19. М., 1860. С. 77).

[31] А.В. Суворов потребовал, чтобы повар сварил ему[7] кушанья армянское, татарское, жидовское, но не французское и не немецкое; еще генералиссимус потребовал сварить русские щи, на что повар ответил отказом, т. к. не было сметаны (См.: В ординарцах у Суворова в Праге. С. 78–79).

[32] См.: Милютин Д.А. Указ. соч. 1857. Т. II. С. 492.

[33] См.: А.В. Суворов. Письма. С. 377.

[34] «Всемилостивейшим Императором увенчанные наши италиянцы радуются, цюриховцы плачут, я утешаюсь приближением часа пасть пред освященнейшие стопы Всемилостивейшего Монарха...» (А.В. Суворов. Письма. С. 378). Итальянцы – это русские воины, участвовавшие в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова, цюриховцы – воины корпуса А.М. Римского-Корсакова.

[35] 11 (22) января А.В. Суворов отправил письмо принцу Конде: «В соответствии с высшими приказами и обстоятельствами, вся российская армия под моим командованием выступает в поход к границе нашей империи. Первая колонна выступает 15/26 сего января. Что касается корпуса под командованием Вашей Светлости, будьте добры следовать по прилагаемому к сему маршруту» (Переписка Суворова и принца Конде. С. 8–9). Упомянутый маршрут не обнаружен.

[36] Сын полководца, Аркадий Александрович, заранее предупредил А.А. Кононова, чтобы тот неотлучно находился на балу при генералиссимусе в единственном случае, если А.В. Суворов вручит ему свою шляпу (См.: В ординарцах у Суворова в Праге. С. 79.)

[37] Будучи сильно раздражен всеми предшествующими действиями Тугута, А.В. Суворов сорвал досаду на его зяте: после подъезда кареты к крыльцу дома Ностица полководец на глазах у изумленной публики «сотворил немыслимое», после чего вытер руки поданным камердинером Дубасовым полотенцем и взбежал на крыльцо, приветствуя встречавших его лиц (См.: В ординарцах у Суворова в Праге. С. 79–80).

[38] Шлик была беременна; после исполнения песни благодарный А.В. Суворов подошел к ней, перекрестил ее живот и поцеловал баронессу в лоб (См.: В ординарцах Суворова в Праге. С. 80).

[39] Текст приводится по: «Русское чтение», издаваемое С.И. Глинкой. Т. 2. СПб., 1845. С. 244.

Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас,
Храбрость россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ.
Славься сим, Екатерина,

Славься нежная к нам Мать!
Уж не могут орды Крыма
Ныне рушить наш покой;
Гордость низится Селима,
И бледнеет он с луной.
Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам Мать!
Стон Синила раздается
Днесь в подсолнечной везде;
Зависть и вражда мятется
И терзается в себе.

Здесь Синил — иное название крепости Измаил, взятой русскими войсками под предводительством А.В. Суворова в 1790 году.

[40] С Розеном А.В. Суворов вальсировал не в такт и в противоположную сторону, намеренно эпатируя публику. Стены бального зала были расписаны на сюжеты побед А.В. Суворова. Генералиссимус вместе с Ностицем осмотрел картины, после чего сказал хозяину дома: «Моро ретируется!.. Хотите, ваше сиятельство, посмотреть, как он ретируется? Вот точно так...». После этого А.В. Суворов выбежал из зала, а за ним его свита. А.В. Суворов впрыгнул в карету, вскричав: «Домой!» и уехал, поскольку был зол на Тугута (См.: В ординарцах у Суворова в Праге. С. 80).

[41] На обеде у А.В. Суворова даже лакеи были увешаны медалями на цепочках (См.: Делагарди Я.Г. Фельдмаршал Суворов в Праге. С. 833). Обеды могли затягиваться и после 12.00, когда за столом присутствовали званые гости, например, барон Армфельдт.

[42] См.: Федоров Я. Суворов в Праге. С. 32.

[43] Рассказывая о встрече с графом Бельгардом и британским посланником Минто (См.: А.В. Суворов. Письма. С. 378), те «приехали в Прагу... уговаривать возвращавшегося уже с армиею в Россию Суворова о начатии новых военных действий» (Фукс Е.Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. 2-е изд. СПб., 1900. С. 4).

[44] Полки Баура и Титова 2-го последовали в Россию 8(20) марта 1800 г. (См.: Милютин Д.А. Указ. соч. 1857. Т. II. С. 494).

[45] См.: Подробное описание расположений, действий и движений корпуса императорских российских войск. С. 41.

[46] А.В. Суворов благодарил поэта за присланные поздравительные стихи (См.: А.В. Суворов. Письма. С. 378). В.С. Лопатин, комментируя письмо генералиссимуса, отметил, что восемь стихотворений А.В. Суворова были присланы Бережинскому полководцем и переданы с князем Андреем Ивановичем Горчаковым. Позже Бережинский стал домашним секретарем князя П.И. Багратиона, подарившего поэту султан, который 17 лет носил на своей каске А.В. Суворов (См.: Там же. С. 747).

[47] См.: Федоров Я. Суворов в Праге. С. 32.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» ОБ А.В. СУВОРОВЕ

В.М. Бекетова

Обращение к «Историческому вестнику», одному из популярнейших научно-исторических периодических изданий России конца XIX – начала XX в., в связи с суворовской проблематикой не является случайным. На его страницах (с 1880 по 1917 гг. вышло 157 томов журнала, состоящих из 452 номеров) значительное место уделялось материалам персонологического и мемориального характера: выдающимся личностям, историческим персонам разных эпох и стран, всевозможным юбилеям и памятным мероприятиям. Основатель, многолетний редактор и соиздатель «Исторического вестника» – Сергей Николаевич Шубинский, являясь большим знатоком, поклонником и популяризатором российской истории XVIII в., с охотой публиковал статьи, сообщения, исторические источники о деятелях этой эпохи. Один из авторов журнала писал: «великие люди красят свое время, но только это самое время создает условия, при которых появление таких людей становится вероятным, желательным или возможным»[1]. Это мнение целиком разделял С.Н. Шубинский.

В более чем двадцати выявленных нами публикациях журнала, посвященных А.В. Суворову, нашли отражение различные биографические факты, эпизоды, бытовые подробности, проливающие свет не столько на военную карьеру выдающегося полководца, сколько на особенности его характера, отношение к близким и подчиненным. В журнале были помещены довольно пространные статьи об отце, жене, дочери а также о потомках А.В. Суворова[2] освещена его жизнь в Кончанском, Кобрине, Астрахани. Большинство публикаций основывается на вновь выявленных документах, письмах, а также воспоминаниях и свидетельствах современников; сопровождается портретами А.В. Суворова и его родственников, иллюстрациями, изображающими места его проживания, ссылки и военных подвигов. Это тем более ценно, что значительное количество материалов – документов, писем, литературных произведений – еще при жизни А.В. Суворова, а особенно после его смерти, безвозвратно погибло. Известный собиратель суворовского наследия В.А. Алексеев в своей статье «Архивные мытарства» с возмущением писал: «как варварски мы, к стыду нашему, обращались с его драгоценными строками, истребляя его ру-

описи даже в наши дни, вообще, как поздно мы стали ценить его слово!»[3].

Материалы в «Историческом вестнике» подавались в популярном изложении. Таково было требование и непреложное правило редактора журнала, стремившегося к его широкому распространению во всех слоях общества разных регионов Российской империи. Благодаря такой политике С.Н. Шубинского и его преемника Б.Б. Глинского журнал имел до 13 тысяч подписчиков (по данным 1914 г.). Бесспорно, что и публикации об А.В. Суворове имели научно-популярный характер, выдержки из документов сопровождались доступными для широкой публики пояснениями авторов.

В отдельных публикациях журнала презентовались вновь появившиеся книги по разнообразной проблематике, присылаемые авторами или издателями в редакцию. Например, статья «Суворов в зеркале новой истории», подписанная инициалами «В.П.», является своеобразной рецензией на трехтомный труд А. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов», опубликованный в Санкт-Петербурге в 1884 г. Рецензент положительно оценил только что изданную книгу, заметив, что «в истории русских великих людей после Петра Суворову принадлежит первое место; и новая история г. Петрушевского каждой своей страницей доказывает право генералиссимуса на это место»[4]. Отметив также отдельные недостатки сочинения, автор рецензии резюмировал, что оно «создает в уме впечатлительного читателя рельефный образ необыкновенного человека».

Особый интерес для суворoведов представляет апрельский номер «Исторического вестника» за 1900 г., посвященный 100-летию со дня смерти полководца, в котором были помещены сразу пять публикаций об А.В. Суворове. Среди них автобиография А.В. Суворова, написанная им в 1786 г. для московского депутатского собрания, впервые изданная в 1848 г. Д.П. Голохвастовым в «Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете». Публикаторы данного документа обратили внимание читателей на послание потомкам, которым А.В. Суворов закончил свою биографию. В нем звучал призыв: «Всякое дело начинать с благословением Божьим, до издыхания быть верным государю и отечеству, избегать роскоши, праздности, корыстолюбия, и искать славу через истину и добродетель»[5].

В юбилейном номере журнала был напечатан и небольшой отрывок из неизданных записок графа Ф.Г. Головкина, запечатлевшего некоторые подробности из жизни А.В. Суворова, дополнявшие и оттенявшие уже известные черты характера полководца. В своих

воспоминаниях Ф.Г. Головкин упоминал и о внуках А.В. Суворова – детях его рано умершего сына, в судьбах которых ему самому пришлось принять участие. Речь шла о двух дочерях и двух сыновьях Аркадия Александровича Суворова. Последним, благодаря участию Ф.Г. Головкина, Александр I назначил пенсию на их воспитание и обучение, определив опекуном их ходатая – графа Ф.Г. Головкина.

В год 200-летия со дня смерти А.В. Суворова (2000 г.) следует обратить внимание на публикацию в июльском номере журнала за 1900 г. сообщения о торжествах и церемониях, проходивших в различных городах России в честь 100-летия этой же даты. Автор данной корреспонденции особое место отвел описанию юбилейных мероприятий в столицах – Санкт-Петербурге и Москве, а также в родных для А.В. Суворова Боровичах. Как писал корреспондент, «в других городах ограничились панихидами, переименованием улиц, кое-какими новыми образовательными учреждениями и т. п. Только Боровичи отнеслись горячее других к памяти своего земляка»[6]. Там были бесплатно прочитаны публичные лекции, состоялся праздник древонасаждения в Суворовской роще, открыта Суворовская библиотека и собраны взносы на памятник А.В. Суворову в Боровичах.

Увековечивание памяти Суворова, сохранение мемориальных мест, личных вещей, документальных материалов, вопросы их музеефикации были предметом обсуждения на страницах «Исторического вестника» в таких статьях и заметках, как «По пути Суворова в Швейцарии», «Суворовский юбилей», «К юбилею Суворова», «Суворовский музей» и др.

Показательной в этом плане является статья М.Б. Стремоухова «По пути Суворова в Швейцарии», в которой автор описал в виде путевых заметок памятные места по пути следования войск во главе с А.В. Суворовым через Альпы. Побывав в Швейцарии в 1899 г., пройдя пешком через Альпы, автор наряду с изложением некоторых исторических сведений времен 1799 г. описал известную местность по прошествии 100 лет, иллюстрируя свои собственные впечатления многочисленными зарисовками природы, архитектурных сооружений и памятников. Свою статью автор предваряет небольшим вступлением, в котором сетует на то, что, хотя «русская наука в лице Милютина, Драгомирова, Дубровина, Петрушевского, Петрова и многих других, уже много сделала» в направлении изучения жизни и деятельности А.С. Суворова, «но многое еще и остается, много еще вопросов, не установленных, не выясненных», и, наконец, только по прошествии 100 лет со дня его смерти «начинают кое-что делать для увековечивания этого славного имени»[7].

Кроме названных материалов в «Историческом вестнике» были помещены многочисленные публикации о Екатерине II, Павле I, Г.А. Потемкине, в которых упомянуты имя А.В. Суворова и его деяния в связи с описываемыми историческими событиями.

Таким образом, даже беглый обзор публикаций «Исторического вестника» позволяет говорить о немаловажном вкладе журнала в изучение жизни и деятельности А.В. Суворова. В связи с этим следует заметить, что без надлежащего анализа материалов данного периодического издания библиографические и историографические обзоры по суворовской проблематике будут неполными.

Материалы об А.В. Суворове,
опубликованные в «Историческом вестнике»

1. Мартьянов П.К. Суворов в ссылке // 1884. Т. 18. № 10. С. 144–161.
2. Суворов в зеркале новой истории // 1885. Т. 19. № 3. С. 582–607.
3. Можайский И.П. Суворов в селе Кончанском (Из рассказов местного старожила) // 1886. Т. 26. № 11. С. 408–411.
4. Пыляев М.П. Отец Суворова // 1891. Т. 45. № 7. С. 72–78.
5. Сементовский Р.И. Итальянский поход 1799 и Кронштадская встреча 1891 г. // 1891. Т. 46. № 11. С. 388–408.
6. Где жил Суворов в Варшаве // 1895. Т. 61. № 9. С. 815.
7. Шубинский С.Н. Жена Суворова // 1897. Т. 68. № 4. С. 67–82.
8. Стремоухов М.Б. По пути Суворова в Швейцарии // 1899. Т. 75. № 1. С. 187–230.
9. К юбилею Суворова // 1900. Т. 79. № 1.
10. Автобиография Суворова, написанная им в 1786 году // 1900. Т. 80. № 4. С. 490–507.
11. Шаховский В.М. Спаситель жизни Суворова. (Посвящается родному и дорогому Дону) // 1900. Т. 80. № 4. С. 508–517.
12. Юдин П.Л. Суворов в Астрахани // 1900. Т. 80. № 4. С. 518–524.
13. Головкин Ф.Г. (граф) Характеристика Суворова. (Отрывок из записок современников) // 1900. Т. 80. № 4. С. 525–529.
14. Шумигорский Е.С. Из галереи исторических силуэтов. Суворочка // 1900. Т. 80. № 4. С. 530–549.
15. Суворовский юбилей // 1900. Т. 81. № 7. С. 333–334.
16. Суворовский музей // 1900. Т. 81. № 9. С. 1137.
17. Юдин П.Л. К характеристике Суворова // 1903. Т. 94. № 10. С. 194–196.
18. Иностранцы о России. Конец швейцарского похода Суворова. Берлинский конгресс и его участники // 1905. Т. 100 № 4. С. 252–284.
19. Суворовский музей // 1906. Т. 105. № 9. С. 1041.
20. Суворовский музей // 1907. Т. 107. № 2 С. 1038.
21. Алексеев В.А. Архивные мытарства // 1910. Т. 122. № 12. С. 1035–1057.
22. Алексеев В.А. Суворов в Кобрине. (История и предания) // 1911. Т. 126. № 12. С. 1045–1075.

АКВАРЕЛИ О.Ф. СТОЯНОВОЙ И СУДЬБА ПАМЯТНИКА А.В. СУВОРОВУ В ОДЕССЕ

В.Н. Лысь

В экспозиции Одесского муниципального музея личных коллекций им. А.В. Блещунова находится ряд работ художницы Олимпиады Федоровны Стояновой, связанных с событиями русско-турецких войн конца XVIII в. и личностью великого русского полководца Александра Васильевича Суворова.

Это акварели с видами Аккерманской (Белгород-Днестровской) крепости, выполненные в 1946 г., и уникальное изображение дворика Одесского Художественного музея с памятником А.В. Суворову, тоже написанное в 40-е годы.

Сегодня мало кто из одесситов помнит то время, когда перед входом в Художественный музей стояла конная статуя А.В. Суворова. Тем интереснее тот факт, что это событие оказалось запечатленным художницей для потомков. Сегодня это дает возможность говорить о возрождении памятника А.В. Суворову в нашем городе.

Олимпиада Федоровна Стоянова родилась 19 июля 1889 г. в с. Соколовка Остерского района Черниговской области. В 1909 г. окончила 8 классов гимназии в г. Чернигов. Через год поступила в Киевское художественное училище при Академии художеств, которое окончила по классу живописи, в 1917 г. была рекомендована в Академию художеств.

Обучаясь в старших классах училища, принимала участие в выставках «Киевлян». В то же время (с 1915 по 1917 г.) преподавала в профессиональной школе по классу композиции орнамента. В 1917 г. была приглашена на должность художника-инструктора и заведующего музеем в Дегтяревскую учебно-ткацкую мастерскую Полтавской области, где проработала 6 лет. В 1923 г. перевелась в Чернигов, где преподавала в ряде школ. В 1926 г. получила назначение на должность преподавателя профграмоты рабфаков и Института народного образования г. Одесса. Одновременно была сотрудником музея «Степова Украина» г. Одесса вплоть до его закрытия в 1934 г. О.Ф. Стоянова жила и работала в Одессе до своей смерти в 1969 г.

Акварели с видами Аккерманской крепости написаны Олимпиадой Федоровной осенью 1946 г. Это были те первые послевоенные годы, когда можно было свободно совершить поездку в районы быв-

шей Бессарабии. Там еще сохранились многие башни и стены легендарной крепости, которую когда-то трижды брали штурмом российские войска и дважды отдавали туркам по условиям мирных договоров.

На одной из акварелей запечатлены главные ворота крепости, через которые врывались внутрь авангардные части победителей, на другой – широкий и глубокий ров, окружающий крепость. Яркие лучи заходящего солнца окрашивают стены и башни крепости в золотистый цвет. Веет тишиной и спокойствием, которых сегодня нет. Кажется, что время застыло, и только череда бегущих облаков отражается в спокойной воде лимана. Солнечная палитра, которую так любит художница, оживляет и другую ее картину – «Двор Художественного музея», на которой изображен памятник А.В. Суворову. На фоне центрального классического портика здания музея запечатлен застывший в бронзе великий русский полководец, сдерживающий бег своего коня. Привстав на стременах, А.В. Суворов взмахом правой руки с зажатой в ней треуголкой подает знак коннице к последней атаке неприятеля, засевшего в окопах.

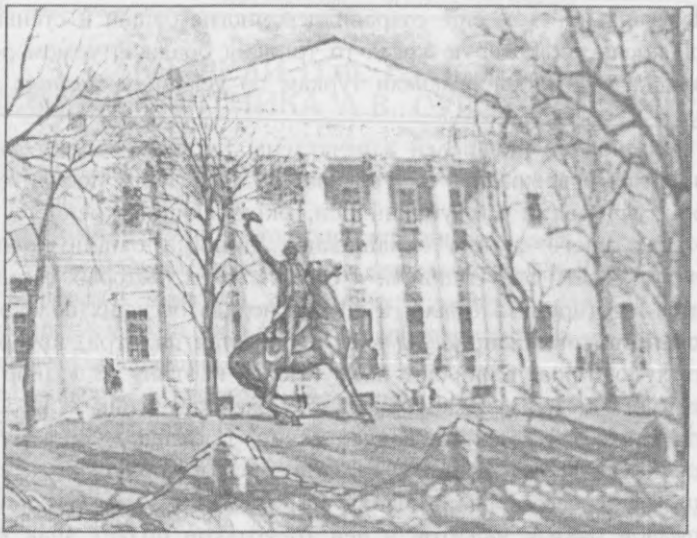
Нынешнее поколение одесситов видит дворик иным: в центре него растут яркие цветы, а над ними раскидистые каштаны.

А где же памятник? Какова его судьба?

В 1909 г., спустя 120 лет после победы А.В. Суворова под Рымником, было решено создать монумент на Рымникском поле. Осуществить эту идею поручили одесскому скульптору Борису Васильевичу Эдуардсу, который уже был известен как автор памятников А.В. Суворову в Очакове, А.С. Пушкину и Н.В. Гоголю в Харькове, Екатерине II и доктору Андреевскому в Одессе. Торжественная закладка монумента состоялась 28 мая (8 июня) 1911 г. в одесской мастерской скульптора, которая находилась рядом с Художественным музеем. На торжествах был зачитан текст металлической закладной доски, которую предстояло замуровать в фундамент. Текст завершался обращением к грядущим поколениям: «Да послужит сей монумент в назидание потомству о славных подвигах русской рати. Пусть навеки красуется великий вождь русской армии на поле битвы, политом кровью русских чудо-богатырей».

6 (19) ноября 1913 г. на Рымникском поле сражения в присутствии румынских властей и депутации от русской армии состоялась церемония торжественного открытия памятника.

В честь этого события была изготовлена памятная медаль, тоже выполненная по рисункам Б.В. Эдуардса. Впоследствии этот памятник



Двор Художественного музея в Одессе. Акварель О.Ф. Стояновой

А.В. Суворову постигла печальная участь: в годы Первой мировой войны по решению румынских властей он был демонтирован как монумент оккупанту, а затем вывезен в Одессу в мастерскую скульптора. Через некоторое время Б.В. Эдуардс приступил к работе по увековечиванию памяти полководца в г. Измаил. По замыслу автора, конную статую предполагалось оставить без изменений, а боковые барельефы должны были отображать различные эпизоды штурма Измайловской крепости.

Торжественная закладка памятника состоялась в Измаиле 15 (28) июня 1914 г., ровно за месяц до того, как Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Последовавшие за этим военные действия, оккупация Бессарабии помешали осуществлению замысла. Так и простояла полностью готовая работа в бывшей мастерской Б.В. Эдуардса до середины 30-х гг., пока не была поставлена на газоне перед портиком художественного музея в Одессе.

В 1945 г. (к 155-летию взятия Измаила суворовскими «чудо-богатырями») в соответствии с постановлением Совнаркома Украины памятник был привезен в Измаил и установлен на центральном проспекте, носящем имя великого русского полководца.

Давно нет памятника в сквере Художественного музея, но в его постоянной экспозиции находится гипсовая модель (в натуральную

величину) статуи А.В. Суворова, выполненная Б.В. Эдуардсом в 1903 г. для монумента в г. Очаков в память Кинбурнского сражения 1788 г. Кроме того, в музее хранятся еще 17 работ скульптора.

Как же попали акварели О.Ф. Стояновой в Одесский муниципальный музей личных коллекций? Известно, что гостеприимный дом основателя музея А.В. Блещунова был своеобразным культурным центром Одессы, где собирались представители творческой интеллигенции города. Своеобразие личности хозяина, известного советского альпиниста, организатора и руководителя многих научных проектов Академии наук СССР, увлеченного коллекционера, собирателя предметов искусства, привлекала к нему самых разных людей. О том, как появились у него работы Олимпиады Стояновой, Александр Владимирович писал в воспоминаниях: «Стоянова, безусловно, была одной из лучших художниц Одессы. Она была доброй знакомой Максимилиана Волошина, и у них была оживленная переписка. Зная, что я люблю творчество М.А. Волошина, она подарила мне его акварели и письма к ней незадолго до своей смерти. А от ее наследников я получил в дар и работы самой Стояновой, которые ныне экспонируются в зале «Одессика».

Сегодня в 10 залах музея представлены более 3 тысяч экспонатов. Как и при жизни Александра Владимировича, сюда приходят его друзья и ученики, здесь проводятся выставки художников и коллекционеров. Музей живет, и открытия в нем продолжаются.

К. СИМОНОВ «СУВОРОВ»: ПОЛКОВОДЕЦ ГЛАЗАМИ ПОЭТА

Г.Н. Николаева

Историк и поэт... Разными путями и с разных сторон они постигают истину. Если историк стремится установить факт, скрупулезно провести его исследование, проследить логическую зависимость явлений, то поэт по нескольким ярким деталям пытается воссоздать время, передать жизненную стихию, почувствовать общий дух эпохи. Историк и поэт по-разному изучают прошлое, но если оба работают добросовестно, то они не противоречат друг другу, а помогают в постижении истины. Историк исследует события, даты, имена, а поэт — характеры. «История народа принадлежит поэту», — говорил А.С. Пушкин в письме к Н.И. Гнедичу от 23 февраля 1825 года. Именно поэту с его зорким взглядом, чутким слухом, умением воссоздать живые картины и образы прошлого. Вот почему историческая поэзия никогда не была беспристрастным исследованием жизни. В самые напряженные моменты существования человеческого общества поэт обращался к истории народа.

В 1938 году К. Симоновым была создана поэма «Суворов». Поэт говорил: «Я хотел, чтобы прочитавшие поэму почувствовали, что за плечами русского народа стоит многовековая борьба за свою независимость». Ощущением приближающейся войны, тревогой поэта и его желанием напомнить о прошлых боях и победах русского народа объясняется обращение К. Симонова к исторической теме.

В поэме описан поход русских войск под командованием А.В. Суворова в Италию и Швейцарию, предпринятый в 1799 году. За три с половиной месяца войска А.В. Суворова освободили от неприятеля всю Северную Италию и совершили необыкновенный по трудности переход через Альпы, который был назван самым выдающимся из всех современных альпийских переходов. Однако на первом плане в поэме К. Симонова не исторические события, а характер главного героя произведения, являющийся духовной опорой в грядущих испытаниях. Чувство любви А.В. Суворова к Родине изображено в поэме как проявление высшего нравственного долга человека. Это чувство соединяет полководца и солдат, дает им силы переступить через свои беды и страдания, пережить гонения и несправедливость. Что бы ни выпало на долю каждого из них, этому долгу изменить нельзя, он превыше всего.

Процесс внутренней борьбы в душе полководца между личной обидой и долгом перед Родиной является основой драматизма поэмы «Суворов». Недаром ее первая глава называется «Опала» и повествует о безумствах Павла, голштинского принца, который волею случая стал русским царем, но интересы и обычаи России ему были чужды. В павловском Петербурге нет места полководцу Суворову, и он коротает свои дни в деревенской усадьбе, «играя в шашки с денщиком» и слушая, как Прошка величает царя «татем» и «курносым немцем». Неожиданно вызванный в столицу, Суворов еще острее почувствовал, что «здесь все по-прусски, не по нем». Жутко становится старому полководцу.

Да где ж Россия?
Где настоящие полки,
Подчас раздетые, босые,
Полмира бравшие в штыки?

Покидая онемеченный Петербург, добровольно отправляясь в изгнание, Суворов живет надеждой на то, что «армия уйдет из плена голштинских палок и затей».

Во второй главе произведения, названной «Последний поход», Суворов показан командующим русской армией, освободившейся от гатчинской муштры. Несмотря на то, что в швейцарской дали «ночлег бездомный, марш бессонный» и «даже смерть», полководцу лучше жить там, где «штык ценней, чем галуны». Суворов и его войско преодолевают чудовищные трудности: им приходится ползти по горным откосам, штыками вгрызаясь в трещины, и сохранять боевой дух, несмотря на измену союзников и на то, что «в отряде больше нет ни фуража, ни дров, ни хлеба». И в этих условиях русские «чудо-богатыри» побеждают, а вдохновляет их старый фельдмаршал. В минуты уныния, тоски и сомнений суворовцы видят перед собой

Его упрямо сжатый рот,
Его херсонский плащ в заплатах,
Его летящую вперед
Походку старого солдата.

И Суворову, и солдатам чужды завоевательные цели войны, но, когда армия оказывается на грани катастрофы, фельдмаршал ведет свои полки не ради захвата чужих территорий, а во имя спасения

чести и достоинства Отечества. Суворовым в его последнем героическом походе движет чувство единения с народом и Россией. Чем яснее герой поэмы осознает ее тяжелую, «стократ проклятую» судьбу, тем сильнее становится его любовь к «родной, до слез знакомой земле». Патриотизм и мужество составляют сущность духовного мира А.В. Суворова, и в этом заключено современное звучание и значение исторически конкретного характера великого русского полководца.

К. Симонов не славословил А.В. Суворова. Поэта не увлекало изображение его триумфов. Автор сознательно выбрал в биографии фельдмаршала самые тяжелые и драматичные моменты: опалу, последний поход, смерть, что позволило показать героизм русского полководца в его истинном величии.

ЕСЕНЦИАЛ ДЕСПРЕ СУВОРОВ
(дупэ романул луй Ион Друцэ «Бисерика албэ»)

А.Г. Хропотинский

Каля луй Ион Друцэ спре кипул луй Александр Суворов дин романул «Бисерика албэ» ну есте ректилиние, чи синуоасэ, контрадикторие, дифичилэ. Еа-шь траже обыршия дин кытева фалий артистиче. Пентру а ле пункта аич ар требуи сэ ефектуэм о инкурсиуне ын лумя ероилор друциень ын женерал, ка сэ не думерим каре е предилекция, тендинца де базэ, алтфел зис, че типурь де ерой креазэ прозаторул ши драматургул Ион Друцэ.

Сэ ынчеркэм о дефиницие а карактерелор литераре друциене. Че репрезинтэ ка типурь артистиче ши персонаже литераре, сэ зичем, мош Михаил, челебрул фэурар ал санией («Сания»), Георге Дойнару, чел нумит де Друцэ «ун роб ал пэмынтулуй» («Фрунзе де дор»), Василуца чя харникэ ши господинэ, каре-шь жертфеште проприя феричире де фемее де драгул курэцением сфинте а касей марь («Каса маре»), Тата, цэранул-филозоф, каре ынчяркэ сэ-шь адуне акасэ копиий збурэтэиць прин луме («Ултима лунэ де тоамнэ»), Мэтуша Руца, карей ун фел де «саре ын букате» ын тот кругул де ынделетничирь але плугарулуй («Пэсэриле тинереций ноастре»).

Че тип де ом есте Онаке Кэрэбуш («Повара бунэтэций ноастре») ши Павел Русу («Пэсэриле тинереций ноастре»), Кэлин Абабий («Фрумос ши сфынт») ши Гицэ («Мырцоага ку зургэлэй»), Хория («Клопотница») ши Пэсторул («Тоягул пэсторией»), Самаритянка («Самаритянка») ши Дойна («Дойна»)?!

Вом зиче кэ сынт ниште оамень дин попор? Да, сынт ламура а тот чея че нумим ной тип сау кип дин попор. Тотуш ну ва фи пречисэ дефиниция ноастрэ орькыте калитэць ши трэсэтурь ле-ам дескопери ероилор друциень: презенца де спирит, ынцелепчуня, бономия, хэрничия, дар ши ындэрэтничия, персеверента, ынкэпэцынаря... Тоате ачесте калитэць ну вор фи декыт ной фацете але ачелуяш кип дин попор, ом динтр'о букатэ, карактер популар, дефинит ексчелент кяр де Друцэ ын фарса «Cervus divinus» прин гура ероулуй-журналист Негриш — *«типурь популаре»*. Е спус лаконик, дар ын акчепция луй Друцэ ачештъ ерой сынт о пятрэ де ынчеркаре атыт пентру семений лор, кыт ши пентру сочиетате. Ачештъ типь с»ау оприт ка ун ос ын гыт, кынд сочиетатя тоталитаристэ а лансат кам-

пания де «едукаре а омулуй ноу». Прин фибреле тайниче але унор лежь нескрисе де ыннемуире популарэ ачесте кипурь репрезинтэ попорул. Фэрэ а фаче парте дин карева номенклатурэ, фэрэ а авя карева ымпутерничирь, ачесте кипурь популаре репрезинтэ попорул ка ши кум илегал, кландестин, ымпрежураре каре пуне колективитатя, сочиетатя ынтр»о ситуацие деликатэ. А цине конт де опиния лор — ну авем дрептул, дар нич сэ-й игнорэм ну сынтем ын старе. Негриш, ероул фарсей, тэлмэчеште каре есте трэсэтура дефиниторие а унуй тип популар: «*Минтя, минтя пентру ынчепут, яр апой тоате челелалте*».

Ачаста ар фи уна динтре фалииле дин каре а избукнит ероул дин романул луй Друцэ — Александр Суворов. А афирма, ынсэ, ачест лукру, ынсямнэ а спуне доар о парте дин адевэр.

Спре кипул луй Суворов Ион Друцэ а ажунс ши прин проприя експериенцэ де фост осташ ынтр'ун деташамент дин Тираспол, унде тимп де 4 ань а фэкут армата ла катарамэ акум 54 де ань.

Есеул «Ын зодия фуртунилор» дескиде о филэ дин ачастэ епопее: «*Тирасполул, унде ми с'а ынтымплат сэ фак армата, а зис: гата, товарэш Друцэ, ку сатул с'а терминат. Мь-е гроазэ ши азь кынд мэ гындеск ла кинуриле немайпомените прин каре мь-а фост дат сэ трек. Ка сэ ми се парэ май ушоарэ кэтэния, мэ депласам ынтр'о луме а виселор, конструям субьекте ши ситуаций ку немилуита... Цин минте кошмарурile де тоамнэ тырзие, нумите «маневры приближенные к боевой обстановке». Шапте-опт зиле ку арма, муницииле ши тоатэ господэрия остэшаскэ ын спинаре. Апроапе о мие де километри пе жос, мержям зи ши ноапте. Мэ салва харул артистик. Стау пе-ун дял ын зорь де зи ши ынчеп а депэна о повесте. Ын зорь, кыцьва плопь, пе малул мэрий. Порним, деч, ла друм. Ну доведеск сэ ротунжеск субьектул, ши мэ вэд де акум реземат де плопь. Кум а мерс, кум ам ажунс, хабар н'а-вям...*» (Ион Друцэ. Ора жертфирий. — К.: Картя Молдовей, 1998. — П. 34).

Спре кипул луй Суворов прозаторул а венит прин експериенца атытор кипурь де фоштъ осташь... Примул есте Онаке Кэрэбуш, партичипант ла ынтыюл рэзбой мондиал, каре се ынтоарче акасэ токмай дин Туркестан. Урмязэ челебрий осташь Павел Русу ши Кэлин Абабий, античипаць де епизодичий ерой Андрей, бэрбатул Василуцей, де танкистул Николае, каре попосеште тимп де о лунэ ын ограда луй Кэрэбуш, осташий дин нувела «Мургул ын Кримея», Икимаш, ероул контузионат дин «Фрунзе де дор», Михай Груя, Мирчя Морару...

Деч, прозаторул Ион Друцэ ла ора кынд а пурчес ла елабораря романулуй «Бисерика албэ» се афла ын темэ. Тотуш рэзбоюл русо-турк дин 1787–1791 – периоадэ ла каре се референ романчиерул ын ачастэ фрескэ артистикэ – а констатат ун екзамен ал луй Ион Друцэ ла проба конфрунтэрий документулуй историк ку фикциуня артистикэ. Дакэ, сэ зичем, Екатерина ча микэ, мош Пасэре, пэринтеле Гэинэ, кэлугэрул Иоан, фраций Крунту сынт ниште кипурь литераре креате де фантезия ши имажинация скрииторулуй, апой ла интеркаларя ын роман а Екатериней а II-а, а луй Григоре Потьомкин, а луй Александр Суворов ш. а. прозаторул а конкурат ку савантул-черчетэтор ал историей.

Биография женералисимулуй Александр Суворов ын рэзбоаеле русо-турче (1768–1774, 1787–1791) се констиуе дин пажинь глориоасе атыт пентру история арматей русе, кыт ши пентру релациile русо-молдовенешть, каре ар фи демне де инспирацие пентру скрииторий ноштри. Ион Друцэ, деши й-а авут де предечесорь ын абордаря темей пе Ион Канна («Ла Вадул луй Суворов») ши пе Леонид Корняну («Изворул фрэцией»), креазэ о операэ де пионерат. Де менционат, литература русэ ну авя ла дата креэрий романулуй «Бисерика албэ» (1975–1981) о лукраре артистикэ де талия ши нивелул артистик романулуй друциян. «Фаворит» луй Валентин Пикуль авя сэ апарэ май тырзиу...

И. Друцэ, се чере де спечификат, ну креазэ ун роман деспре Суворов, де ачея ну вом густа дин фармекул скрисулуй друциян, кэутынд сэ не делектэм ши сэ-л дескоперим пе Суворов-солдатул, ын Рэзбоюл де шапте ань сау ын луптеле де ла Смоленск ла Вилно, нич ла Туртукая ши Козлужи, нич ла Кинбурн ши Очаков, нич ла Фокшань ши Рымник. Друцэ ышь кончентрязэ атенция доар ла ун сингур епизод дин биография де луптэ а лежендарулуй командант рус де ошть – кучерия четэций Измаил. Дин пунктул де ведере ал структурий композиционале а романулуй, капитолул IX, ын каре чититорул я акт де куноштинцэ деспре ероул литерар Александр Суворов, ам зиче, есте кулминант. Есте кулмя акциунилор милитаре але арматей русе ын рэзбоюл русо-турк, дар ши ын еволуция де май тырзиу а дестинулуй молдовенилор дин Басарабия, каре дупэ Пачя де ла Букурешть ынтрэ ын компонента статулуй рус. Прозаторул ышь ынтитулязэ капитолул «Фачеря импосибилулуй». Ауторул креазэ о панорамэ а рэзбоюлуй, демонстрынд васте куноштинце историче, о профундэ документаре ын проблеме де жеостратежие ши политикэ: *«Дупэ патру ань де лупте крынчене, рэзбоюл русо-турк а ажунс ла ачя дра-*

матикэ рэскруче, кынд — нич ту паче, нич рэзбой.» Друцэ крейонязэ ку мэестрие рапортул де форце, кынд четатя Измаил девенисе кея де болтэ ын солуционаря конфликтулуй милитар: *«Измаилул плутя ка о умбрэ де нор песте тратативеле де паче орь тратативеле прелиминаре, кум се нумяу еле атунч. Ку тоате кэ амбеле пэрць кэутау нич сэ н'о поменяскэ, дупэ фиече фразэ май цепоасэ, дупэ фиече шовэялэ сау ворбэ спусэ ын дой перь се аскундя Измаилул. Руший, неавынд кэй сигуре пентру апровизионаря арматей, нич ну ерау ын старе сэ аседиезе Измаилул — аста турчий о штияу пря бине. Пе де алтэ парте, штияу ши руший кэ Измаилул ера ултима сперанцэ а отоманилор, ши, пьерзынд-о, ну ар май фи фост ын старе сэ опунэ резистенцэ пынэ ла Константинопол».*

«Импосибилул» ын акчепция прозаторулуй капэтэ о конотацие ши о семнификацие де филозофие а тактичий ши теорией милитаре, о филозофие а ероизмулуй остэшеск, о филозофие а ачелуй дифичил рэзбой де апэраре а крештинэтэций: *«Капитала лумий православниче кэзусе прадэ ынлоелилор ши несигуранцей. Министрул де рэзбой, фелдмарешалул Салтыков черя дин Петербург кучерия Измаилулуй. Потьомкин рэспундя де ла Яшь, кэ, фэрэ о комплектаре а трупелор ку резерве ной, кучерия Измаилулуй есте о афачере импосибилэ. Петербургул черя сэ се факэ импосибилул. Де алтфел, дакэ ар фи сэ урмэрим история Империулуй Рус дин ачест пункт де ведере, с'ар путя ушор обсерва кэ, ын анумите моменте кручиале, се ажунже ла ситуация кынд а май фаче ун пас ну ажунг путерь, дар нич кэ фэрэ пасул чела ну се поате, ши атунч апаре испита де а фаче импосибилул».*

Ион Друцэ, интеркалынд ын роман ачастэ етапэ де импакт, не фамилиаризязэ ку биография ши карактерул неординар ал луй Суворов прин интермедиул релациилор дифичиле ку Григоре Потьомкин, командантул супрем ал арматей русе. Колизия тачитэ динтре чей дой милитарь скоате ын релиеф трэсэтуриле конклуденте але ачестуй оризинал «тип популар»: *«Суворов, прецуинду-л пе Потьомкин ка бэрбат де стат, ну пуня маре прец пе ынсушириле луй де командант. Пе де алтэ парте, Потьомкин, стимынд ероизмул бравулуй женерал, се кам темя де ынцепэтуриле провербиале ши де куражул несэбуит, дус пынэ ла лимита кынд риска а се трансформа ынтр'о куратэ небуние».*

Прозаторул ну драматизязэ ын мод делиберат евениментеле дин роман, чи се конформязэ ситуацией реале, каре поате фи верификатэ

ку документул ын мынэ, ситуацие че се креасе ын десфэшураря евениментелор де пе фронт. Цинут ын резервэ, афлат ын дизграцие дин кауза либертэций интериоаре а спиритулуй сэу, тотуш Суворов ну апаре ка ун ероу ынвинс, ынфрынт де ымпрежурэрь, чи ка ун ребел, актив, жовиал, хэзос, каустик ши арцэгос ын позитивул сенс ал кувынтулуй: *«Хазардул а врут сэ-л скоатэ пе Суворов дин резервэ пентру а вени ын ажуторул армателор аустриече, командате де Кобург. Луптеле де ла Рымник ши Фокшань, ын каре а фост нимичитэ апроапе о жумэтате дин армата Империулуй Отоман, ну ау скимбат чине штие че атитудиня Командантулуй Супрем фацэ де арцэгосул сэу женерал. Дупэ че л-а декорат, дупэ че ымпэрэтяса л-а примит ын аудиенцэ, акордынду-й супранумеле де «Рымникский», Потьомкин ярэ л-а ынфундат ын резервэ. О тоамнэ лунгэ, речe ши плойоасэ а стат корпул женералулуй Суворов-Рымникский суб Фокшань ын аштептаря ординулуй. Осташий луй Гудович зи де зи респиншь де лутул ши фокул Измаилулуй, турчий плэмэдеск о арматэ де песте о сутэ де мий, Петербургул чере кучериря кыт май грабникэ а Измаилулуй, яр пе друмул че кобоарэ де ла Яшь спре Фокшань ну се май аратэ куриерул ку мулташтептата депешэ»*.

Александр Суворов сосеште ла Измаил ла сфыршитул ултимей лунь де тоамнэ, кынд кэпитанул Барятынский, «ун тинерел звелт, ку фаца куратэ, лунгэряцэ, фрумоасэ», «унул дин кипуриле, каре, даторитэ ымпрежурэрилор, пот ажунже пынэ ла урмэ пе икоане», ый адуче рескриптул луй Потьомкин, каре-й «пермитя корпулуй командат де Суворов сэ-шь пэрэсяскэ дизлокаря, порнинд ын марш форцат спре гура Дунэрий».

Суворов ын романул луй Друцэ апаре ка ун крештин. Ачастэ трэсэтурэ е релиефатэ де прозатор прин мичь, дар семнификативе деталий: Барятынский *«пэря ну атыт куриерул марелуй стат мажор, кыт Ынжерул Буней Вестирь»*; *«—Азь не одихним, мыне не ругэм, поймыне — сус, ын четате, орь жос, ын мормынт»*; *«Думнезеуле, — се ынтрябэ Суворов,— пентру че м'ай педепсит, фэкынду-мэ сэ-мь трэеск вяца пе малул унуй рыу де сынже?»*; *«Ла о рэскруче, с'а оприт ын фаца уней привелиштъ кум ну се май вэзусе пынэ атунч. Ун обуз, нимерит ынтр'о бисерикуцэ де ла маржиня орэшелулуй, о дэрымасе ку десэвыршире, дар алтарул челей бисерикуце се ынэлца ын мижлокул руинелор ынтрег ши благочестив, де паркэ нич ну аузисе де рэзбой. Пынэ ши ын кандела дин фаца Рэстигнирий ликэря ун боб де луминэ — орь кэ о*

апринсесе чинева, дупэ ненорочире, орь кэ, кум ардя пынэ ла експлозия обузулуй, аша а ши рэмас сэ ардэ.

— Доамне, ерта-не-вей вре-о датэ пентру фэрэдележиле ноастре?»

Пе ачастэ линие а крединцей ортодоксе есте реализат кипул оштянулуй ши командантулуй де ошть Суворов. Друцэ ну форцязэ нота ка сэ дя о рипостэ литерарэ адверсарилор луй Суворов, каре-й инкриминау кэ тоате викторииле луй сынт зидите пе морманеле де кадавре але осташилор рушь кэзуць ын луптеле ку инамикул. Прозаторул креазэ ун кип дин попор, модест, бун приетен ал осташилор, каре прин екземплул персонал, прин куражул, бэрбэция ши витежия, прин проприул трибут де сынже мобилиза оастя ла «фачеря имposибилулуй».

Ион Друцэ пэтрунде ын меканизмул рэзбоюлуй, десчифрынду-не тайнеле глорией милитаре але луй Суворов ну прин поетизэрь гратуите сау прин декларацій неакоперите де аргументе, ну не ынфэцишазэ ун ерой идеал. Порнинд де омул Суворов, грижулиу фацэ де фийкэ-са «Суворочка», пентру каре имажинар гэсисе ун мире ын кэпитанул Барятынский, Друцэ ыл зугрэвеште ка пе ун неынтрекут стратег милитар (*«Ынтр'о дездедиминяцэ васеле луй Дерибас апар суб зидул четэцій ши ынчеп сэ трагэ салве уна дупэ алта, фэкынду-й пе турчь сэ крядэ кэ мареле асалт а ши ынчепут. Ын ачелаш тимп, фолосинду-се де паника стырнитэ, о екипэ де инжинерь уркэ зидуриле ын партя опусэ а четэцій ши ынтокмеск о скемэ кум ну се май поате де амэнунцитэ, спечификынд казэрмиле, граждуриле, бечуриле, магазииле ши тот че се май афла аколо. Ку время, марий куноскэторь ай епочий ерау ынклинаць сэ крядэ кэ скемеле фэкуте ау конституит темелия, пе каре май апой Суворов шь-а зидит уна дин челе май стрэлучите бируинце але сале»*.), ка пе ун командант каре-шь лукра ын деталий планурile виитоарелор бэтэлий. Сченеле, ын каре ауторул не ворбеште деспре «макета четэцій», асалтатэ тимп де шапте зиле де осташий рушь, ни-л презинтэ ка пе ун женерал ку спирит де жениу ын арта милитарэ. Суворов ын роман апаре ши ка ун абил психолог. Атунч кынд колоана луй Кутузов *«уркатэ пе зимцул четэцій пэря кэ дин клипэ ын клипэ ва фи арункатэ ынапой»*, *«Суворов ый тримите ун билецел прин каре ый комуникэ нумиря са ын функция де командант ал Измаилулуй»*. Ши ачел билецел аре о форцэ мажикэ — осташий луй Кутузов се менцин пе зидуриле четэцій. Суворов есте оглиндит ка ун веритабил зеу ал рэзбоюлуй, каре штие сэ ынтоаркэ

ынфрынжеря ын избындэ: «*Принчипалул ера сэ фие колоанеле адусе ла градул чела де ынкрынченаре, кынд омул, ынтр'адевэр, поате фаче импосибилул*».

Екземплул персонал, ынсэ, есте калул принчипал де бэтае ал женералулуй-аншеф: «—*Стрэпунже ши тае!! — ордонэ Суворов, дупэ че-а уркат ши ел ку статул мажор пе зидуриле четэций. — Багэ байонета ын пэгынь!!*»

Сченеле баталиче де ла асалтул четэций ши дин четате, мишкаря маселор де осташь суб багета мажикэ а луй Суворов ла кучериря Измаилулуй не ворбеск дестул де елоквент кэ прозаторул ле-а креат ын клипа де максимэ инспираций, деоаречe прин еле а демонстрат кыт де валороасе дин пункт де ведере политик ши милитар сынт кучеририле Русией ын ачел рэзбой ку турчий. Прин «фачеря импосибилулуй» де кэтре армата кондусэ де Александр Суворов Друцэ афирмэ ын субсидиар, артистик, прин кипурь де оштень бравь ши команданць челебри, крейонате емоционант, кэ де аич се скимбэ ун ынтрег курс ал историей мелягурилор молдовенешть. Аич, ла Измаил, Александр Суворов пуне темелия ынфрэцирий секуларе але територииlор ноастре.

Ын челе 12 пажинь де роман прозаторул Ион Друцэ кончентрязэ о вяцэ де жениал кондукэтор де ошть, сурпринзынду-л пе Суворов ын клипа луй астралэ, ын апожеул сэу де инвинчибил едификатор ал марей Русий, дар ши де бэрбат ку колоана вертикалэ дряптэ, де ом ку характер, кип дин попор, пентру каре осташул де рынд, омул де жос есте аверя чя май де прец. Счена апарицией луй Суворов ла Яшь ынтр'о кэруцэ цэрэняскэ пе ниште хлужань, зугрэвитэ ын пасте денсе, експресиве, ни-л презинтэ пе Суворов ка пе ун кип интегру, каре сфидязэ мофтуриле ши луксул че-л ынконжура пе Потьомкин: «*Трече тимпул, ши Суворов ну се май аратэ. Модест, цепос ши ындэрэтник кум ера, нимень ну путя шти кынд ануме а сосит, ла чине а трас. Ын сфыршит, пе ла амязэ, апаре ын лунгул уличоарей о почитурэ де кэруцэ трасэ де доуэ глоабе. Трекынд песте глодуриле ынцепените де фриг, ходороага чея стырня о лармэ, кэ ешисе тот Яшул афарэ сэ вадэ: че се петрече? Кэрэушул, ун мошняг ку кушма трасэ пе окь, фэчя че фэчя ши хай май апроапе де палат. Апой маре а фост уймиря тутурора, кынд ын фундул карулуй чела а фост зэрит, шезынд пе ниште огринжь, ероул луптелор де ла Измаил.*

Вэзынду-л пе Потьомкин ку ынтряга са курте ешинду-й ын ынтымпинаре, Суворов ну се грэбя сэ кобоаре. Се тот кодя ши фосэя,

менцинынд почитура де трэсурэ ын атенция тутурора. Кынд ачя жалникэ сэрэчие шь-а атинс скопул, сэри жос, фэку кыцьва пашь спре Командантул Супрем.

— *Луминэция воастрэ, Измаилул е кучерит!*

Налт ши войник кум ера, Потьомкин а порнит ку брацеле десфэкуте пентру а-л стрынже ла пьепт пе жосуцул, фиравул Суворов.

— *Драгул меу, я вино сэ те пуп ...*

Ку фаца ши ку суфлетул арсе де фокул луптелор прин каре трекусе, Суворов стэтя немишкат, ши брацеле атотпутерникулуй княз ын челе дин урмэ коборырэ недумерите.

— *Ши акум, че сэ-ць дау, ку че те-аш путя декора?*

Субцире ла образ кум ера, ероул де ла Измаил се помени де одатэ умилит. Реешя кэ, дупэ че а скэлдат ын сынже Измаилул, дупэ че шь-а ынмормынтат флоаря оштирилор сале, акум якэтэ-л, вине ын фаца атотпутерникулуй княз пентру а-шь прими дистинцииле кувените...

— *Тямэ-мь есте, луминэция воастрэ, кэ н»о сэ мэ путець дистинже ку нимик.*

— *Де че адикэ?*

— *Пентру кэ асалтаря Измаилулуй а фост о афачере ку тотул импосибилэ.*

— *Ну зик, импосибилэ а фост, дар, славэ Домнулуй, минуня с'а сэвыршит. Ши, сэрбэторинд бируинца, де че ну л-ам путя дистинже пе ероул ачестей избынзь?*

— *Пентру кэ обцинеря импосибилулуй се фаче нумай ши нумай ку ажуторул Домнулуй, яр чея че вине дин чер ну май аре невое де нич о рэсплэтире пэмынтяскэ.*

Ачастэ репликэ л-а костат пе Суворов градул де фелмарешал, пе каре урма сэ-л примяскэ ын урма кучеририй Измаилулуй, ши пе каре, фиреште, ну л-а примит. Аша е, де... Либертатя кужетулуй чере, кынд ыць скапэ о ворбэ де дух, сэ плэтешть кыт ну фаче, ши, дакэ ций неапэрат сэ фий либер, требуе сэ акоперь келтуяла, н'ай ынкотро».

Есте о пажинэ де о сужестивитате екстраординарэ, де каре ну с'ау май скрис ын проза ноастрэ.

Ла апарицня романулуй Андрей Лупан, мареле ктитор, адмиратор ши приетен ал луй Ион Друцэ, ый скрия: *«Тоатэ акциуня е ынкэркатэ де вяцэ крудэ, паркэ руптэ дин реал, ши тотодатэ есте елаборатэ драматик ши динамик ла градул суперлатив. Мештерул каре ле ангренязэ рэмыне стэпын пе ситуацие, паркэ акциуня е детерминатэ де ынсэшь фиря лукрурилор... Тот ангренаментул ачеста ши ку епизоаделе де луптэ пе мине мэ уймеск прин веро-*

симил, аш зиче, прин компетенца професионалэ ын арта рэзбоюлуй. Ле-ай аранжат тоате астфел, ынкыт фелул чокнирилор есте иневитабил, е артэ милитарэ ын челе май спечифиче ымпрежурэрь натурале. Ши кипул оаменилор, каракгеризаря принтр'о ситуацие-фулжер...».

РЕЗЮМЕ
ГЛАВНОЕ О А.В. СУВОРОВЕ
(ПО РОМАНУ ИОНА ДРУЦЭ «БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ»)

Автор статьи анализирует образ великого русского полководца А.В. Суворова, изображенный в кульминационной главе «Свершение невозможного» романа «Белая церковь» известного молдавского прозаика, драматурга и публициста Иона Друцэ. Исследователь приводит веские аргументы в пользу того, что писатель пришел к образу А.В. Суворова, основываясь на собственном опыте солдата, служившего в одном из гарнизонов г. Тирасполь 54 года тому назад, а также на опыте своих популярных героев: Онаке Кэрэбуша из романа «Бремя нашей доброты», сражавшегося на фронтах Первой мировой войны, и своего зятя Мирчи Морару, возвратившегося орденоносцем с Великой Отечественной войны, Кэлина Абабия из «Птиц нашей молодости», а также множества солдат, вернувшихся и невернувшихся с поля брани — контуженного Икимаша из «Листьев грусти» и покойного бойца Андрея, мужа Василуцы из пьесы «Каса маре» и др. Александр Суворов из романа «Белая церковь» И. Друцэ родственен мудрецам и народным философам, убеленным сединой, ярко охарактеризованным в пьесе «Рыжая кобыла с колокольчиком» журналистом-краснобаем Негришем: «Видите ли, по моим наблюдениям, камень преткновения всех наших усилий по воспитанию нового человека — это народные типы. Они застряли у нас, как кость в горле, потому что по каким-то таинственным законам родства эти народные типы, конечно же, представляют народ. Не состоя в номенклатуре, не имея на то полномочий, эти народные типы представляют народ как бы нелегально, подпольно, и тут мы поставлены в дурацкое положение. Считаться с ними не имеем права, игнорировать тоже не можем».

А.В. Суворов изображен в романе глубоко верующим христианином-ортодоксом, великим стратегом и своеобразным богом войны, скромным и непритязательным воином, пользующимся большим авторитетом и популярностью среди солдат, непревзойденным психологом,

умевшим в кризисный момент словом и личным примером, отвагой, обернуть поражение в победу. В эпизодах взятия Измаильской крепости показан легендарный полководец, который совершает невозможное; в батальных сценах он проявляет мудрость и чувство собственного достоинства, мастерство и искусство в военном деле. В кульминационной главе романа литературный критик обнаруживает основной подтекст произведения, в котором сконцентрирована и сфокусирована его идея: в Измаиле определилась судьба молдавского народа, был решен вопрос о вхождении края в состав великой и могущественной России. Так, христианский мир получил существенную братскую помощь в борьбе с наступающим мусульманским миром. И. Друцэ рисует А.В. Суворова как остроумного, жизнерадостного и непредсказуемого героя. С особым вдохновением писатель описывает приезд А.В. Суворова после взятия крепости и его рапорт о победе: «Наконец, около полудня из глухого переулка показалась длинная молдавская телега — каруца. Она так безбожно скрипела и грохотала по замерзшей, запорошенной снегом грязи, что половина населения города высыпала на улицу. Старик молдаванин, управлявший своими клячами, почему-то норовил как можно ближе подъехать к дворцу Маврокордата. Каково же было изумление гостей светлейшего князя, когда из каруцы показался сидевший на кучке полуобглоданных стеблей кукурузы герой Измаила.

Изумленный князь вышел ему навстречу. Выбравшись не без труда из этой допотопной телеги, А.В. Суворов подошел к фельдмаршалу и отрапортовал усталым и грустным голосом:

— Ваша Светлость, Измаил взят.

Разведя свои огромные ручищи, Потемкин загрохотал:

— Друг мой сердечный, иди, я тебя расцелую...

А.В. Суворов стоял, не двигаясь. Тогда Светлейший сам сделал несколько шагов навстречу.

— Скажи, чем мне тебя наградить?

Получалось так, что, положив под Измаилом несколько тысяч лучших своих воинов, А. В. Суворов теперь явился за наградой.

— А наградить меня вы никак не можете, — заартачился он вдруг.

— То есть почему не могу?

— Потому что взятие Измаила есть дело невозможное.

— Положим, так, но ты же свершил это невозможное дело! Почему же мне тебя в таком случае не наградить?

— Потому что за свершение дел невозможных наградить может один только Бог.

Эта реплика стоила А.В. Суворову фельдмаршальского жезла, который он должен был получить за взятие Измаила. «Что поделаешь? Свобода человеческого духа иной раз запрашивает за миг рожденного хлесткого слова совершенно немыслимую цену, и тому, кто этой свободой дорожит, приходится платить».

Среди других образов романа А.В. Суворов выделен прозаиком с особой одухотворенностью, проникновением и душевной теплотой. В один ряд с А.В. Суворовым по художественной завершенности можно поставить лишь Паисия Величковского и Екатерину маленькую. Великий русский полководец вполне вписывается в ту шеренгу «народных типов», созданных И. Друцэ в своих новеллах, драмах и романах, которые запоминаются.

А.В.СУВОРОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

СУВОРОВСКИЙ ПАМЯТНИК КАК СИМВОЛ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

И.М. Благодатских

Понятие «памятник» воспринимается неоднозначно, но слову этому издавна придается, прежде всего, смысл напоминания о прошлом, а, следовательно, и побуждения к ассоциациям, связывающим прошлое и настоящее. Памятником обозначают и то, что сделано для облегчения памяти, что является символом определенного явления, состояния (героизм, страдания, любовь, жестокости, творчества, патриотизма), возраста и, наконец, государственной идеи[1].

Имя А. В. Суворова всегда имело особое значение для г. Тирасполь, основателем которого он считается, хотя в обсуждении краеведами этой темы было немало толкований и разночтений. Важное значение для развития суворовской темы в нашем крае имело сооружение к 250-летию со дня рождения полководца в центре Тирасполя памятника А. В. Суворову. Он представляет собой конную скульптурную композицию, выполненную в бронзе Ленинградским заводом «Монумент-скульптура» в октябре-декабре 1978 г. по модели московских скульпторов Владимира Алексеевича и Валентина Алексеевича Артамоновых. За создание монумента Вл. и Вал. Артамоновы были удостоены Золотой медали Академии художеств им. Е.В. Вучетича, звания «заслуженный деятель искусств МССР». По воспоминаниям авторов, поиск образа был непростым. Их замыслу помог сформироваться образ генералиссимуса, созданным московским актером Н.К. Черкасовым с фильме «Суворов» В.И. Пудовкина и М.И. Доллера[2]. Вес скульптурной композиции в бронзе – 23 т., высота с поднятой рукой – 9 м, фигура А. В. Суворова стоя на стременах – 5,1 м. А.В. Суворов изображен стоящим на стременах, с поднятой вверх рукой, без головного убора, с развевающимся плащом, в его скульптурном облике воплощена сила духа, уверенность в победе[3].

Памятник был открыт 23 ноября 1979 г., в этот день на центральной площади города состоялся митинг, посвященный этому событию. Право открытия памятника было предоставлено уроженцу Тирасполя, герою Советского Союза, кавалеру ордена Суворова В.А. Бочковскому. Памятник стал достопримечательностью города, его центром, визитной карточкой, уже на изданиях 1980-х гг. появилось изображение памятника как эмблема города.

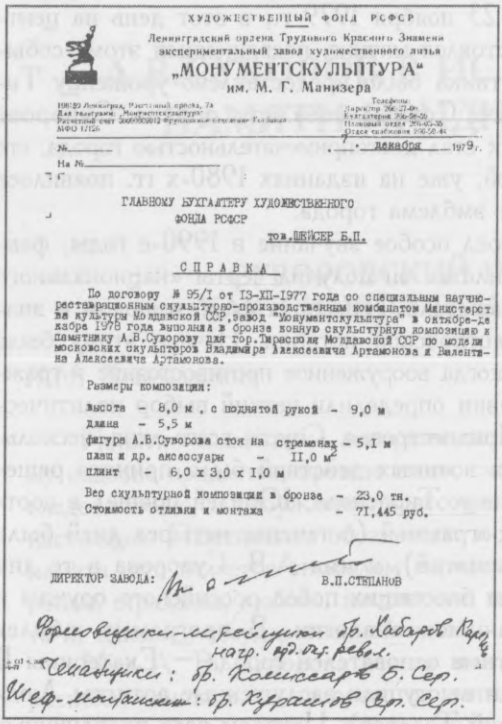
Образ Суворова приобрел особое звучание в 1990-е годы, фактически за последнее десятилетие он получил черты «национального героя Приднестровья». Основатель Тирасполя стал символом и знаковой фигурой всей приднестровской истории. Начало этому было положено в 1991–1992 гг., когда вооруженное противостояние и гражданский конфликт в Молдавии определили четкий выбор политической ориентации населения Приднестровья. Спустя всего лишь несколько месяцев после окончания военных действий было принято решение отпраздновать 200-летие г. Тирасполь. Юбилей прошел в соответствии с многодневной программой (в течение четырех дней было проведено свыше 40 мероприятий), и имя А.В. Суворова в те дни воспринималось как синоним блестящих побед российского оружия и вызывало вполне «прозрачные» аналогии. В программу юбилея был включен парад с участием основателей города – Екатерины II и А.В. Суворова (в их роли выступили заслуженные артисты Людмила Байрактарова и Евгений Толстов). Центром всех праздничных мероприятий стала центральная площадь г. Тирасполь, с 1992 г. носящая имя А.В. Суворова.

Важно отметить, что особое вполне самостоятельное значение в общественной жизни Приднестровья в последнее десятилетие приобрел суворовский памятник. «Приднестровский, наш Суворов» появился на флаге Объединенного совета трудовых коллективов (ОСТК), организации, сыгравшей ведущую роль в становлении приднестровской государственности, а также Женского забастовочного комитета, возникшего в дни ареста руководителей Приднестровья и начавшего блокаду железной дороги. В сентябре 1991 г. появилось несколько таких флагов, все они были выполнены вручную и представляют собой уникальные образцы стихийного политического творчества.

Перечень объектов, на которых сегодня в Приднестровье используется как символ-клише суворовский памятник поистине безграничен:

– государственные награды ПМР;

– отличительные знаки и Боевое Знамя Республиканской гвардии ПМР;



ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОНД РСФСР

Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени
экспериментальный завод художественного литья
„МОНУМЕНТСКУЛЬПТУРА"
им. М. Г. Манизера

Телефоны:
Директор 356-27-49
Бухгалтерия 356-56-05
Плановый отдел 356-40-36
Отдел снабжения 356-52-44

№ _____ . декабря 1978 г.
На №

ГЛАВНОМУ БУХГАЛТЕРУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ФОНДА РСФСР
тов. ШЕЙСЕР Б.П.

СПРАВКА

По договору № 95/I от I3-XII-I977 года со специальным научно-реставрационным скульптурно-производственным комбинатом Министерства культуры Молдавской ССР, завод "Монументскульптура" в октябре-декабре 1978 года выполнил в бронзе конную скульптурную композицию к памятнику А.В.Суворову для гор. Тирасполя Молдавской ССР по моделям московских скульпторов Владимира Алексеевича Артамонова и Валентина Алексеевича Артамонова.

Размеры композиции:

Высота – 8,0 м, с поднятой рукой – 9,0 м
Длина – 5,5 м
фигура А.В.Суворова стоя на стременах – 5,I м
плац и др. аксессуары – II,0 м²
плинт – 6,0 х 3,0 х I,0 м

Вес скульптурной композиции в бронза – 23,0 тн.
Стоимость отливки и монтажа – 7I,445 руб.

ДИРЕКТОР ЗАВОДА: В.П.СТЕПАНОВ

Фрейлина-императрица Гр. Кабарга Кр.
нагр. кр. от. рев.
Генералы: Гр. Комиссаров Б. Сер.
Шеф-полковник: Гр. Курасов Сер. Сер.

Подлинник передан Н.Г. Шейсер
в фонды Тираспольского государственного
объединенного музея

— юбилейные медали и значки, вымпелы;

— юбилейные монеты;

— денежные знаки (на их лицевой и оборотной стороне);

— отличительные знаки общественных организаций (в том числе и молодежных);

— приглашения и программы на республиканские и городские, культурные и спортивные мероприятия;

— эмблемы приднестровских периодических изданий («Днестровская правда», «Днестровский меридиан», «За Приднестровье»);

— благодарственные письма и почетные грамоты различных ведомств и организаций;

— бланки и печати организаций;

— рекламные щиты и видеоролики, видеоклипы, заставки передач ТВ ПМР;

— календари (карманные, настенные, настольные);

— телефонная карта «Приднестровский и Тираспольский телеком»;

— троллейбусные талоны и проездные билеты;

— почтовые марки ПМР;

— обложки краеведческих изданий;

— визитки должностных лиц;

— упаковка для цейлонского чая «Граф Суворов», изготовленная по заказу фирмы «Шериф»;

— продукция Тираспольского винно-коньячного завода;

— канцелярские принадлежности.

Такая высокая степень «суворизации» позволяет говорить о фактическом существовании единственной в своем роде «суворовской

республики» в Приднестровье. Стихийный, более точно можно сказать инстинктивный выбор именно А.В. Суворова на роль «национального исторического героя», определен прежде всего масштабом исторической личности, связанной с историей приднестровских земель и в целом пророссийской ориентацией населения Приднестровья. Суворовский памятник стал в этом смысле символом общности исторической судьбы России (великий русский полководец) и Приднестровья (здесь, на нашей земле).

Распад Советского Союза, провозглашение независимых государств привело к кардинальному пересмотру общей концепции исторического образования и науки. На месте ее возникли новые исторические представления народов друг о друге и о себе. Интенсивный процесс, происходящий сегодня во всех постсоветских государствах одновременно, процесс написания «своей истории» (своего народа, своего государства) включает в себя несколько составляющих: создание учебного варианта национальной истории, война топонимов (масштабные переименования городов, улиц, районов), создание новой культурной, государственной и исторической идентичности, обретение государственной идеологии, формирование галереи национальных героев. Вероятно, десятилетие — чрезвычайно малый срок для исследования этих явлений. Однако, это стихийное движение и создание новой государственности, нового исторического сознания, которое сегодня демонстрирует и Приднестровье, несомненно, заслуживает изучения, ибо это тоже история.

---

[1] Шмидт С.О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Археография. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997. С. 267–280.

[2] Приднестровье. 16 ноября 1999 г.

[3] Буторина М.А. А.В.Суворов – полководец, человек // Из истории родного города. Тирасполь, 1998. Вып. 2. С. 3–7; Вакула Н.Д. Памятники Тирасполя // Там же. С. 50–53.

ОБРАЗ А.В.СУВОРОВА В СИМВОЛИКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПМР

В.И. Атаманюк

Наследие А.В. Суворова в общественно-политической жизни Приднестровской Молдавской Республики – необозримое поле для исследования. Важно отметить, что использование суворовского образа в качестве важнейшего структурного элемента символики Вооруженных Сил ПМР не было продиктовано директивами формирующегося в начале 1990-х годов политического руководства ПМР, а возникает по инициативе снизу, как свободное волеизъявление населения, проживающего в краю, связанном с именем А.В. Суворова.

Следует подчеркнуть, что сами силовые структуры оформились не в день создания Республики, которая была провозглашена II Чрезвычайным съездом народных депутатов всех уровней Приднестровья 2 сентября 1990 г., а только через год, когда над нею нависла реальная угроза агрессии и силового подавления, что привело к событиям 1991–1992 гг.

В период создания приднестровских Вооруженных Сил немаловажным являлся вопрос об их собственной символике. Начало его решения было положено 6 сентября 1991 г., когда Верховный Совет принял постановление о создании республиканской гвардии и были сформированы ее первые подразделения.

Одним из первых знаков отличия стал нарукавный знак «Республиканская гвардия», в центре которого изображен силуэт памятника А.В. Суворову. Он стал отличительным знаком подразделений Вооруженных Сил ПМР и обязательной частью их формы одежды. Знак был сохранен и после реорганизации республиканской гвардии. Становление Вооруженных Сил проходило параллельно с систематизацией и развитием их символики. Составной частью этого процесса стало принятие Президиумом Верховного Совета ПМР Постановления № 103 от 10 декабря 1992 г., которым было утверждено Положение о Боевом Знамени.

Вексиллология (от лат. *vexillum* – знамя) изучает все виды флагов, знамен, хоругвей, бунчуков, стягов, штандартов и т. п., их формы, структурные компоненты, геральдические или особые символические знаки, композиции цветов на знаменах и флагах; интерпретирует и устанавливает их происхождение, историческую роль, изменения с те-

чением времени, миграцию знаменной символики и цветов. Данные вексиллологии позволяют существенно дополнить представления о становлении государственных образований, принадлежности определенных территорий, структуре отдельного общества. Предметом вексиллологии является изучение социальных и целевых функций флагов, знамен, что дает возможность определить их роль и значение в жизни обществ и государств, получить необходимую информацию об истории государственных образований, жизни городов и т. д.

Первые упоминания о знаменах относятся к XII в. до н. э., когда в Древнем Китае, в период династии Чжоу, появились знамена белого цвета. Позднее появились знамена синего дракона, белого тигра, красной птицы, желтые флаги с драконом. В Древней Индии имелись боевые знамена красного и зеленого цветов с желтыми изображениями животных — их вывозили на колесницах или слонах. Возникновение феодального средневекового общества с его сложной иерархией сопровождалось появлением целой системы знамен, штандартов, флагов. Первые изображения ликов на знаменах относятся к средневековью, к эпохе крестовых походов. Одним из первых подобных изображений в Древней Руси стал лик Спаса Нерукотворного. В советский период на знаменах изображались лица реальных личностей: К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. Кроме того, известны изображения фигур во весь рост. Наиболее распространенным в современной российской вексиллологии можно считать изображение Георгия Победоносца, поражающего копьем змея как символ борьбы добра и зла.

Постановление Президиума Верховного Совета ПМР № 103 от 10 декабря 1992 г., которое утвердило Положение о Боевом Знамени, определило его описание и порядок изготовления. В описании говорилось, что Боевое Знамя представляет собой двойное шелковое полотнище размером 100×150 см, алого цвета с зеленой полосой шириной 25 см, расположенной посередине параллельно длинным сторонам. На одной стороне в середине полотнища изображен вышитый цветными шелковыми нитками Герб Приднестровской Молдавской Республики, а шелковыми нитками золотистого цвета вышиты номер и полное наименование части. На другой стороне в середине полотнища изображен вышитый шелковыми нитками на фоне белого круга черный силуэт памятника А.В. Суворову, вверху вышитые золотистыми нитками слова: «За Родину», а внизу — «Без страха и сомнения».

Слова, изображающиеся на знаменах имеют свое значение и конкретных авторов. На Боевом Знамени Вооруженных Сил ПМР — слова А.В. Суворова. В отличие от Георгия Победоносца, символи-

зирующего борьбу добра и зла, изображение А.В. Суворова, на наш взгляд, является предупреждением об агрессии.

Верховным Советом ПМР было принято Постановление от 3 ноября 1992 г. о присвоении за особые заслуги гвардейских званий и почетных наименований воинским подразделениям и частям. При этом наряду с Боевым Знаменем вручается и гвардейское знамя. Оно имеет традиционную гвардейскую двухцветную ленту с изображением А.В. Суворова и его знаменитой фразой: «Не числом, а умением». Части, не имеющие статуса отдельного воинского подразделения и права на Боевое Знамя, награждаются вымпелом с изображением суворовского памятника и тем же девизом: «Не числом, а умением». Кроме того, военнослужащие гвардейских подразделений носят нарукавный знак с изображением суворовского памятника.

Сохранена преемственность в символике нарукавных знаков первых гвардейских подразделений 1991 г. и современных Вооруженных Сил ПМР. Бережное отношение к отечественной традиции культивируется в приднестровской символике и геральдике, ведь это не просто внешний признак и деталь военного быта, но и средство воспитания патриотического чувства. Оно было присуще дружинникам Святослава, воинам Петра I, суворовским чудо-богатырям, солдатам Великой Отечественной войны. Честь солдата неотделима от его благородства по отношению к окружающим, в том числе к поверженному сопернику и населению побежденных стран. «Обывателя не обижай — он тебя кормит и поит. Солдат — не разбойник», — неоднократно отмечал А.В. Суворов. Авторитет суворовских солдат был необычайно высок, подтверждением чего служит поведение жителей Измаила, которые после взятия крепости в 1790 г., стали продавать русским солдатам продукты в долг, зная их честность и порядочность. Чувство долга, по мнению А.В. Суворова, вдохновляло солдат на ратные дела. Это наследие А.В. Суворова мы пытаемся донести до каждого солдата ПМР.

Одним из видов поощрения в Вооруженных Силах ПМР является награждение военнослужащего Почетной грамотой. На развороте грамоты изображен силуэт памятника А.В. Суворову. Кроме того, военнослужащие награждаются орденами и медалями. Одной из первых была учреждена медаль «Защитник Приднестровья», на которой изображен памятник А.В. Суворову. Одной из высших наград Республики является орден «За личное мужество», в центре которого портретное изображение А.В. Суворова. Наследие великого полководца служит делу защиты Отечества, преемственности лучших воинских традиций.

ОБРАЗ А.В. СУВОРОВА В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ ПМР

В.А. Загрядский

Образ А.В. Суворова, особо значимый для граждан Приднестровья, сформировался задолго до создания Приднестровской Молдавской Республики. В честь празднования 250-летнего юбилея со дня рождения в Тирасполе был установлен памятник А.В. Суворову. Таким образом тираспольчане отдавали А.В. Суворову дань не только как основателю города, но и как великому полководцу. Важно подчеркнуть, что Тирасполь был одним из крупнейших военных гарнизонов СССР, военные подвиги А.В. Суворова высоко чтились именно жителями города Тирасполя, среди которых всегда был значителен процент военнослужащих.

Приднестровские денежные знаки, введенные в обращение в 1993–2000 гг.

АССОЦИАЦИЯ
районных и городских Советов народных
депутатов экономической зоны
Приднестровского региона

278000, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 101. Тел. (04233). 3—43—37, 3—52—57

ПРОТОКОЛ №1

от 28 января 1992 г. г.Тирасполь

собрания учредителей хозрасчетного акционерного Расчетно-кассового центра экономической зоны Приднестровского региона

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Председатели районных и городских Советов народных депутатов экономической зоны Приднестровского региона районов: Слободзейского, Григориопольского, Рыбницкого, Каменского; городов: Бендеры, Тирасполя, Рыбницы, Дубоссары.

СЛУШАЛИ: Информацию представителя Тираспольского исполнительного комитета Совета народных депутатов САВЧЕНКО Вячеслава Алексеевича об экономическом обосновании создания на территории экономической зоны Приднестровского региона Расчетно-кассового центра.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Создать на территории экономической зоны Приднестровского региона Расчетно-кассовый центр с местом расположения в г.Тирасполе.

2. Поручить Тираспольскому городскому исполнительному комитету Советов народных депутатов как головной организации исполкомов городских и районных Советов народных депутатов экономической зоны Приднестровского региона зарегистрировать Расчетно-кассовый центр в г.Тирасполь.

3. Избрать председателем Совета акционеров-учредителей представителя Тираспольского исполкома Советов народных

депутатов ЗАГРЯДСКОГО Вячеслава Алексеевича.

Председатель
Тираспольского горисполкома А.Н.СМИРНОВ

Председатель
Каменского райисполкома К.И.МАТЫЧУК

Председатель
Бендерского горисполкома В.В.КОПУТ

Председатель
Дубоссарского горисполкома В.А.ЛИПАГИН

Председатель
Слободзейского райисполкома И.И.ОСТАПЕНКО

Председатель
Григориопольского райисполкома С. [illegible]

Председатель
Рыбницкого райисполкома И.Н.МАКЛЫНСКИЙ

Председатель
Рыбницкого горисполкома А.В.КАМИНСКИЙ

С О Г Л А Ш Е Н И Е

между Советом учредителей РКЦ экономической зоны Приднестровского региона

и Центральным банком Российской Федерации об организации расчетов

Совет учредителей РКЦ Приднестровского региона в лице Председателя Загрядского В.А. действующего на основании устава, и Центральный банк Российской Федерации в лице зам. Председателя Л.М. Алякиной, действующего на основании устава договорились о нижеследующем:

Статья 1

Расчеты между РКЦ Приднестровского региона и Центральным банком Российской Федерации производятся по вновь открываемым друг у друга с 1.07.92 года корреспондентским счетам.

Статья 2

Межбанковские расчеты за истекший период 1992 года, до 30 июня т.г. включительно завершаются в ранее действовавшем порядке с учетом "сумм в пути".

Статья 3

Для осуществления платежей в связи с переходом на расчеты по вновь открываемым друг у друга корреспондентским счетам Центральный банк Российской Федерации и РКЦ Приднестровского региона зачисляют на указанные счета суммы взаимного кредита в размере 500 млн.руб. Указанный кредит подлежит погашению за счет свободных средств на корреспондентских счетах, но не позднее 1.09.92 года. При отсутствии достаточного остатка средств на корреспондентском счете банка-корреспондента, операции по корреспондентскому счету прекращаются до оформления межгосударственного кредита.

Статья 4

По расчетам по вновь открытым корреспондентским счетам :

-платежи (операции) производятся только при наличии средств на корреспондентском счете :
-проценты по корреспондентским счетам не выплачиваются;
-расчеты производятся платежными поручениями, требованиями-поручениями и аккредитивами;
-выписки по корреспондентского счета высылаются друг другу, как правило, не позднее следующего рабочего дня после проведения

операции (платежа):
-корреспонденция высылается почтой,телексом или электронной почтой:

Статья 5

Взаимные обязательства Центрального банка Российской Федерации и РКЦ Приднестровского региона

возникшие в связи с несбалансированностью расчетов между Российской Федерацией и экономической зоной Приднестровского региона и отражаемые на корреспондентских счетах, открытых Банком России и РКЦ Приднестровского региона друг у друга,подлежат выяснению и урегулированию по взаимному соглашению,если они возникли до открытия с 1 июля т.г. новых корреспондентских счетов.

Статья 6

При проведении расчетов по вновь открытым корреспондентским счетам стороны руководствуются Положением о межгосударственных расчетах,являющегося неотъемлемой частью настоящего Соглашения.

Статья 7

Настоящее Соглашение действует по 31 декабря 1992 года. Срок действия настоящего Соглашения считается автоматически продленным на 1 год,если от одной из сторон к 20 декабря 1992 года не поступило предложения о его прекращении.

Зам.Председателя
Центрального банка
Российской Федерации

Л.М.Алякина

"16 " июля 1992 г.

Председатель Совета
учредителей РКЦ экономической
зоны Приднестровского региона

Загвядский

"16" июля 19

Подлинники переданы автором
в фонды Тираспольского государственного объединенного музея

Впервые образ А.В. Суворова, а именно силуэт его памятника появился на первой странице газеты «Днестровская правда», кстати, автор идеи неизвестен. Произошло это в начале 1990 года в период острого противостояния горкома партии и ОСТК во время выборов в Тираспольский Совет народных депутатов, в какой-то мере символом этого противостояния и стал облик памятника А.В. Суворова в «Днестровской правде».

На Первом съезде народных депутатов всех уровней в июне 1990 г. было провозглашено о создании самостоятельной экономической зоны Приднестровья и Ассоциации городских и районных советов экономической зоны Приднестровья. На бланке и первой печати Ассоциации был размещен силуэт памятника А.В. Суворова. Оттиск этой печати на подлинных финансовых документах сегодня можно увидеть в экспозиции Тираспольского государственного объединенного музея.

После создания Республики началось формирование атрибутов ее государственности. После распада СССР, его денежной системы главной и крайне необходимым стало создание собственной денежной системы, так как банки бывших союзных республик стали работать самостоятельно (по безналичному расчету). В связи с этим был заключен договор с Центральным банком Российской Федерации о корреспондентских отношениях с ним (оригинал договора находится также в музее). Это была большая победа, так как после заключения договора появилась возможность производить, минуя банк Молдовы, взаиморасчеты со всеми странами как в валюте, так и в рублях РФ. В 1993 г. возник вопрос о разделении и наличных рублей, в конце этого года произошло окончательное разделение финансовых систем СНГ как в безналичной, так и наличной сферах. В республиках были созданы промежуточные денежные единицы-купоны (Молдова, Украина и др.). В ПМР также готовились к выпуску новых денежных единиц на российской фабрике Госзнак. К 1 ноября 1993 г. они были готовы к выпуску, однако из-за утечки информации и резкого протеста молдавского руководства не были выданы ПМР, даже и после решения Верховного суда РФ. Как временная мера, когда были «заморожены» денежные единицы, отпечатанные в Москве, в 1993 г. в ПМР были введены в обращение старые советские деньги с приклеенными на них марками с изображением портрета А.В. Суворова. Автором этой идеи является Председатель ВС ПМР Г.С. Маракуца. Можно сказать, что А.В. Суворов, его образ «спас» финансовую систему ПМР.

При утверждении денежных знаков ПМР было принято решение об изображении на них портрета А.В. Суворова. За это высказались Президент ПМР И.Н. Смирнов, Председатель ВС ПМР Г.С. Маракуца, Управляющий ЦБ ПМР В.А. Загрядский, так этот образ появился и на приднестровских денежных знаках. Так как денежные знаки, изготовленные в РФ, долгое время не были получены, то продумывались и другие варианты, в частности, печатание денег в Мюнхене (Германия). В августе 1994 г., когда обходным путем были наконец-то получены денежные купюры из России, в Приднестровье поступили и первые купюры из Германии, выполненные на качественной бумаге. Историческая, в том числе военная, тематика была использована и в дальнейшем. На приднестровских купюрах должны были появится видные деятели украинской и молдавской истории Б. Хмельницкий и Д. Кантемир. Но изображение Д. Кантемира отпечатать не успели, причиной стала утечка информации и последовавшее за ней противодействие молдовской стороны.

В 2000 г. в Приднестровской Молдавской Республике введены в обращение новые денежные знаки. Целый ряд купюр несут на себе изображение портрета А.В. Суворова. Спустя двести лет дух А.В. Суворова остался жить в Приднестровье во всех сферах жизни, в том числе и финансовой.

ОБРАЗ А.В. СУВОРОВА В ТВОРЧЕСТВЕ ТИРАСПОЛЬЧАН

Н.В. Дымченко

Образ и имя Александра Васильевича Суворова дороги приднестровцам, и не зря суворовская тема является одной из ведущих в творчестве тираспольчан.

Она получила отражение в литературе и изобразительном искусстве, фалеристике и филателии, бонистике и нумизматике, декоративно-прикладном творчестве и т. д.

Наиболее ярко образ генералиссимуса А.В. Суворова представлен в приднестровской поэзии. И это не случайно, ведь большинство тираспольских поэтов, как профессиональных, так и самодеятельных, посвящают свои стихотворения родному городу, выросшему вокруг крепости, основанной великим русским полководцем.

Так, сразу же приходят на память строки, написанные членом Союза писателей России, кандидатом филологических наук В.Л. Полушиным:

Граф А.В. Суворов.
Художник В.И. Параконьев

Неторопливо бьет копытом
Сырую землю резвый конь.
Суворов вдаль глядит сердито.
Он весь — огонь.
Его не тронь!

Дымит казацкий лагерь
Шами,
Тревожной песней воздух сыт.
Здесь будет
Завтра враг разбит,
Здесь крепость
Встанет над холмами.

И в звоне пуль
и пил проснется
Грядущий день
Над пустырем,
И флаг российский

Ввысь взметнется
Над быстрым
Омутным Днестром.

В.Л. Полушин. У памятника А.В. Суворову
(триптих «Тирасполь», 1979 г.)

Эта же тема прослеживается в творчестве членов Союза писателей Приднестровья: юриста Н. Божко, офицера Л. Вырвича; школьника Е. Горпинюка.

Тирасполь — город у Днестра —
Основан был еще тогда,
Когда Суворов турок бил.
Он город этот заложил.
Сначала крепость, а потом
Разросся город над Днестром.

Е. Горпинюк

При государыне Екатерине
Строжайший издан был указ:
Гнать с юга турок и отныне
Быть югу русским — и весь сказ.
И, проявив свой русский норов,
Орде спесивых янычар
Военный гений, граф Суворов,
Нанес стремительный удар.

Н. Божко

Строгость в Указе императрицы:
«..Повелеваю: построить скорей
Для укрепленья державной границы
Крепость Тирасполь и город при ней!»
У Деволана проект идеальный:
Рвы и валы, контрэскарп из камней.
И при Суворове стала реальной
Крепость Тирасполь и город при ней.

Л. Вырвич

Имя А.В. Суворова получило звучание в песенном творчестве, особенно в произведениях секретаря Союза писателей ПМР по-

эта О. Юзифовича и известного приднестровского барда Б. Парменова.

Осени вспорхнула ввысь жар-птица
Дымом листворунного костра.
Здравствуй, приднестровская столица,
Светлый город в заводях Днестра!

Времени грохочет поезд скорый
Над твоей вихрастой головой.
Освятил тебя святой Суворов
Славой боевой и трудовой.

«Здравствуй, столица!»
сл. О. Юзифовича, муз. Б. Парменова

В рассветном кружеве Днестра
Даль упоительно быстра.
И миру искреннему рад
Суворов-град. Тирасполь-град!

«Тирасполь-град»
сл. О. Юзифовича, муз. Б. Парменова

Эти песни пользуются особой популярностью у тираспольчан и исполняются на праздниках Дня Республики и Дня города солистами военного духового оркестра Министерства обороны ПМР.

Образ А.В. Суворова запечатлен и на живописных полотнах художника В.И. Параконьева, который создал целый цикл картин, своеобразную портретную галерею русского полководца. Портреты А.В. Суворова, выполнение В.И. Параконьевым, украшают кабинет мэра города и Дом правительства, приемную ректора Приднестровского государственного университета и залы Тираспольского государственного объединенного музея. А совсем недавно портрет А.В. Суворова, написанный мастером, был передан в дар известному политическому деятелю Е.М. Примакову.

К увековечиванию памяти об А.В. Суворове также обращались художники П.И. Китаев – создатель памятного панно, посвященного 200-летию Тирасполя; В. Шихов – автор многих городских пейзажей с видом памятника А.В. Суворову; М.М. Балан – художественный летописец старого Тирасполя и др.

Старый Тирасполь. Художник П.И. Китаев

Большую работу по популяризации жизни и деятельности А.В. Суворова проводит тираспольский краевед и художник, создатель гарнизонного музея А.В. Суворова Григорий Захарович Бронза. Он автор ряда портретов А.В. Суворова, а также многих почтовых штемпелей и конвертов с изображениями Александра Васильевича.

Среди произведений народных умельцев выделяются работы В.Я. Кучерявенко – мастера, изготовляющего деревянные шкатулки, инкрустированные соломкой. Одной из основных тем его творчества является история Тирасполя и его основателя.

И это только небольшая часть творчества тираспольчан, обращенного к исторической памяти о выдающемся полководце и человеке – А.В. Суворове.

ОБРАЗ А.В. СУВОРОВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ФАЛЕРИСТИКЕ, ФИЛАТЕЛИИ И МЕДАЛЬЕРНОМ ИСКУССТВЕ

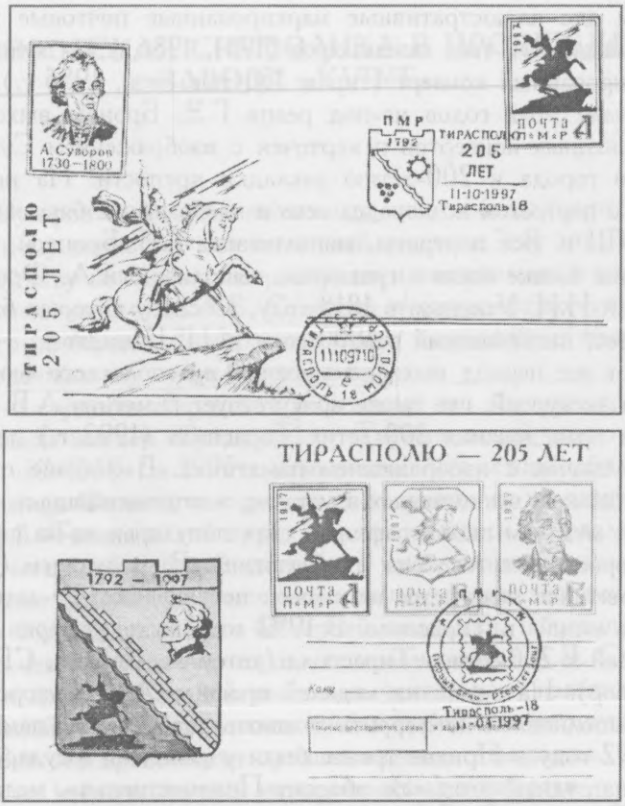
А.М. Зенкин

Не касаясь фалеристики и медальерного искусства всего СССР с его огромным количеством нагрудных знаков, медалей, плакеток с изображением как самого полководца, так и памятников ему, памятных мест и музеев, посвященных А.В. Суворову, цель данной статьи – нагрудные знаки Тирасполя с изображением генералиссимуса как периода СССР, так и периода существования непризнанного государства ПМР.

Процесс проникновения и популяризации образа А.В. Суворова в сферу общественного сознания горожан, а в последствии и жителей всего Приднестровья можно разделить на два этапа: 60-е годы – первая половина 80-х гг. и конец 80-х – 90-е годы XX столетия. На первом этапе ведущая роль в деле популяризации образа А.В. Суворова по праву принадлежит тираспольскому художнику, граверу и медальеру Григорию Захаровичу Бронзе (автору первых марок Молдовы). В середине 60-х годов из-под его резца вышел первый значок с изображением российского полководца – бронзовая пластина с изображением Александра Васильевича, впаянная в металлическое обрамление, внизу которого подпись «Тирасполь», а вверху графская корона. В 1972 году этим же автором, в честь 180-летия города Тирасполь, был изготовлен еще один нагрудный знак – где верх значка был выполнен в виде крепостной стены в память основания города как крепости, а в центре – портрет А.В. Суворова.

Кроме нагрудных знаков Г.З. Бронзой были изготовлены почтовые конверты и «клубный» – штемпель к 185-летию основания города (1977 г.) с изображением полководца.

Вторая волна связана с установкой в Тирасполе памятника А.В. Суворову (авторы скульптуры Владимир Алексеевич и Валентин Алексеевич Артамоновы, архитекторы Ярослав Григорьевич Дружинин и Юрий Григорьевич Чистяков), отлитым на заводе художественного литья в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) и открытым 23 ноября 1979 года на площади Конституции (ныне площадь им. А.В. Суворова). В 1982 году авторы памятника были удостоены



Конверты к 205-летию г. Тирасполь. Г.З. Бронза

Золотой медали Академии художеств им. Вучетича, как авторы одного из лучших монументальных произведений СССР.

В 1980 году из-под резца одного из лучших тираспольских граверов Николая Николаевича Грязнова выходит серия настольных медалей — «Установлен в 1979 году» и «В память посещения г. Тирасполь», где на аверсе изображен вышеуказанный памятник с текстом по контуру «А.В. Суворову — основателю Тирасполя — 1792». В связи с особенностью технологии изготовления медалей они известны в двух вариантах — золотистого и серебристого цвета. Металл — алюминий. К этой же серии относится и медаль, где на реверсе изображен современный герб г. Тирасполь.

В 1980-х годах Министерство связи СССР неоднократно обращалось к памятнику А.В. Суворову, установленному в Тирасполе. Были

выпущены две иллюстративные маркированные почтовые карточки общим тиражом 150 тыс. экземпляров (1981, 1986 гг.) и художественный маркированный конверт (тираж 150 тыс. экз., 1985 г.).

В начале 90-х годов из-под резца Г.З. Бронзы выходит ряд немаркированных конвертов и карточек с изображением Суворова к 200-летию города и 200-летию закладки крепости. На некоторых карточках с портретом полководца есть и изображение бивуачного быта конца XVIII в. Все портреты, выполненные Г.З. Бронзой, по своей иконографии ближе всего к гравюрам, выполненный А. Фроловым в 1812 году и Н.И. Уткиным в 1818 году, в основу которых был положен портрет, выполненный в 1800 году И.Н. Шмидтом.

В этот же период выходит значок Тираспольского бюро путешествий и экскурсий, где также присутствует памятник А.В. Суворову. В дни празднования 200-летия Тирасполя (1992 г.) появляется еще один значок с изображением памятника. В отличие от других нагрудных знаков, выполненных в металле, и отштампованных, этот был изготовлен методом шелкографии и, стал популярен из-за своей простоты, скорости изготовления и дешевизны. В следующем (1993 г.) силуэт памятника появляется на значке, посвященном 25-летию троллейбусных линий в Тирасполе. В 1992 году выходит серия настольных медалей к 200-летию Тирасполя (автор А. Каплий, СПб., Монетный двор). На одной из медалей профиль А.В. Суворова, а на медали, выполненной из феррита — вновь изображение памятника.

В 1992 году в Приднестровье были учреждены государственные награды: нагрудный знак «За оборону Приднестровья», медаль «Защитнику Приднестровья», — где на аверсах изображен монумент, установленный в Тирасполе. Портрет А.В. Суворова появился и на ордене «За личное мужество», учрежденном в 1994 году.

Отдельной строкой в популяризации образа А.В. Суворова проходят денежные купюры, банкноты и монеты Приднестровского региона. Это — тема дальнейших исследований.

Один из аспектов исследовательской работы в заявленной теме — проникновение образа А.В. Суворова и памятника ему, установленного в Тирасполе, в геральдику Приднестровья. Как элемент геральдической системы (знамена воинских частей, наградная система, фалеристика, филателия, боннистика, нумизматика и т. д.) имя А.В. Суворова и изображение памятника ему дает возможность использовать их совокупность, как и совокупность исторических спецдисциплин, в воссоздании психологической атмосферы в Приднестровье, не только в сфере политической истории, но и в области истории общественного сознания.

СУВОРОВСКАЯ СИМВОЛИКА В ПРОДУКЦИИ ЗАВОДА «KVINT»

О.М. Баев

А.В. Суворов – великий полководец, чьи победы принесли славу российскому воинству; замечательный теоретик, чьи труды по военному искусству не только интересны, но и значительны в наши дни. Мы, тираспольчане, чтим А.В. Суворова и как великого созидателя, основавшего на берегах Днестра наш город, выросший из крепостных стен, возведенных его «чудо-богатырями».

Славу и гордость Тирасполя составляют его ведущие предприятия с мировым именем. Среди них – Тираспольский винно-коньячный завод «KVINT», в 1995 г. отметивший 100-летний юбилей. Как сказочная птица Феникс, завод трижды возрождался из разрухи войн и революций. Титанический труд, творческий поиск виноделов увенчался замечательной победой, достойной имени великого полководца. К 200-летию Тирасполя высококлассными специалистами завода «KVINT» был создан коньяк 40-летней выдержки, получивший свое название в честь основателя города генералиссимуса А.В. Суворова.

Вкус и аромат этого действительно уникального напитка неповторимы. Дизайн бутылки и упаковочной коробки соответствует содержимому. Все это превосходит лучшие мировые стандарты, что подтверждено на многочисленных международных конкурсах.

На графине с коньяком – факсимиле А.В. Суворова. На сувенирной коробке насыщенного багрового цвета, цвета славы российского воинства, помещен золотой барельеф полководца. Обратную сторону коробки венчает герб графа А.В. Суворова-Рымникского. Его девизу – «За веру и верность» – следует коллектив завода «KVINT»: за веру в человека труда и верность Отчизне. Словами А.В. Суворова мы можем сказать сегодня: «...успехи наши имели исключительной целью благоденствие... нашего отечества».

Дана краткая характеристика коньяка «Суворов»; историческая справка о великом полководце, чье имя он носит. Ниже отмечены географические контуры нашего государства, подобные которым рассматривал 200 лет назад основатель нашего города А.В. Суворов во времена своих боевых походов.

Каждая сувенирная коробка имеет свой порядковый номер, который подтверждается подписью Генерального директора завода

40-летний суперэлитный коньяк «Суворов» и кубок Гран-при,
присужденный ему на втором международном конкурсе «Крым-коньяк-97»

«KVINT». В настоящее время для защиты от фальсификации разработаны и внедрены специальные штрих-коды, в которых зашифрованы марка и категория коньяка, дата разлива.

История нашего края нашла отражение в названии и оформлении другого творения виноделов «KVINT» – коньяка «Тирас». На его этикетке изображен силуэт памятника А.В. Суворову, воздвигнутого благодарными тираспольчанами. Благородный напиток выдерживается в дубовых бочках не менее 6 лет; награжден на международных конкурсах серебряной и бронзовой медалями.

Из истории известно, что в сражениях гениальные полководцы Суворов и Наполеон не встречались. Искусство виноделов позволило исправить это обстоятельство: в 1995 году на международном конкурсе «Крым-Коньяк-95» коньяк «Суворов» обошел знаменитые французские коньяки и получил «Гран-при».

На многочисленных международных конкурсах «Суворов» завоевал Супер Гран-При, три Гран-При, восемь золотых медалей. В 1998 году на международном профессиональном конкурсе вин и коньяков «Суворов» признан российскими экспертами лучшим коньяком

года. Победное шествие коньяка «Суворов» началось в 1992 году и продолжается сегодня.

В 1997 году коньяк «Суворов» был преподнесен делегацией города королю Норвегии Гарольду V, большому знатоку и ценителю коньяков. Благодаря инициативе и спонсорской помощи известного мецената, общественного деятеля, одного из наиболее именитых представителей российской эмиграции первой волны барона Фальц-Фейна, в 1999 году состоялось празднование 200-летия легендарного перехода Суворова через Альпы.

Центром международного праздника стал город Андерматт, который принял гостей и туристов со всех концов мира. Прибыла на празднование юбилея суворовского перехода и российская делегация, в составе которой были заместитель Министра обороны России генерал-полковник В. Исаев, и.о. начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-майор Е. Никитенко. Незабываемы встречи с Министром обороны Швейцарии А. Оги, мэром г. Андерматт, бароном Фальц-Фейном. Среди сувениров, которые вручала российская делегация, была и продукция завода «KVINT» – коньяки «Суворов» и «Тирас».

9 мая 2000 года состоялось празднование 55-летия Победы в Великой Отечественной войне. Делегация ветеранов ПМР, проезжая по местам боевой славы, посетила Республику Беларусь. От имени белорусского народа делегацию приветствовал Президент Республики Беларусь. В знак признательности ветераны вручили А.Г. Лукашенко сувенир – легендарный коньяк «Суворов».

Коньяк «Суворов» хранится в коллекциях многих известных людей, таких, как Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, Народный артист СССР Г. Жженов, губернатор Красноярского края А.И. Лебедь, президент фирмы «Аморим» Америго Аморим и др.

С ИМЕНЕМ А.В. СУВОРОВА

Н.Е. Сорокина

Память... Она неразрывно соединена с сегодняшним днем, с хлопотливой, спешащей сиюминутностью. Если есть в человеке память, значит он жив, значит волнуют и беспокоят его житейские проблемы. Память строится на прожитом, на душевных ценностях, которые хочется донести до будущих поколений, чтобы знали дети, внуки и правнуки, чем жили их предки, за что боролись, какие идеалы отстаивали.

Имя А.В. Суворова связано не только с теми странами, где он непосредственно побывал. Благодарная человеческая память увековечила его образ в названии улиц, городов, районов, организаций. А.В. Суворов стал для многих символом трудолюбия, мудрости, благородства. Вы найдете его имя и на правом берегу Днестра. В 2002 году аграрно-экономическому колледжу с. Гиска исполняется 50 лет.

Памятник А.В. Суворову в с. Гиска

Не будем говорить, много это или мало для истории, просто попытаемся вспомнить важнейшие вехи. В октябре 1945 г. в г. Бендеры был организован питомниководческий совхоз им. А.В. Суворова. В ближайшем пригороде – с. Гиска – после войны был создан колхоз. 12 мая 1958 г. приказом № 474-к по Министерству сельского хозяйства МССР в соответствии с Постановлением ЦК КП Молдавии и Совета Министров МССР от 10 апреля 1958 г. №146 «О мерах подготовки и переподготовки колхозных кадров по экономике сельскохозяйственного производства и бухгалтерскому учету» был организован Бендерский бухгалтерский техникум. Его первым директором стал Е.И. Кузнецов, который был переведен из Маркулештского бухгалтерского техникума. В 1961 г.

для улучшения работы по снабжению республики продуктами питания и в связи с расширением масштабов хозяйств были объединены Бендерский совхоз им. А.В. Суворова и колхоз с. Гиска. Уже в 1963 г. министерство приняло решение создать производственно-учебный центр для подготовки специалистов бухгалтерского учета для сельского хозяйства. Для этого приказом № 495 от 22 ноября 1963 г. по Министерству производства и заготовок сельхозпродуктов МССР были объединены совхоз им. А.В. Суворова и Бендерский бухгалтерский техникум. Новое предприятие утратило имя А.В. Суворова. Молдавский планово-экономический совхоз-техникум стал одним из одиннадцати учебно-производственных центров республики. Неоднократно переименовывали учебное заведение. Сегодня мало кто помнит, что первоначально хозяйство носило имя А.В. Суворова. Об этом факте напоминает бюст полководца у административного корпуса. В музее боевой и трудовой славы колледжа хранятся материалы 93-й Миргородской стрелковой дивизии, которая участвовала в освобождении села от немецких захватчиков. За успешное выполнение поставленных командованием задач дивизия получила орден А.В. Суворова.

«...КТО ЗАБУДЕТ ПРОШЛОЕ, БУДУЩЕГО ИМЕТЬ НЕ БУДЕТ»
(о музее А.В. Суворова в г. Тирасполь)

Г.З. Бронза

В 1965 году я был направлен для прохождения воинской службы в Тираспольский гарнизон. Здесь, на высокой круче у Днестра, раскинулся небольшой уютный городок Тирасполь, утопающий в зелени. Как и любого человека, меня заинтересовала история города и военного городка, где я поселился. Она оказалась довольно интересной, так как была связана еще с екатерининскими временами, русско-турецкими войнами и с именем величайшего полководца России Александра Васильевича Суворова, кому и обязан своим появлением на берегу седого Днестра город.

В небольшом солдатском багаже я привез с Дальнего Востока около тридцати своих картин, выполненных акварелью, маслом, и часть гравюр. С 1965 года я стал постоянным участником выставок работ художников-любителей.

Как человек, увлеченный изобразительным искусством, я постоянно заходил в картинную галерею в микрорайоне «Бородинская площадь» и знакомился с каждой новой экспозицией. Однажды в галерее были выставлены не картины, а маленькие литографии, аккуратно разместившиеся в причудливых, искусно выполненных рамках. Больше всего меня удивило то, что все они были посвящены одному человеку – А.В. Суворову.

Эту необыкновенную выставку привез из Ленинграда человек преклонного возраста, большой поклонник А.В. Суворова. Не случайно он привез ее именно в наш город, который был основан великим полководцем.

Мне стало обидно до слез, что мы, жители Тирасполя, так мало знаем о родоначальнике своего города. Тогда и зародилась мечта: собрать о Суворове все, что возможно, и преподнести в дар воинам гарнизона и всем тираспольчанам передвижную выставку работ об А.В. Суворове.

Шли годы, но мое желание не угасало, а росло с еще большей силой. Перебирая книги, журналы и альманахи, я подбирал и копировал иллюстрации, документы и статьи, все, что могло рассказать о жизни и деятельности А. В. Суворова.

В 1980-е годы я сделал первый шаг: организовал в гарнизонном Доме офицеров выставку, насчитывающую более ста иллюстраций, документов и карт боевых действий и походов А.В. Суворова. На протяжении недели не прекращался поток посетителей. Сюда приходили сотни солдат и офицеров, школьники, студенты и просто жители города.

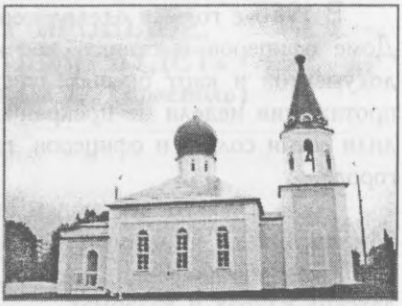
Тогда я понял, что людям это надо, они живут не только хлебом насущным, их волнует история города и его основателя. Это придало мне еще больше энергии в работе. Потом были выставки в солдатских клубах и казармах.

В 1990-х годах жизнь страны потекла по другому руслу. Людей стало интересовать все, что угодно, но только не история своего Отечества. Однако я по-прежнему продолжал начатое дело, надеясь, что это пригодится людям. Когда-нибудь они поймут, что не могут быть «Иванами, не помнящими родства».

Наступило лето 1997 года. Шли обычные рабочие будни. Часами приходилось засиживаться в библиотеке, просматривая свежие армейские журналы и газеты, где стали часто публиковать исторические материалы. За окном кипела работа, солдаты рыли котлованы, закладывали фундамент, возводили стены, воссоздавали разрушенный временем и войной Храм Святого Андрея Первозванного, возведенный еще в бытность А.В. Суворова на территории Тираспольской крепости. Однажды в читальный зал зашел командующий Оперативной группой российских войск в Приднестровье генерал-лейтенант В. Евневич. Невольно завязался разговор о строительстве храма и военно-патриотического воспитательного комплекса. Командующий высказал мысль о том, что неплохо было бы создать уголок А.В. Суворова, ведь здесь все напоминает о нем: и храм, и крепость, да и сам город. Тогда я сказал ему: «Дайте помещение, и уголок будет. На протяжении пяти лет я собирал материал о Суворове и теперь могу создать музей». На протяжении двух месяцев пришлось дневать и ночевать, не уходя с места работы. 3 августа 1997 года на открытие военно-патриотического комплекса прибыли в гарнизон многие представители власти города.

Свершилась моя заветная мечта: музей А.В. Суворова открыл свои двери для первых посетителей. В этом заслуга не только моя, но и многих людей, помогавших мне. Особую благодарность хочется выразить директору Тираспольского государственного объединенного музея Алле Антоновне Мельничук за оказанную всестороннюю помощь и поддержку. Музей работает четвертый год. Его посещают школь-

ники, студенты, жители города, гости из разных городов Молдавии, России, Белоруссии и других краев. Частыми гостями являются ветераны войны, члены правительства Российской Федерации и депутаты Государственной Думы. Здесь побывали представители ОБСЕ, военные атташе и послы многих стран в Молдове. Посещают музей и воинруки учебных заведений Тирасполя. Его двери открыты для всех, кто желает заглянуть в историю нашего края.



Церковь Святого Андрея Первозванного

Каждую весну и осень сюда приходят молодые солдаты и в торжественной обстановке принимают Военную Присягу на верность Родине. Отрадно сознавать, что сюда приходят и те, кто готовит себя к защите Отечества, — это члены подросткового военно-патриотического клуба «Звездный», которым руководит Александр Серяцкий. Здесь они проводят занятия и принимают клятву на верность своей Республике.

Музей имеет неплохой фонд экспонатов. При входе в музей посетитель видит большой макет бывшей Тираспольской крепости, копию знамени Семеновского полка, под которым начал свою воинскую службу А.В. Суворов, копии знамен пехотных и гвардейских полков. За стеклами витрин хранятся гусарские ментики, доломаны, френчи и кафтаны, офицерская сабля, сигнальный рожок и фанфары образца петровских времен. В центре зала, на небольшом подиуме, находится пушка образца 1790 года. Здесь хранятся и подлинные гвардейские знамена, прошедшие тяжелый боевой путь от Сталинграда до австрийских Альп. На этих знаменах сияют боевые награды, среди которых и орден А.В. Суворова.

В музее имеется книга отзывов, которую можно назвать интернациональной, потому что здесь есть записи на русском, немецком, японском, украинском, белорусском и на многих других языках. Приведу лишь одну: «...кто забудет прошлое, будущего иметь не будет».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атаманюк Владимир Иванович – Первый заместитель Председателя Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики (1995–2000 гг.), генерал-майор

Бабилунга Николай Вадимович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией истории Приднестровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

Баев Олег Маркович – генеральный директор Тираспольского винно-коньячного завода «Квинт», доктор технических наук

Бекетова Валентина Михайловна – заместитель директора по научной работе Днепропетровского историко-краеведческого музея

Благодатских Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, председатель Совета ОИАП

Богданов Антон Борисович – аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге

Боговид Александр Степанович – офицер отдела Войскового Правления Черноморского казачьего Войска

Бронза Григорий Захарович – директор музея А.В.Суворова в Тирасполе

Гальчак Сергей Дмитриевич – директор Государственного архива Винницкой области

Гросул Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, автор монографии «Дунайские княжества в политике России 1774–1806 гг.»

Дяченко Сергей Андреевич – научный сотрудник Херсонского краеведческого музея

Дымченко Николай Викторович – заместитель начальника управления культуры госадминистрации г. Тирасполь, зам. председателя ОИАП

Загрядский Вячеслав Алексеевич – кандидат экономических наук, начальник Государственной службы внешнеэкономических связей и торговли ПМР

Заремба Татьяна Ивановна – научный сотрудник Национального музея истории Молдовы

Зенкин Андрей Михайлович – заведующий филиалом Тираспольского государственного объединенного музея

Лысь Валентина Николаевна – заместитель директора по научной работе Одесского муниципального музея личных коллекций им. А.В. Блещунова

Мельничук Алла Антоновна – директор Тираспольского государственного объединенного музея

Николаева Галина Николаевна – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

Панкова Ольга Петровна – старший научный сотрудник Измаильского исторического музея А.В. Суворова

Перстнев Владимир Игоревич – заведующий филиалом Бендерского историко-краеведческого музея

Скалецкая Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

Сорокина Наталья Евгеньевна – преподаватель аграрно-экономического колледжа с. Гиска

Тодорашко Зинаида Георгиевна – начальник ГУ «Архивы ПМР», председатель правления ОИАП

Третьяк Александр Иванович – кандидат политических наук, доцент Южно-Украинского государственного университета им. К.Д. Ушинского

Хропотинский Андрей Георгиевич – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой журналистики Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

МЫСЛИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ТВОРЧЕСКОГО КОНКУРСА ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ «А.В. СУВОРОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ»

Года, века проходят, а такие человеческие качества, как честность, служение Отечеству, гуманность, должны оставаться навсегда. И очень обидно, что редко встречаются такие люди, на которых можно положиться в любую минуту.

ВИТАЛИЙ МЕНЬШИКОВ
(г. Бендеры, СШ № 4, 9 кл.)

Бывают люди, для которых опасность является жизненной потребностью, которые в борьбе с ней находят величайшую радость жизни. Из таких людей выходят обычно крупные военные деятели. Яркий пример тому — А.В. Суворов.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ
(г. Бендеры, СШ № 18, 7 кл.)

С именем А.В. Суворова связано прошлое и настоящее нашего края. О великом полководце напоминает многое: и солдаты военных лет, гордо носящие на груди орден А.В. Суворова, и главная площадь Тирасполя, и улица в центре Бендер.

АНАСТАСИЯ СОЛОМИЦКАЯ
(г. Бендеры, СШ № 14, 10 кл.)

Для нас, потомков, А.В. Суворов не только талантливый полководец, но и человек с высокими моральными качествами, который будет служить примером для людей еще многие годы.

ЕКАТЕРИНА АЛАЧЕВА
(с. Парканы, СШ №3, 9 кл.)

Очень жаль, что у нас в Республике нет ни одного суворовского училища, которое воспитывало бы юношей в традициях суворовской «побеждать» Науке. Я думаю, многие мои сверстники посчитали бы за честь учиться в таком военном училище.

АЛЕКСЕЙ ЦУРКАН
(г. Бендеры, СШ №13, 10 кл.)

Познакомившись с жизнью и деятельностью А.В. Суворова, я понял, что в нем воплощены лучшие черты русского народа. Когда мы произносим имя полководца, мы подразумеваем любовь к Родине, стойкость характера и самое главное — неукротимое желание деятельности во благо своего народа.

АНДРЕЙ БРИЗИЦСКИЙ
(с. Кицканы, СШ №2, 9 кл.)

Я считаю, что А.В. Суворов не просто полководец, занявший достойное место среди великих полководцев мировой истории, – он представляет собой историческое явление.

ОЛЬГА СИДОРОВА
(г. Бендеры, СШ №18, 7 кл.)

Я думаю, что в наше время последователей А.В. Суворова нет, а ведь у нас должна быть сильная армия во главе с таким же Суворовым.

ЛИЛИАНА РОМАНОВСКАЯ
(г. Григориополь, СШ № 3, 11 кл.)

В наше время памятник Александру Васильевичу Суворову в Тирасполе стал одним из символов ПМР – того клочка земли, который, несмотря ни на что, до сих пор по-суворовски верен России.

МАРИНА ПАНОВА
(пгт Слободзея, строительный лицей)

Я думаю, что именно таких выдающихся людей, каким был Александр Васильевич, не хватает в нашем сегодняшнем мире, где вот уже несколько лет не прекращается война в Чечне. Вот туда бы Суворова!

ТАТЬЯНА ОСТРОВСКАЯ
(г. Тирасполь, СШ №15, 11 кл.)

Сколько жизней молодых солдат было бы сохранено сегодня, сколько матерей не потеряли бы своих сыновей, если бы современные генералы руководствовались в своих действиях хотя бы одной из ставших крылатыми суворовских фраз: «Уступленный мост можно снова занять, а потеря людей невозвратима».

ТАТЬЯНА БЕЖАН
(г. Бендеры, педагогический колледж)

Удивительное и прекрасное имя – А.В. Суворов. Оно для нас воплощение побед, синоним великого слова Полководец, который всегда рядом с нами, всегда есть как долг, достоинство и честь, как небо, воздух и земля.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ
(г. Бендеры, СШ № 18, 7 кл.)

Для меня есть два Суворова. Один – исторический деятель, гениальный человек на службе у государства, один из немногих, которые не вступали в спор с официальной властью... Есть и другой Суворов – человек из «белых ворон», не пытавшийся это скрыть, – верный признак настоящего лидера и человека, сильного нравственно. Он сам легенда и достоин ею быть. Его гениальная способность предугадать не может быть объяснена

только опытностью. Неисповедимы твои пути, Господи: воин, не потерпевший ни одного поражения, был на самом деле величайшим гуманистом.

НАТАЛЬЯ СЕРБУЛ
(г. Тирасполь, ТГМТ, 10 кл.)

Никто среди плеяды русских полководцев не может более называться национальным, чем А.В. Суворов. Это право решительно принадлежит ему. В Суворове отразились слава и победа русского оружия, русская душа и русский характер.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ
(г. Бендеры, СШ № 18, 7 кл.)

Это ли не пример для подражания? Особенно сейчас, когда молодежь жалуется на отсутствие идеалов: старые у них отняли, а новых не дали. Не заглянуть ли в историю, где и юный Суворов искал примеры для подражания?

АЛЕКСЕЙ ЦУРКАН
(г. Бендеры, СШ №13, 10 кл.)

Дела и помыслы А.В. Суворова необходимо знать всем, чтобы душой понять тайны его величия, найти ответ на самые животрепещущие вопросы. Пусть мы не до конца способны понять, в чем заключается феномен А.В. Суворова, но его наука любить Родину и побеждать врага живет всегда.

ЕКАТЕРИНА ЧИКАНЧИ
(с. Гиска, аграрно-экономический колледж)

Сегодня молодому поколению, может быть, не хватает Вашей самоотверженной любви к Родине, к своей родной земле. И в то же время Вы могли бы гордиться, видя мужество и героизм молодых парней, защищавших Приднестровье летом 1992 года. Гордитесь и радуйтесь, Александр Васильевич!

Вас помнят, Вас любят и уважают, а главное — с Вас берут пример.

НАТАЛЬЯ СИДЕНКО
(г. Бендеры, гимназия №2, 10 кл.)

Я считаю А.В. Суворова самым народным полководцем России, ведь многие его качества совпадали с национальными чертами характера русского народа. Услышав лишь одно его слово, солдаты были готовы на подвиг во имя Родины. Этот человек стал символом несгибаемости и мужества русского народа. Он сумел внести огромный личный вклад в развитие военного искусства в целом.

ЕВГЕНИЙ ПРОЗОРЕНКО
(г. Тирасполь, СШ №7, 10 кл.)

В конце XVIII века на территории нынешней ПМР Вы основали маленькое поселение, не предполагая, что в конце XX века оно станет большим городом и столицей го-

сударства, пусть маленького, но все же самостоятельного. Мы все Вам за это очень благодарны.

СВЕТЛАНА МЕЛЬНИК
(пгт Первомайск, СШ №2, 9 кл.)

Благодарные потомки поместили портрет А.В. Суворова на государственных денежных единицах. Думаю, что это самое лучшее доказательство почитаемости великого полководца у нас в Республике.

ТАТЬЯНА БОРДЕЙ
(г. Тирасполь, РУТЛ)

На мой взгляд, в наше трудное время, когда в стране царит хаос, такая личность, как А.В. Суворов, должна непременно родиться. Нам нужен истинный патриот, который готов отдать жизнь на благо своей Отчизны.

ОЛЬГА ЕПИФАНОВА
(г. Григориополь, СШ №3, 11 кл.)

Думаю, что если бы наши высокопоставленные лица почаще обращались к истории государства, может быть, и ошибок было бы меньше.

НАТАЛЬЯ СОФИЯН
(Парканы, СШ №1, 11 кл.)

Мы свято чтим заслуги этого великого человека. Хочется верить, что его надежды оправдались. Город-крепость растет и процветает.

ЕКАТЕРИНА АЛАЧЕВА
(с. Парканы, СШ №3, 9 кл.)

У нас в Дубоссарском районе есть дуб А.В. Суворова. Рядом с г. Дубоссары — село Дзержинское (в народе его называют Карантин).

После русско-турецкой войны 1787–1791 гг. на переправе через Днестр А.В. Суворов организовал карантин. Это название сохранилось в народе до сих пор.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ
(г. Дубоссары, СШ №4, 9 кл.)

Меня переполняет чувство гордости потому, что мой родной Тирасполь основал полководец А.В. Суворов. В центре города ему поставлен прекрасный памятник. Сколько стремительности, дерзости, величия и храбрости в полководце, зовущим солдат вперед. Кажется, что вот-вот каменный конь оторвется от постамента и помчится вперед, в синеющую даль.

НАТАЛЬЯ БОЛЬБОТ
(г. Бендеры, педагогический колледж)

К сожалению, до сих пор у А.В. Суворова нет награды от ПМР. Я поддерживаю предложение присвоить ему почетное высокое звание «Герой Приднестровья» и сообщить об этом его потомкам.

ЕВГЕНИЙ ПРОЗОРЕНКО
(г. Тирасполь, СШ №7, 10 кл.)

Расположившись в центре Тирасполя, Александр Васильевич, с высоты, глядя на своих потомков; как бы говорит: «Горжусь, что я русский». А гордимся ли мы этим? Что значит для нас называться русским?

ОЛЬГА СОКОЛОВА
(п. Слободзея, СШ №2, 10 кл.)

Я восхищаюсь тем, сколько А.В. Суворову пришлось работать над собой. Если посмотреть на всю жизнь великого полководца, то можно увидеть, как красной нитью проходит через весь его земной путь стремление усовершенствовать себя.

ИННА МУДРИК
(г. Бендеры, гимн. №1, 10 кл.)

Столь же по-суворовски неожиданным и потрясающим для НАТО стал стремительный пятисоткилометровый бросок наших десантников из боснийского городка Углевика на приштинский аэродром «Сталина» в Косово 12 июня 1999 года.

ОЛЬГА СИДОРОВА
(г. Бендеры, СШ №18, 7 кл.)

Если полистать страницы истории, то можно прочесть имена великих людей, заслуживающих доброй памяти. В истории российской земли таких людей мало, а в истории Приднестровья только одна такая личность – Александр Васильевич Суворов.

ОЛЬГА ЕПИФАНОВА
(г. Григориополь, СШ №3, 11 кл.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (*И.М. Благодатских*) 3

ОБРАЩЕНИЕ К ОРГАНИЗАТОРАМ И УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА «А.В. СУВОРОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ» 5

З.Г. Тодорашко. СУВОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ 6
О.Ю. Скалецкая. ПРИДНЕСТРОВЬЕ И РОССИЯ: ОБЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ 15

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ

Г.С. Гросул. РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В СУДЬБЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ 21
А.И. Третьяк. ОЧАКОВСКИЙ КРИЗИС И «РУССКАЯ ТРЕВОГА» 1791 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 30
А.С. Боговид. ВОЙСКО ВЕРНЫХ КАЗАКОВ ЧЕРНОМОРСКИХ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1787–1791 гг. 49
В.И. Перстнев. А.В. СУВОРОВ И БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ 73
Т.И. Заремба. РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ XVIII ВЕКА В МЕДАЛЬЕРНОМ ИСКУССТВЕ РОССИИ (по материалам Национального музея истории Молдовы) 79
С.Д. Гальчак. ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ РУССКОЙ ИСТОРИИ, ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ, И СВЯЗЬ ИХ С ВИННИЧИНОЙ 83
С.А. Дяченко. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЗАХОРОНЕНИЯ КНЯЗЯ Г.А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО В ХЕРСОНЕ 87

А.В. СУВОРОВ: НОВЫЕ ФАКТЫ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Н.В. Бабилунга. А.В. СУВОРОВ И РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ 105
О.П. Панкова. А.В. СУВОРОВ ВНЕ ВОЙН И СРАЖЕНИЙ 117
А.А. Мельничук. К ВОПРОСУ О РОЛИ А.В. СУВОРОВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТИРАСПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ И ОСНОВАНИИ г. ТИРАСПОЛЬ 124
А.Б. Богданов. А.В. СУВОРОВ В ПРАГЕ 135
В.М. Бекетова. «ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» ОБ А.В. СУВОРОВЕ 144
В.Н. Лысь. АКВАРЕЛИ О.Ф. СТОЯНОВОЙ И СУДЬБА ПАМЯТНИКА А.В. СУВОРОВУ В ОДЕССЕ 148

Г.Н. Николаева. К. СИМОНОВ «СУВОРОВ»:
ПОЛКОВОДЕЦ ГЛАЗАМИ ПОЭТА 152
А.Г. Хропотинский. ЕСЕНЦИАЛ ДЕСПРЕ СУВОРОВ
(дупэ романул луй Ион Друцэ «Бисерика албэ») 155

А.В.СУВОРОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

И.М. Благодатских. СУВОРОВСКИЙ ПАМЯТНИК
КАК СИМВОЛ ПРИДНЕСТРОВЬЯ 166
В.И. Атаманюк. ОБРАЗ А.В.СУВОРОВА В СИМВОЛИКЕ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПМР 170
В.А. Загрядский. ОБРАЗ А.В. СУВОРОВА
В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ ПМР 173
Н.В. Дымченко. ОБРАЗ А.В. СУВОРОВА
В ТВОРЧЕСТВЕ ТИРАСПОЛЬЧАН 180
А.М. Зенкин. ОБРАЗ А.В. СУВОРОВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ
ФАЛЕРИСТИКЕ, ФИЛАТЕЛИИ И МЕДАЛЬЕРНОМ ИСКУССТВЕ 184
О.М. Баев. СУВОРОВСКАЯ СИМВОЛИКА
В ПРОДУКЦИИ ЗАВОДА «KVINT» 187
Н.Е. Сорокина. С ИМЕНЕМ А.В. СУВОРОВА 190
Г.З. Бронза. «...КТО ЗАБУДЕТ ПРОШЛОЕ, БУДУЩЕГО
ИМЕТЬ НЕ БУДЕТ» (о музее А.В. Суворова в г.Тирасполь) 192

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 195

МЫСЛИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ
УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ТВОРЧЕСКОГО КОНКУРСА ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ
«А.В.СУВОРОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ» 197

Научное издание

**ПРИДНЕСТРОВСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ:
А.В. СУВОРОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ**

Выпуск I

Редактор **Г.Н. Николаева**
Технический редактор **С.С. Мельник**
Компьютерный набор **Н.А. Соколан**
Компьютерная верстка **С.В. Олейников**

Лицензия АЮ №04105
Сдано в набор 15.07.02. Подписано в печать 05.10.02.
Печать офсетная. Формат 60×90 1/16. Бумага офсет.
Гарнитура академическая. Усл. печ. л. 12,75.
Тираж 500 экз. Заказ 330

Отпечатано в ООО «Литера».
МД 3300, г. Тирасполь, ул. Котовского, 6.